

4

2024

50 ЛЕТ
ЖУРНАЛУ

ISSN 0132-1625

СОЦИОЛОГИЯ

Доверие в России и Китае:
как сопоставлять данные?

Может ли социология
изучать ценности?

Паттерны репродуктивного
поведения: что учитывать при
демографической политике?

Вульгаризация понятия «соборность»

«Экономика усыновления»,
или Как сохранить школу
от закрытия

НАУКА
— 1727 —

Журнал основан
в июне 1974 года

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

- 3 ЦЗИНЬ Ц., ВЕСЕЛОВ Ю.В., СКВОРЦОВ Н.Г. Методология сравнительного социологического исследования доверия (на примере России и Китая)
- 14 КУЧЕНКОВА А.В., ТАТАРОВА Г.Г. Субъективное благополучие: проблема анализа качественной (не)однородности населения (часть 1)
- 26 ШМЕРЛИНА И.А. Соборность как (не)социологическая категория

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

- 37 БРАСЛАВСКИЙ Р.Г. Цивилизационный поворот и метатеоретическая реконфигурация современной социологии

НОВЫЕ ИДЕИ И ЯВЛЕНИЯ В СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

- 49 ГАЛИНДАБАЕВА В.В., КАРБАИНОВ Н.И. «Экономика усыновления»: низовые бюрократы vs сельское сообщество
- 60 РЯЗАНОВА С.В. Пределы возможностей доктринальной идентификации религиозной группы – на примере двух религиозных сообществ в Прикамье

ДЕМОГРАФИЯ. МИГРАЦИЯ

- 73 АНТОНОВ А.И., КАРПОВА В.М. Вариативность линий репродуктивного поведения и типов репродуктивного цикла
- 88 СИНЕЛЬНИКОВ А.Б. Связь миграционного поведения с брачным статусом и количеством детей в семье
- 101 РЯЗАНЦЕВ С.В., ХРАМОВА М.Н. Русскоязычная миграция в Латинскую Америку: новые тренды

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- 113 ЛЕВАШОВ В.К. Граждане России о гибридной социально-политической реальности в стране

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

- 128 МАЛИНКИН А.Н. Ценности: может ли их изучать наука? К истории и методологии вопроса
-

ПЕРВЫЕ ШАГИ

- 139 ГРИГОРЬЕВА Е.А. Апология утопии: о возвращении утопических построений в социологическое теоретизирование

ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ

- 148 ЖАМПЕТОВА А.О., АТАЙ Ф., АЛКАН С.Я. О политических ценностях и предпочтениях студенческой молодежи Казахстана
- 153 ЛУШНИКОВА О.Л. Занятость в личном подсобном хозяйстве: этнорегиональные особенности (на примере Хакасии)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 160 БЕЛЯЕВА Л.А. Социокультурная эволюция России и ее регионов
- 164 ОСИПОВА Н.Г., КАНЕВСКИЙ П.С. Классический университет перед вызовами современности
- 167 **КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ** (рецензируются книги: Социология в трудах Николая Ивановича Кареева: Сборник к 170-летию Н.И. Кареева: По мат. конф. Герценовского университета / Отв. ред. А.В. Воронцов; науч. ред. С.Н. Малявин; ред.-сост. Г.А. Иоффе. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. **Рец. Ю.В. Рахманова**; Веселов Ю.В., Чернов Г.И. Санкт-Петербург: гастрономический портрет. СПб.: Реноме, 2020. **Рец. В.В. Воронов**)

175 CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или в № 1 и № 7 журнала. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода номера.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

Методология и методы социологического исследования

© 2024 г.

Ц. ЦЗИНЬ, Ю.В. ВЕСЕЛОВ, Н.Г. СКВОРЦОВ

МЕТОДОЛОГИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДОВЕРИЯ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И КИТАЯ)

ЦЗИНЬ Цзюнькай – кандидат социологических наук, доцент, Университет Шаньси, Тайюань, Китай (jjk@sxu.edu.cn); ВЕСЕЛОВ Юрий Витальевич – доктор социологических наук, профессор (y.veselov@spbu.ru); СКВОРЦОВ Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии (n.skvortsov@spbu.ru). Оба – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. Рассматриваются методологические вопросы измерения доверия. Для адекватного сравнения уровня доверия в различных странах предлагается не один показатель, а набор показателей: генерализованное доверие; партикуляризированное доверие; радиус доверия; институциональное доверие. Выявлены особенности измерения генерализованного и институционального доверия в Китае и России. На основе данных World Values Survey проводится сравнительный анализ показателей доверия в РФ и КНР; также в статье представлены данные собственного эмпирического исследования доверия (телефонный опрос населения Санкт-Петербурга и области; интернет-исследование доверия, глубинные интервью жителей РФ и КНР). Для объяснения процессов трансформации доверия в РФ и КНР в XX столетии используется модернизационный подход и выявляется значение формирования культуры доверия.

Ключевые слова: доверие • социальное доверие • измерение доверия • генерализованное и партикуляризированное доверие • институциональное доверие • культура доверия

DOI: 10.31857/S0132162524040013

Введение. Э. Дюркгейм подчеркивал, что всякая социология есть сравнительная социология, когда она переходит от описательного метода к аналитическому [Дюркгейм, 1995: 139]. А вот о сравнительной социологии доверия еще недавно велись дискуссии: возможна ли она, и если возможна, то в каком виде, и на какие показатели опирается [Кертман, 2006; Рукавишников, 2008; Латов, 2010]. Когда стали регулярно проводить массовые сравнительные эмпирические исследования доверия, оказалось, что многие гипотетические предположения далеки от реальности. Например, Ф. Фукуяма по уровню доверия делил страны мира на три группы: 1) либеральные демократии (США, Германия, Япония), отличающиеся высокой степенью социальной ассоциативности (способность добровольно вступать или создавать социальные объединения для достижения поставленной цели) и высочайшим уровнем доверия; 2) Китай, Франция, Италия, характеризующиеся высоким уровнем доверия семейного типа («familistic trust»), но низким уровнем доверия институтам; 3) страны Восточной Европы и Россия, посткоммунистические

«атомизированные общества», неспособные создавать социальные ассоциации, с самым низким уровнем социального капитала и культуры доверия [Fukuyama, 1995]. При этом Фукуяма подчеркивает зависимость высокого уровня доверия от политической демократии [Fukuyama, 2001: 7–20], такой же точки зрения придерживались Р. Патнэм [Putnam, Leonardi, 1996], Э. Усланер [Uslaner, 2002; 2009] и др. Сравнительные эмпирические исследования доверия в разных странах, проведенные позднее, показали ошибочность этой концепции. Оказалось, что наивысшим уровнем доверия обладают Китай и скандинавские страны; а США, Германия и Япония входят в группу стран со средним уровнем доверия, и Россия не так далеко от них отстала; самым низким уровнем доверия отличаются латиноамериканские страны, никакого отношения к «атомизированным» посткоммунистическим обществам не имевшие, некоторые из них характеризуются высоким уровнем политической демократии.

Обычно при сравнительном анализе применяется показатель генерализированного доверия. Тогда данные однозначно свидетельствуют, что Китай – страна с высочайшим уровнем доверия, а Россия – страна относительно низкого доверия (63,5 против 22,8% в 2018 г.). Далее мы проиллюстрируем, что показатель генерализированного доверия не полностью отражает реальную ситуацию и что когда для сравнения используется набор показателей доверия, общая картина выглядит не так однозначно.

Методологический инструментарий сравнительного социологического исследования доверия: классификация и операционализация. В социологической теории доверия выделяют несколько его типов: доверие между людьми – «межличностное доверие»; доверие людей социальным, экономическим и политическим институтам – «институциональное доверие»; доверие системам – «системное доверие» (например, техническим цифровым системам – «цифровое доверие»). Межличностное доверие в свою очередь подразделяется на несколько видов: генерализованное доверие – доверие другим людям вообще; партикуляризированное доверие – доверие людям, кого индивид знает лично; доверие «чужакам». «Радиус доверия» – композитный показатель, соединяющий в себе элементы как партикуляризированного доверия, так и генерализованного доверия. Он раскрывает, насколько широко индивид включает в свой круг доверия других людей. Сначала это члены семьи, потом родственники, затем друзья, знакомые, соседи, коллеги (все лично известные индивиду люди). Потом добавляются фигуры «обобщенного другого» – «лица другой религии»; «лица другой национальности», и, наконец, совсем незнакомые люди – «чужаки», те, кого индивид встречает впервые и ничего о них не знает. Радиус доверия связан не с уровнем, а с масштабом доверия [Hu, 2017].

Для измерения типов и видов доверия используются процедуры операционализации. Именно с этим связаны основные проблемы в сравнительном анализе доверия. Генерализованное доверие операционализируется в вопросе: «Если говорить в целом, вы считаете, что большинству людей можно доверять или надо быть очень осторожным в отношениях с людьми» (например, см. WVS, World Value Survey, Q57; в отечественной социологии используется примерно такой же вопрос). Кстати, эту процедуру операционализации предложили всего лишь для измерения доверия студентов к своему социальному окружению, но потом она постепенно стала общепризнанной [Нозль-Нойман, 1978]. И теперь нельзя от нее отказаться, так как потеряется возможность сравнения с предыдущими данными. Вместе с тем в литературе обсуждается адекватность такого измерения генерализованного доверия [Ромашкина и др., 2018; Delhey et al., 2011]. Во-первых, кто это такие «большинство людей»? Лично знакомые или только незнакомые люди? Или и те и другие? Во-вторых, в качестве противоположности доверию предлагается осторожность, хотя в действительности можно одновременно доверять другим людям и быть осторожным. Непонятно, почему надо полностью объяснять респондентам ответы, а не просто предложить варианты «да» и «нет» («minimally balanced wording»). В-третьих, неясно, почему используется дихотомическая шкала измерения (доверяете или нет), а не стандартная шкала Ликерта. В нашем эмпирическом исследовании доверия мы

попытали измерить уровень генерализованного доверия в Санкт-Петербурге двумя способами: по методике WVS (дихотомическая шкала) он составляет 25,7%; а если задать вопрос «Вы считаете, что большинству людей можно доверять?» и распределить ответы по шкале Ликерта, картина совершенно другая – 16,2% респондентов однозначно утвердительно отвечают на этот вопрос, а 45,1% считают, что можно доверять, но только частично¹. Некоторые исследователи утверждают, что дихотомическую шкалу в сравнительных исследованиях доверия, особенно в отношении России, следует применять с большой осторожностью [Рыжова, 2019].

Повышение количества вариантов ответа – не только шкала Ликерта, но 7- или 11-балльная шкала, – дают большую валидность измерения, поскольку предоставляют возможность респонденту выразить нюансы своего отношения к доверию/недоверию [Lundmark S. et al., 2016]. Поэтому некоторые организации, специализирующиеся на исследовании доверия, например, Edelman Trust Barometer, для расчета уровней доверия используют оценку по девятибалльной шкале. Однако есть и те, кто продолжают защищать традиционный способ измерения генерализованного доверия [Uslaner, 2012]. И все же, на наш взгляд, главная проблема в методике измерения доверия связана с тем, что, строго говоря, все процедуры операционализации доверия позволяют измерить не реальный его уровень, а мнение людей о доверии. Поэтому в научной литературе все больше предлагается методов для кросс-ситуационного исследования доверия, то есть когда для респондента моделируются конкретные ситуации и предлагаются варианты ответа [Bauer, Freitag, 2018]. Мы такой метод тоже использовали в своих эмпирических исследованиях доверия в 1999 г. Стандартный вопрос о генерализованном доверии абстрагирован от конкретной ситуации, поэтому он скорее измеряет доверие как общую ценность (или ценностную установку), а не поведенческое доверие, что подтверждается в исследовании Бауэра об отсутствии связи предыдущего негативного опыта виктимизации с ответом на вопрос о генерализованном доверии [Bauer, 2015]. Итак, для измерения генерализованного доверия необходимо сочетание количественных и качественных методов; построение моделей проективных ситуаций, в которых респонденты могли бы выбрать тот или иной способ действия, показывающий их реальную ориентацию на доверие/недоверие в конкретных условиях.

Партикуляризированное доверие измеряется через следующие показатели: доверие членам семьи; доверие соседям; доверие людям, которых вы знаете лично; доверие друзьям или знакомым; доверие коллегам по работе, службе или учебе; доверие людям, которых вы встречаете впервые; доверие людям другой религии; доверие людям другой национальности и т.д. Радиус доверия определяет, насколько широк круг тех, кому доверяет индивид – это только семья и друзья, или еще коллеги, или даже незнакомые люди? Некоторые ученые предлагают специальные индексы измерения радиуса доверия. Интересно, что если наивысший уровень доверия демонстрируют скандинавские страны, то наибольший радиус – Швейцария, Италия, Словения [Delhey et al., 2011]. Измерять радиус доверия возможно более простым методом: объединить показатели доверия людям, которых вы встречаете впервые; доверия людям другой религии; доверия людям другой национальности, что вместе называется «out-group trust» («внешнее доверие») [Delhey et al., 2011: 800]. С нашей точки зрения, есть некоторая опасность смешения понятий доверия в такой концепции радиуса доверия, на это указал проф. Магдебургского университета Экхард Дитрих (Eckhard Dittrich) в критике работ Хайко Шрадера [Schrader, 2004]. Радиус доверия лишь показывает широту охвата доверительными отношениями представителей разных социальных групп, но он ни в коем случае не объясняет природу трансформации доверия. То есть партикуляризированное доверие просто так

¹ Телефонный опрос населения Санкт-Петербурга (N = 1 032, 2020 г.), выборка репрезентативна по основным социально-демографическим параметрам, опрос проводился Центром социологических и интернет-исследований СПбГУ.

не расширяется и не переходит эволюционно в генерализованное доверие, для первого характерны традиционные отношения в крестьянском обществе, где доверие строится только на личностных, персонализированных отношениях; второе, в том числе доверие людям, которые встречаются впервые, характерно для обществ индустриального типа, с высоким уровнем урбанизации, в которых персонализированные отношения переходят в институциональные, функциональные и ролевые. В этом смысле радиус доверия соединяет в себе два разных по своей природе типа доверия.

Институциональное доверие измеряется через показатели доверия правительству, парламенту, политическим партиям, церкви, вооруженным силам, полиции, судебной системе, профсоюзам, университетам и другим институтам.

Сравнительные данные: доверие в России и Китае. 1. Генерализованное доверие. Согласно исследованию WVS (что является единственным корректным источником данных для сравнения, поскольку используется одна и та же методика опроса), уровень генерализованного доверия в России составляет 22,8% в 2018 г.,² что подтверждается данными российских исследователей (И. Мерсиянова³ и др.) и нашими собственными данными. В Санкт-Петербурге уровень генерализованного доверия (по методике WVS, дихотомическая шкала) составляет 25,7% – как правило, в крупных российских городах уровень генерализованного доверия всегда выше. Россия по показателю генерализованного доверия не сильно отличается от соседних стран Восточной Европы: Польша – 24,1%; Чехия – 21,1%; Словакия – 21,4%; Болгария – 17,1%; Венгрия – 27,2%; Сербия – 16,3%; Словения – 25,3%.⁴

В Китае в 2018 г. уровень генерализованного доверия по данным WVS составляет 63,5%, что позволяет отнести Китай к странам с самым высоким уровнем доверия. Такой же примерно уровень генерализованного доверия у скандинавских стран, но Китай вряд ли можно включить с ними в одну группу. Соседи Китая демонстрируют очень средний уровень генерализованного доверия: Япония – 33,7%; Южная Корея – 32,9%; Сингапур – 34,4%; Вьетнам – 27,7%. По логике, Китай скорее должен входить в эту группу стран, но данные свидетельствуют о другом. В самом Китае уровень генерализованного доверия ежегодно исследует China General Social Survey (CGSS), там используется практически тот же вопрос, что и в WVS, однако для ответов дается не дихотомическая, а 5-балльная шкала, где 1 – «совершенно не согласен», а 5 – «полностью согласен». Для выявления оценки уровня доверия населением Китая используется 10-балльная шкала, в 2015 г. эта оценка по 10-балльной шкале составляла 5,5 [Горшков, 2018: 398]. Мы задавали подобный вопрос жителям Санкт-Петербурга: «По-вашему, насколько россияне доверяют друг другу?»: 1,2% респондентов ответили «полностью доверяют», 40,4% – «частично доверяют»⁵; ВЦИОМ в 2023 г. также задавал вопрос о доверии россиян друг другу, 48% респондентов с разной степенью определенности ответили утвердительно⁶.

2. Партикуляризированное доверие. Для сравнения мы рассматривали такие показатели, как доверие в семье; доверие людям, которых респондент знает лично; доверие соседям. Все ответы распределяются по шкале Ликерта. В Китае доверие в семье, если брать только ответ «доверяю полностью», составляет 85% (2018 г.), в России – 86,7%. Если

² World Values Survey. (2017–2020). World Values Survey. Wave 7. Q57. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp> (дата обращения: 09.10.2022).

³ Мерсиянова И.В. Изменилось ли доверие в российском обществе во время пандемии // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020. 21 мая. URL: https://roscongress.org/upload/medialibrary/2fa/01_izmenilos-li-doverie-v-rossiyskom-obshchestve-vo-vremya-pandemii-.pdf (дата обращения: 09.10.2022).

⁴ World Values Survey. (2017–2020) World Values Survey. Wave 7. Q57. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp>. (дата обращения: 09.10.2022).

⁵ Интернет-исследование, 2021 г., Санкт-Петербург и Ленинградская область (N=505), опрос проводился Центром социологических и интернет-исследований СПбГУ.

⁶ ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nuzhno-doverjat-drug-drugu-ili-net>

добавить ответ «доверяю частично», то результаты таковы: Китай – 99,1%; Россия – 97,7%. Доверие знакомым людям, если брать только ответ «доверяю полностью», составляет в Китае 13,9% (2018 г.), в России – 23,4%; совокупно с «доверяю частично» – в Китае 87,9%, в России 78,9%. Доверие соседям соответственно в Китае 15,7 (83,6)%; в России – 18,6 (69,4)%⁷. Очевидно, нет никакого особого китайского «фамилизма» в доверии (о чем говорил Фукуяма), как нет и существенного отставания России от Китая. Китайские социологи также измеряют партикуляризированное доверие другим лицам, таким как друзья и коллеги. Доверие друзьям (2015 г.) составляет 84,4%, доверие коллегам – 73,9% [Горшков, 2018: 390]. По данным С.В. Рыжовой, в России доверие друзьям составляет 91,1%, доверие коллегам – 70,8% [Рыжова, 2019: 21]. Эти данные свидетельствуют, что уровень партикуляризированного доверия в Китае и России высокий, но, что важнее, – не только за счет доверия исключительно в рамках семейных и родственных отношений.

3. Радиус доверия. Для косвенной оценки радиуса доверия мы использовали два показателя, измеряемых WVS, – доверие «людям, которых респондент встречает впервые» (так называемое доверие «чужакам»), и доверие «людям другой национальности» (предполагается, что респондент их лично не знает). Уровень доверия «людям другой национальности» в Китае – 16,6%, в России – 37,7%. Доверие «чужакам» по сумме ответов «доверяю полностью» и «доверяю частично», составляет в Китае 13,4%, в России – 21,6%. Эти показатели существенно ниже, чем, например, в Скандинавских странах: Норвегия – 67,6%; Швеция – 73,9%; Финляндия – 60,1%⁸. Таким образом, радиус доверия в Китае не такой широкий, как в других странах, то есть уровень доверия высокий, но широта охвата доверием разных групп незначительная; доверяем «своим», но не доверяем «чужим».

4. Институциональное доверие. Для сравнения институционального доверия мы использовали следующие показатели WVS: доверие правительству страны; доверие парламенту; доверие церкви; доверие вооруженным силам; доверие полиции; доверие судебной системе (все ответы расположены по шкале Ликерта). Доверие правительству: в Китае в 2018 г. – 94,6% (очень высокий уровень в международных сравнениях), в России – 50,7% (соответствует уровню доверия правительству в скандинавских странах). Доверие армии: в Китае – 91,5%, в России – 80,4%. Доверие полиции: в Китае – 81,8%, в России – 54,5%. Доверие судебной системе: в Китае 81,4%, в России – 48,9%⁹. По всем институтам институциональное доверие в Китае значительно выше, чем в России и в европейских странах. Но уровень институционального доверия в России такой же, как в большинстве европейских стран (что опровергает мнения тех, кто предполагал, что в России самый низкий уровень институционального доверия).

Дискуссия. Когда мы используем в сравнительных исследованиях комплексно несколько показателей доверия вместо одного, то картина общего доверия более адекватна реальности. Действительно, уровень генерализованного доверия в Китае существенно выше, чем в России. Но при этом радиус доверия существенно меньше. В этом парадокс доверия в Китае – обычно высокий уровень генерализованного доверия означает высокий уровень доверия незнакомцам, но для Китая ситуация совершенно другая. Внешнее доверие («out-group trust») существенно ниже, чем внутреннее («in-group trust»). Партикуляризированное доверие в Китае и России примерно одинаковое, по крайней мере, мы не видим какого-либо особого «фамилистического доверия» в Китае [Knack, Keefer, 1997]. Уровень институционального доверия в Китае существенно выше, чем в России, и, видимо, он связан с высоким уровнем генерализованного доверия. Теперь попробуем объяснить, почему так получается.

⁷ World Values Survey. (2017–2020). World Values Survey. Wave 7. Q58,59,60. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp> (дата обращения: 09.10.2022).

⁸ World Values Survey. (2017–2020). World Values Survey. Wave 7. Q61, 62, 63. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp> (дата обращения: 09.10.2022).

⁹ Все данные World Values Survey. (2017–2020). Q 64, 65, 69, 70, 71,73. Wave 7. Q. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp> (дата обращения: 09.10.2022).

Есть несколько дискуссионных точек зрения, объясняющих парадокс доверия в Китае. Э. Усланер в беседе с нами на конференции в Санкт-Петербурге объяснял этот парадокс тем, что китайцы совершенно специфическим образом понимают вопрос о генерализованном доверии: в качестве «большинства людей», которым можно доверять, они понимают лично знакомых им людей, а если не лично, то всегда можно найти знакомых своих знакомых и таким образом персонализировать отношения доверия. В этом плане наличие социальных сетей в Китае (关系«guanxi») является самым важным для формирования доверия. Тогда получается, что для китайцев вопрос о генерализованном доверии лишь отражает высокий уровень внутригруппового доверия. «Большинство людей» в Китае трактуется как нечто среднее, находящееся между патрикуляризированным и генерализованным доверием [Li, Liang, 2002]. Поэтому предлагается генерализованное доверие измерять только вместе с радиусом доверия [Delhey et al., 2011: 789]. Иногда эта позиция соединяется с концепцией модернизации доверия: в Китае до недавнего времени был невысокий уровень урбанизации (в 1950 г. – 11%; 2000 г. – 35%; 2020 г. – 64%), а для сельских жителей в большей степени характерно обращение к локализованному доверию (например, чтобы занять деньги, житель китайской деревни обращается не в банк, а к родственнику или соседу); поэтому уровень доверия для сельских жителей несколько выше, чем для городских (а среди них для возрастной группы старше 60 лет – самый высокий) [Yang, Zeng, 2016]. Совершенно не так в России – здесь доверие городских жителей выше, чем сельских, а пенсионеры, согласно нашим исследованиям, имеют самый низкий уровень генерализованного доверия. В итоге, многие считают, что стандартный вопрос о генерализованном доверии вообще не релевантен в Китае.

Однако проведенные недавно экономистами и психологами кросс-культурные исследования, в которых моделируется ситуация доверия, показывают, что китайцы действительно имеют высокий уровень доверия по сравнению с представителями других стран [Ozono, 2018]. Значит, вопрос о доверии «большинству людей» работает, и очень странно было бы, если бы для всех стран этот вопрос адекватно отражал ситуацию, а только для Китая – нет. Мы согласны с тем, что одного этого показателя недостаточно, что необходимо дополнять его показателями радиуса доверия. Но и отрицать его полностью вряд ли правильно. Мы специально в серии глубинных интервью спрашивали китайцев и русских, как они понимают и интерпретируют вопрос о доверии «большинству людей», и получили практически одинаковые результаты. Если предположить, что для Китая характерно персонализированное доверие только лично знакомым людям, которое весьма характерно для традиционных крестьянских обществ, тогда совершенно невозможен был бы высокий уровень институционального доверия, а он в Китае высок для всех институтов. Региональные исследования показывают, что уровень генерализованного доверия тесно связан в Китае с уровнем институционального доверия [Steinhardt, 2018]. Проведено также специальное сравнительное исследование с группами китайских и японских студентов, где выявляется ориентация респондентов на длинные социальные сети («знакомые знакомых», «друзья друзей», «друзья третьего порядка») в их ответе на вопрос «можно ли доверять большинству», и никакого различия между китайскими и японскими студентами не выявлено [Ozono, 2018]. Итак, надо признать, что измерение генерализованного доверия в Китае посредством стандартных методов можно считать относительно надежным, при этом важным является дополнение такого измерения показателями радиуса доверия.

В российской литературе специфику доверия в Китае объясняют различием Востока и Запада: для западных стран характерно рационализированное доверие, «доверие на договоре», подкрепляемое работающими институтами; для Китая характерно доверие, основанное на чувстве, на вере в опору на традиционные ценности, доверие здесь соединяется с порядком и гармонией [Иванов, Данилов, 2014]. Такая позиция также разделяет традиционное доверие (характерное для восточных стран) и современное (присущее западным странам). Однако эмпирические исследования показывают, что процессы модернизации (например, урбанизации) активно влияют на характер и природу доверия:

в более модернизированных городских пространствах в Китае уровень внешнего доверия выше, чем в других районах. При этом увеличение генерализованного доверия происходит не за счет увеличения партикуляризированного доверия (расширения круга доверия от родственников и знакомых до незнакомых людей), а основывается на эффекте нахождения в более модернизированном социальном окружении. Тогда как объяснить высокий уровень генерализованного и институционального доверия в Китае в отличие от России и других стран?

Мы считаем, что доверие в обществе – глубоко укорененный в социально-экономической и культурной среде феномен. Все общества в процессе исторической модернизации проходят примерно одинаковые стадии трансформации доверия – от личностного, персонализированного, этноцентричного доверия в крестьянских общинах (где абсолютно доверяют только своим и не доверяют чужим) до безличного, генерализованного, ролевого, функционального, институционального доверия в городских индустриальных обществах. Но конкретный исторический путь этой трансформации у всех обществ разный. Поэтому представляется необходимым использовать в нашей аргументации понятие «культура доверия». Это «особая система правил и норм формирования и изменения отношений доверия и недоверия, их критериев, специфических оснований и детерминант» [Купрейченко, Мерсиянова, 2013]. Нам представляется, что важно обратиться к экономическим основаниям культуры доверия. Китай в отличие от России и западных стран – культура риса. Эта культура дает высокий урожай, но требует больших затрат труда. Особенно для подвода воды по каналам, поддерживать систему которых под силу только коллективу людей. Мало того, в период сбора урожая рис, в отличие от пшеницы, предполагает коллективную взаимопомощь крестьянских семей. Одна крестьянская семья без помощи соседей не может быстро справиться с этим, поэтому и сажают рис соседи в одной деревне в разные дни, чтобы убрать поле можно было сообща. Однако не коллективизм как таковой, а именно взаимопомощь родственников и соседей (реципрокность) является основой доверительных отношений в крестьянских сообществах в Китае. Есть исследования, которые показывают, что в регионах Китая, где выращивают пшеницу, ментальность другая и уровень социальной взаимопомощи ниже, чем в регионах, где выращивают рис [Talhelm et al., 2014].

Ни в России, ни в западных странах, таких экономических условий для формирования высокого уровня доверия не было, несмотря на существование крестьянской общины в средневековой Европе и крестьянской общины, «мира», в России. Наоборот, в Европе культивировались растения, которые как раз предполагали не общинное, а индивидуальное хозяйство: оливки и виноград как многолетние культуры требуют кропотливого труда одной семьи на конкретном участке в течение многих лет. Перераспределение земли теперь уже экономически невозможно. В России нет ни оливок, ни винограда, но господствовавшая культура пшеницы (ржи) давала возможность одной крестьянской семье самостоятельно обрабатывать поле без помощи соседей, общинными оставались лишь выпасы для скота. Именно эти экономические условия сформировали различие в уровне доверия в средневековых китайских и российских крестьянских сообществах.

Большое различие в доверии в России и Китае формировалось исходя из различной этики. В конфуцианстве доверие (信 «xìn») одна из пяти главных добродетелей, она и в отношениях в семье, и в отношении правителя и подданных, и в отношении между людьми. Важно, что добродетель доверия по своей природе социальна, она не направлена на высшие силы, а регулирует отношения между людьми. Иероглиф «xìn» буквально означает «человек» и «говорит», т.е. тот, кто отвечает за свои слова. Поэтому с точки зрения китайцев правильно доверять людям. «Правильно» означает, что есть общее для всех правило доверия, и не вполне нормально, если человек всегда подозрителен. Доверие как искренность и открытость составляет правило культурного общения среди китайцев. Поэтому ценность доверия воспринимается безусловно и генерализовано, что хорошо соответствует вопросу «можно ли большинству доверять». В русской православной

традиции главная добродетель – вера в Бога, это святое, а доверие людям – профаническое, мирское дело, менее важное, чем духовное. Поэтому и доверие как моральная ценность в русской культуре не так высоко котируется, как вера и верность. В протестантизме доверие превращается в одну из важных добродетелей и поднимается до уровня веры, поэтому многие исследователи отмечают в эмпирических кросс-культурных исследованиях, что в целом уровень генерализированного доверия выше в протестантских странах, чем в католических и православных. Воспитание ребенка в семье начинается с обучения правилам социализации, поэтому нам представляется важным исследование М. Сааки, который изучал, как родители в разных странах учат детей доверию/недоверию [Sasaki, 2013].

XX в., век ускоренной социалистической модернизации для России и Китая, меняет – хоть по-разному, но существенным образом, – отношения доверия. В СССР сталинская коллективизация и индустриализация разрушает ткань крестьянского общества, и традиционное персонализированное доверие, попадая в городскую среду, трансформируется в тоталитарное доверие власти. В это же время формируется атмосфера всеобщего доносительства и недоверия, но и ей не удается пробить брешь в доверии в рамках семьи. Наши респонденты в серии глубинных интервью отмечают влияние репрессий 1930-х гг. на создание общей культуры недоверия как людей друг другу, так и граждан своему государству, многие говорят, что недоверие и страх «генетически» передаются из поколения в поколение. В Китае умеренность и постепенность перехода к рыночным реформам в 1970-е и 1980-е гг. сумели предотвратить падение доверия к государству и его институтам, в России же мы видели в 1990-е гг. драматическое снижение генерализированного и институционального доверия. Небольшие изменения в лучшую сторону были заметны с 2000 г., но с 2008 г. опять падения доверия не удалось избежать. Вот таким сложным образом формировалась в Китае и России культура доверия/недоверия, которая влияет и на отношения доверия в этих странах сегодня. Когда мы восхищаемся экономическими успехами Китая в новейшей истории, надо помнить, что в определенной степени они основываются на высоком уровне генерализированного, партикуляризированного и институционального доверия (поскольку чем выше доверие, тем ниже транзакционные издержки). Но складывалась культура доверия в Китае не вчера, а за последнюю тысячу лет. Когда мы сожалеем о низком уровне доверия в России, мы должны понимать, что наша культура доверия другая, она определена нашей историей и географией, нашим культурным наследием, при всем желании ее не переделать быстро. Тем не менее пример Китая для нас весьма показателен.

Заключение. Несмотря на существенные ограничения, показатель генерализированного доверия все же может быть использован в сравнительных межстрановых исследованиях доверия. В Китае его применение особенно проблематично, но если его дополнить показателем радиуса доверия, то получается более реальная картина отношений доверия/недоверия в обществе. Однако нам представляется, что в ответах на вопрос о доверии большинству людей переход от дихотомической шкалы к шкале Ликерта или более подробной балльной шкале был бы предпочтительнее. По своей природе показатели генерализированного и институционализированного доверия тесно связаны, их тоже следует использовать комплексно в сравнительных исследованиях.

В Китае высок уровень как генерализированного, так и институционализированного доверия, что определяется специфической культурой доверия данной страны. А радиус доверия узкий, и показатели внешнего доверия крайне низкие. В России показатель генерализированного доверия низкий, но уровень институционального доверия средний европейский, при этом более широкий радиус доверия и более высок показатель внешнего доверия. Партикуляризированное доверие примерно одинаково в Китае и России, по крайней мере, никакой особой «семейной культуры доверия» мы не выявили. В православной культуре России, в отличие от конфуцианской культуры Китая, доверие никогда не было высшей ценностью, не считалось особой добродетелью в отличие от веры;

именно эти положения, как нам кажется, объясняют низкий уровень доверия в России в сравнении с Китаем. Россия на карте доверия очень точно попадает в группу восточно-европейских постсоциалистических стран, а Китай стоит особняком, уникальный в своей культуре доверия, и ни в какую группу стран не попадает. Однако в XXI столетии доверие перемещается в цифровой мир, возникает феномен «цифрового доверия», где объектом доверия становятся люди в социальных сетях, сама цифровая технология, «цифровое государство» [Веселов, 2023]. Методология и методика сравнения цифрового доверия иная, она требует дополнительного изучения со стороны социологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Доверие в цифровом мире / Под ред. Ю.В. Веселова. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2023.
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
- Иванов А.В., Данилов С.А. Социальное доверие и институциональный порядок общества в социокультурном контексте западных и восточных культур: сравнительный анализ // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 11. С. 1852–1859.
- Кертман Г.Л. Межличностное доверие в России // *Социальная реальность*, 2006. № 4. С. 7–24.
- Купрейченко А.Б., Мерсиянова И.В. Культура доверия и недоверия гражданского общества // *Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества* / Под ред. М.С. Рождественской. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С. 5–25.
- Латов Ю.В. Каков социальный капитал современной России (сравнительный анализ межличностного и институционального доверия) // *“Леонтьевские чтения” (электронный журнал)*. 2010. № 7. С. 70–79. URL: <http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/leontief/2010/Latov.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).
- Нозль-Нойман Э. Массовые опросы: введение в методику демоскопии. М.: Прогресс, 1978.
- Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А., Ушакова Ю.В. Обобщенное доверие: концептуализация и измерение // *Вестник СПбГУ. Социология*. 2018. Т. 11. № 4. С. 464–486.
- Рукавишников В.О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // *Социологические исследования*. 2008. № 2. С. 17–25.
- Рыжова С.В. Доверие и этнические установки как элементы регионального социального капитала // *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. Т. 7. № 2. С. 81–98.
- Среднедоходные слои в России и Китае: положение, динамика, особенности мировоззрения / Под ред. М.К. Горшкова, Ли Пэйлиня и др. М.: Новый хронограф, 2018.
- Bauer P.C. Negative Experiences and Trust: A Causal Analysis of the Effects of Victimization on Generalized Trust // *European Sociological Review*. 2015. No. 1(31). P. 397–417.
- Bauer P.C., Freitag M. Measuring Trust // *The Oxford Handbook of Social and Political*. Ed by. Uslaner E. Oxford: Oxford Editors, 2018. P. 15–36.
- Delhey J., Welzel Ch., Kenneth N. How General Is Trust in “Most People”? Solving the Radius of Trust Problem // *American Sociological Review*. No. 5(76). P. 786–807.
- Fukuyama F. Social Capital, Civil Society and Development. *Third World Quarterly*. 2001. No. 1(22). P. 7–20.
- Fukuyama F. *Trust: The Social Virtues and The Creation of Prosperity*. L.: Hamish Hamilton, 1995.
- Hu A. Radius of Trust: Gradient-Based Conceptualization and Measurement // *Social Science Research*. 2017. Vol. 68. P. 147–162. DOI:10.1016/j.ssresearch.2017.08.004.
- Knack S., Keefer Ph. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation // *The Quarterly Journal of Economics*. 1997. No. 4(112). P. 1251–1288.
- Li W., Liang Y. Particularized Trust and Generalized Trust: The Structure and Nature of Chinese People's Trust (in Chinese) // *Shehuixueanjiu (Sociological Research)*. 2002. No. 2. P. 11–22.
- Lundmark S., Gilljam S., Dahlberg S. Measuring Generalized Trust: An Examination of Question Wording and the Number of Scale Points // *Public Opinion Quarterly*. 2016. No. 1 (80). P. 26–43. DOI:10.1093/poq/nfv042.
- Ozono H. The Mystery of the Difference in the Level of General Trust in China and Japan // *PSYCHOLOGIA*. 2018. No. 2(61). P. 89–103.
- Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.
- Sasaki M. Parental Socialization and Experience of Betrayal: A Cross-National Analysis of Trust // *Trust in Society, Business and Organization* / Ed. by N.I. Dryalkhlow et al. M.: Cogito-Centre-ISRAS Publishing House. P. 9–31.
- Schrader H. *Trust and Social Transformation: Theoretical Approaches and Empirical Findings from Russia (Gesellschaftliche Transformationen/Societal Transformations)*. Munchen: LIT Verlag, 2004.

- Steinhardt C. How Is High Trust in China Possible? Comparing the Origins of Generalized Trust in Three Chinese Societies // *Political Studies*. 2012. No. 60 (2). P. 434–454. DOI:10.1111/j.1467-9248.2011.00909.x.
- Uslaner E. Corruption, Inequality, and Trust // *The Handbook on Social Capital* / Ed. by G. T. Svendsen, G. L. H. Svendsen. London: Edward Elgar, 2009. P. 127–143.
- Uslaner E. Measuring Generalized Trust: In Defense of the ‘Standard’ Question // *Handbook of Research Methods on Trust* / Ed. by F. Lyon, G. Möllering, M. Saunders. L.: Edward Elgar, 2012. P. 72–82.
- Uslaner E. *The Moral Foundations of Trust*. N. Y., NY: Cambridge University Press, 2002.
- Yang G., Zeng S. The Comparison of Trust Structure between Urban and Rural Residents in China // *American Journal of Industrial and Business Management*. 2016. No. 6. P. 665–673.

Статья поступила: 29.01.24. Финальная версия: 11.03.24. Принята к публикации: 28.03.24.

METHODOLOGY OF THE COMPARATIVE SOCIOLOGY OF TRUST (CASE STUDY OF RUSSIA AND CHINA)

JIN Junkai*, VESELOV Y.V.***, SKVORTSOV N.G.**

*Shanxi University, China; **St. Petersburg State University, Russia

Junkai Jin, Cand. Sci. (Sociol.), Associated Prof., Shanxi University, Taiyuan, China (jjk@sxu.edu.cn); Yuri V. VESELOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (y.veselov@spbu.ru); Nikolay G. SKVORTSOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Dean of the Faculty of Sociology (n.skvortsov@spbu.ru). Both – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Abstract. The article deals with the methodological issues of the comparative sociology of trust. In order to compare the level of trust in different countries a set of indicators is proposed (generalized trust; particularized trust; trust radius; institutional trust). The problems of measuring generalized and institutional trust in China and Russia are revealed. Based on World Values Survey data, a comparative analysis of trust levels in the Russian Federation and China is carried out. The authors also present data from their own empirical study of trust (telephone survey of the population in St. Petersburg and Leningradskaya Oblast; Internet study of trust, in-depth interviews of both residents of the Russian Federation and the People's Republic of China). To explain the processes of transformation of trust in the Russian Federation and China, a modernization approach is used and the role of a culture of trust is revealed. China has a high level of both generalized and institutionalized trust based on its own specific culture of trust. But the radius of trust is narrow and indicators of out-group trust are extremely low. In Russia, the level of generalized trust is low, but the level of institutional trust is average, radius of trust is wider and the level of out-group trust is higher. Particularized trust is approximately the same in China and Russia; at least, we have not identified any special “familistic culture of trust”.

Keywords: trust, social trust, measurement of trust, generalized and particularized trust, institutional trust, culture of trust.

REFERENCES

- Bauer P.C. (2015) Negative Experiences and Trust: A Causal Analysis of the Effects of Victimization on Generalized Trust. *European Sociological Review*. No. 4(31): 397–417.
- Bauer P.C., Freitag M. (2018) Measuring Trust. In: Uslaner E. ed. *The Oxford Handbook of Social and Political*. Oxford: Oxford Editors: 15–36.
- Delhey J., Welzel Ch., Kenneth N. (2011) How General Is Trust in “Most People”? Solving the Radius of Trust Problem. *American Sociological Review*. No. 5(76): 786–807.
- Durkheim E. (1995) *Sociology. Its Subject Matter, Method, Mission*. Moscow: Kanon. (In Russ.)
- Fukuyama F. (1995) *Trust: The Social Virtues and The Creation of Prosperity*. London: Hamish Hamilton.
- Fukuyama F. (2001) Social Capital, Civil Society and Development. *Third World Quarterly*. No. 1(22): 7–20.
- Hu A. (2017) Radius of Trust: Gradient-Based Conceptualization and Measurement. *Social Science Research*. Vol. 68: 147–162. DOI:10.1016/j.ssresearch.2017.08.004.
- Ivanov A.V., Danilov S.A. (2014) Social Trust and Institutional Order in Socio-Cultural Context of Western and Eastern Cultures: Comparative Analysis. *Fundamentalnye issledovaniya* [Basic Researches]. No. 11: 1852–1859. (In Russ.)
- Kertman G.L. (2006) Interpersonal Trust in Russia. *Socialnaya Realnost* [Social Reality]. No. 4: 7–24. (In Russ.)

- Knack S., Keefer Ph. (1997) Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation. *The Quarterly Journal of Economics*. No. 4(112): 1251–1288.
- Kupreichenko A.B., Mersiyanova I.V. (2013) Culture of Trust and Distrust of the Civil Society. In: Rozhdestvenskaya M.S. (ed.) *Trust and Distrust in the Context of the Development of the Civil Society*. Moscow: NIU VSHE: 5–25. (In Russ.)
- Latov Yu.V. (2010) What is the Social Capital of Contemporary Russia (Comparative Analysis of the Interpersonal and Institutional Trust. “Leontieff’s Readings” (Electronic Journal). No. 7. URL: <http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/leontief/2010/Latov.pdf> (In Russ.)
- Li W., Liang Y. (2002) Particularized Trust and Generalized Trust: The Structure and Nature of Chinese People’s Trust. *Shehuixue Yanjiu* (Sociological Research). No. 2: 11–22. (In Chinese)
- Lundmark S., Gilljam M., Dahlberg S. (2016) Measuring Generalized Trust: An Examination of Question Wording and the Number of Scale Points. *Public Opinion Quarterly*. No. 1 (80): 26–43. <https://doi.org/10.1093/poq/nfv042>.
- Middle Income Groups in Russia and China: Status, Dynamics and Attitudes. (2018) Ed by M.K. Gorshkov, Li Peilin et al. Moscow: Novyy Chronograph. (In Russ.)
- Noelle-Neumann E. (1978) *Polls in the mass society: Introduction to the methods of demoscropy*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Ozono H. (2018) The Mystery of the Difference in the Level of General Trust in China and Japan. *PSYCHOLOGIA*. Vol. 61. No. 2: 89–103.
- Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Romahkina G.F., Davydenko V.A., Ushakova Yu.V. (2018) Generalized Trust: Conceptualization and Measurement. *Vestnik SPbGU. Sociologiya* [Herald of St. Petersburg University. Sociology]. Vol. 11. No. 4: 464–486. DOI:10.21638/spbu.12.2018.406. (In Russ.)
- Rykavishnikov V.O. (2008) Interpersonal Trust and Cross-Country comparisons. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 17–25 (In Russ.)
- Ryzhova S.V. (2019) Trust and Ethnic Predispositions as An Elements of the Regional Social Capital. *Sociologicheskaya nauka i socialnaya practica* [Sociological Science and Social Practice]. No. 2(7): 81–98. (In Russ.)
- Sasaki M. (2013) Parental Socialization and Experience of Betrayal: A Cross-National Analysis of Trust. In: *Trust in Society, Business and Organization*. Ed. by N.I. Dryalkhlow et al. Moscow: Cogito-Centre-ISRAS Publishing House: 9–31.
- Schrader H. (2004) *Trust and Social Transformation: Theoretical Approaches and Empirical Findings from Russia* (Gesellschaftliche Transformationen/Societal Transformations). Munchen: LIT Verlag.
- Steinhardt C. (2012) How Is High Trust in China Possible? Comparing the Origins of Generalized Trust in Three Chinese Societies. *Political Studies*. No. 60(2): 434–454. DOI:10.1111/j.1467-9248.2011.00909.x.
- Trust in the Digital World*. (2023) Ed. by Yu. Veselov. Moscow: IPR Media. (In Russ.)
- Uslaner E. (2002) *The Moral Foundations of Trust*. New York, NY: Cambridge University Press.
- Uslaner E. (2009) Corruption, Inequality, and Trust. In: *The Handbook on Social Capital*. Ed. by G.T. Svendsen, G.L.H. Svendsen. London: Edward Elgar: 127–143.
- Uslaner E. (2012) Measuring Generalized Trust: In Defense of the ‘Standard’ Question. In: *Handbook of Research Methods on Trust*. Ed. by F. Lyon, G. Möllering, M. Saunders. London: Edward Elgar: 72–82.
- Yang G., Zeng S. (2016) The Comparison of Trust Structure between Urban and Rural Residents in China. *American Journal of Industrial and Business Management*. No. 6: 665–673.

Received: 29.01.24. Final version: 11.03.24. Accepted: 28.03.24.

А.В. КУЧЕНКОВА, Г.Г. ТАТАРОВА

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: ПРОБЛЕМА АНАЛИЗА КАЧЕСТВЕННОЙ (НЕ)ОДНОРОДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ (часть 1)

КУЧЕНКОВА Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник (a.v.kuchenkova@gmail.com); ТАТАРОВА Галина Галеевна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник (tatarova-gg@rambler.ru). Обе – Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Аннотация. Статья посвящена обоснованию важности методологической проблемы анализа качественной (не)однородности изучаемой совокупности объектов в процессе социологического измерения субъективного благополучия. В ней представлены результаты поискового исследования, направленного на апробацию ряда инструментальных средств в процедурах реконструкции среди населения социальных типов (по характеру субъективного благополучия) как качественно однородных латентных образований. В качестве предпосылок авторы исходят из существования пяти групп проблем теоретико-методического характера, постановка и решение которых предположительно будут способствовать развитию методологии изучения качественной (не)однородности.

В этой части статьи, во-первых, обосновывается существование запроса на методическую рефлексию по поводу использования в массовых опросах обобщенных показателей субъективного благополучия (удовлетворенность жизнью, личное счастье), важность перехода к многомерным моделям измерения и анализа, которые реализуются в концептуальных рамках типологического метода социального познания. Во-вторых, рассматривается полнота совокупности частных показателей и логика их отбора для проведения типологического анализа (результаты которого будут представлены во второй части статьи). В-третьих, ставится проблема изучения взаимосвязи показателей субъективного благополучия с позиции формирования основания типологии.

Ключевые слова: качественная (не)однородность • субъективное благополучие • обобщенный показатель субъективного благополучия • частные показатели субъективного благополучия • типологический анализ • типобразующий признак • типологическая структура • основание типологии

DOI: 10.31857/S0132162524040029

Предпосылки и исследовательская задача. В проблематике социологического измерения субъективного благополучия существуют слабо разработанные направления, которые соотносятся с отсутствием должного внимания к постановке и решению целого ряда теоретико-методических проблем, которые целесообразно представить в виде пяти групп. К первой отнесем те из них, которые связаны с разработкой методик изучения взаимосвязей между показателями субъективного благополучия: разного вида обобщенными показателями¹; только частными показателями; обобщенным и частными (например, для ранжирования частных показателей исходя из того, что в разных совокупностях наблюдается различный характер этой связи). Ко второй группе относим проблемы изучения относительной полноты системы частных показателей с позиции и индивидуальных,

¹ В эмпирических исследованиях роль обобщенного (общего, интегрального) показателя субъективного благополучия в отличие от частных играют «удовлетворенность жизнью» и «личное счастье» (либо по отдельности, либо в составе индексов). При этом сами вопросы о субъективном благополучии могут формулироваться по-разному. Например, удовлетворенность жизнью может измеряться посредством степени согласия с суждениями: *насколько хороша и благополучна жизнь в целом; насколько удовлетворены или не удовлетворены жизнью в целом.*

и групповых измерений (в частности, для сравнения структуры субъективного благополучия в разных группах). Третью группу составляют проблемы определения важности (информативности, адекватности) отдельных частных показателей на индивидуальном уровне. Четвертую – проблемы поиска (включая апробацию на практике) адекватных исследовательской ситуации алгоритмов классификации (кластеризации, сегментации) объектов. И наконец, к пятой группе проблем можно отнести разработку таких методических решений, которые позволили бы выделенные по формально-математическим критериям классы (кластеры, группы, сегменты) объектов трактовать как носителей вполне определенных социальных типов по характеру субъективного благополучия.

Выделенные группы проблем авторы статьи предлагают «поместить» в контекст существования и решения более общей проблемы – анализа *качественной (не)однородности* изучаемой совокупности объектов, – под которой понимается совокупность исследовательских вопросов, возникающих в процессе выявления однотипных объектов для реконструкции на их основе *социальных типов* (либо как объектов социального управления, либо как объектов социального контроля). Проблема качественной (не)однородности прежде всего соотносится с применением типологического метода социального познания: с представлениями об интересующих исследователя *социальных типах*, со спецификой исходных для анализа данных, с основанием типологии (предметно-содержательная специфика), с целью типологического анализа, со структурой типобразующих признаков, а также с особенностями используемых алгоритмов разбиения эмпирических объектов на классы.

Качественная (не)однородность как методологическая проблема возникает на пересечении двух плоскостей. Одна из них связана с концептуальными представлениями об интересующих исследователя социальных типах [Татарова, 2012; Типологический анализ ... 2023: 143–155], другая – с проблемой обеспечения однородности исходных для анализа данных в процессе применения математических методов [Толстова, 1986]. На этом пересечении имеет смысл особо подчеркнуть существование несколько взаимосвязанных контекстов, когда исследователь сталкивается с проблемой качественной (не)однородности. *Первый* относится к тому этапу типологического анализа, когда проводятся классификации, разбиения объектов (в нашем случае – это индивиды) на отдельные классы в зависимости от основания типологии (в нашем случае – представления о близости, похожести индивидов по характеру субъективного благополучия). При этом неизменным условием является одинаковая смысловая интерпретация одного и того же значения *классификационного признака* (производной от эмпирических индикаторов переменной, которая «подается» на вход алгоритма классификации). В массовых опросах это условие недостижимо, если в роли таких признаков выступают сами эмпирические индикаторы (вопросы) и объектами классификации (совокупностью, которая подвергается разбиению) являются одновременно все опрошенные. Отсюда – с одной стороны, стремление к измерению классификационных признаков в виде индексов, имеющих одинаковый уровень измерения с одним и тем же числом градаций, с другой стороны, необходимость предварительной типизации (*априорной типологии*) изучаемых объектов для интерпретации одного и того же значения как одного и того же качества. *Второй* контекст возникновения проблемы качественной (не)однородности связан с формированием априорной типологии, со степенью ее подробности, и не ограничивается только рассмотренным выше аспектом. Например, для разбиения объектов на классы могут использоваться разные алгоритмы, каждый из них обладает своей спецификой, отличной от других, выдвигая определенные требования к исходным для анализа данным. Тем самым это обстоятельство может повлиять на число показателей, описывающих априорную типологию. *Третий* контекст, когда исследователь сталкивается с проблемой качественной (не)однородности, возникает на этапе интерпретации результатов классификации и попыток перехода к содержательной типологии.

В предметном поле исследований в области субъективного благополучия одно из проявлений проблематики качественной (не)однородности связано с неоднократно

выявленными парадоксальными на первый взгляд закономерностями: повсеместное устойчивое преобладание позитивных оценок [Diener, Diener, 1996], высокий уровень удовлетворенности жизнью в целом при неудовлетворенности ее отдельными аспектами [Proposny et al., 2016], сохранение на протяжении длительного периода времени высокого уровня обобщенных показателей вне зависимости от существенных изменений в окружающей действительности [Троцук, 2020; Easterline et al., 2009]. Среди предлагаемых объяснений наблюдаемых тенденций – наличие *разных источников* субъективного благополучия у людей, разных «путей» и способов его достижения, разных оснований высокого уровня оценок [Oishi et al., 1999], т.е. отсутствие универсального «рецепта счастья» и *неоднородность* индивидов по условиям и основаниям для субъективного благополучия, что в свою очередь требует рассмотрения данной проблемы также в концептуальных рамках типологического анализа, включая решение задачи по поиску типологических групп среди индивидов с одним и тем же уровнем обобщенного показателя, но отличающихся по конфигурации значений частных.

Рассмотренные выше сюжеты выступают в роли предпосылок в нашем *поисковом исследовании*, направленном на актуализацию методологической проблемы, обозначенной как «*проблема анализа качественной (не)однородности*» населения по характеру субъективного благополучия. Часть из этих предпосылок возникла в результате предыдущих исследований авторов статьи [Татарова, Кученкова, 2016; 2020; Кученкова, Татарова, 2019], а также существующего опыта реализации типологического метода в изучении субъективного благополучия [Мареева, 2018; Тихонова, 2015; Eid et al., 2003]. Часть предпосылок требует дополнительных обоснований, как и важность самой проблемы *анализа качественной (не)однородности*.

В статье представлены результаты реализации одной из возможных концептуальных моделей типологического анализа, в рамках которого использованы различные методические решения, возникшие в результате рефлексии об обозначенных выше пяти группах проблем. В качестве основания типологии – характер взаимосвязи частных показателей субъективного благополучия с обобщенным. В первой части статьи особое внимание будет уделено трем вопросам: почему существует запрос на методическую рефлексию о показателях субъективного благополучия; каковы существующие представления об информативной совокупности частных показателей субъективного благополучия и какова возможная исследовательская логика ее формирования; насколько обоснован выбор в качестве *основания типологии* характера взаимосвязи обобщенного показателя с частными.

Почему существует запрос на методическую рефлексию о показателях субъективного благополучия? По результатам социологических исследований, в которых использованы *обобщенные показатели* субъективного благополучия, наблюдается (на уровне населения страны), с одной стороны, преобладание позитивных оценок над негативными, с другой – их нечувствительность к динамике изменений реальности. Приведем несколько примеров. В России в 1990-х гг. «удовлетворенность жизнью людей четко следовала за изменениями в объемах производства, доходах и потреблении, но с временными лагами, размер которых определялся степенью осознания происходящего» [Воронин и др., 2016: 47]. Но после 2000 г. ситуация изменилась: снижение экономических показателей не сопровождалось снижением удовлетворенности жизнью, только замедлением темпов его роста [Воронин и др., 2016].

Другой пример относится к результатам восьми разных исследовательских проектов (ВЦИОМ, ФОМ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, ESS, WVS, EVS и др.) по России [Широканова, 2020]: с 1998 по 2012 г. фиксируется единый тренд – рост обоих обобщенных показателей (удовлетворенности жизнью, счастья). Несмотря на некоторые флуктуации в 2012–2018 гг. (уровень счастья продолжал расти, а уровень удовлетворенности жизнью немного снижался) в целом люди, положительно оценивающие собственное благополучие, преобладали [Широканова, 2020: 10].

В 2010-х гг. абсолютное преобладание доли россиян, в той или иной мере ощущавших себя счастливыми, стало вызывать скептические оценки (в 2014 г. «счастливыми ощущали себя четыре пятых (78%) россиян, во что верится с большим трудом» [Тихонова, 2015: 20]). Возникли закономерные вопросы к методике, валидности инструментов измерения, актуализируя потребность объяснить, почему даже на фоне сложной социально-экономической ситуации наблюдается высокий уровень счастья населения: например, свыше 80% в период пандемии COVID-19 [Троцук, 2020].

Накоплены многочисленные эмпирические свидетельства, что в разных странах по всему миру в разные временные периоды распределение оценок субъективного благополучия, как правило, смещено в сторону больших значений, более половины населения в той или иной степени довольны жизнью в целом и ее отдельными аспектами; более того, даже представители социальных групп, находящихся в неблагоприятном положении (с наименьшими доходами, имеющие инвалидность и серьезные ограничения по здоровью), демонстрируют оценки субъективного благополучия выше среднего [Diener, Diener, 1996].

Исследователи призывают к аккуратности в интерпретации подобных закономерностей, подчеркивая, что высокие оценки собственного благополучия не свидетельствуют о том, что условия жизни людей превосходны и не требуют улучшений, что существует угроза переоценки субъективного благополучия людей [Ponocny et al., 2016]. Несмотря на то, что большинство населения может быть скорее удовлетворено, чем не удовлетворено жизнью, нет достаточных оснований «говорить о том, что с точки зрения субъективного благополучия ... [общество] относится к счастливым» [Тихонова, 2015: 31]. Индивиды, которые при ответе на вопросы о счастье и удовлетворенности жизнью склонны к высоким оценкам, в детализированном интервью могут сообщать, что испытывают серьезные трудности в жизни, и выражать недовольство отдельными аспектами; высказывая общую удовлетворенность жизнью в целом, они склонны преуменьшать негативные обстоятельства жизни, демонстрируя, что уверенно справляются с невзгодами [Ponocny et al., 2016].

Найти возможные объяснения устойчиво высокой доли «скорее счастливых» и довольных жизнью среди населения разных стран можно в теориях субъективного благополучия, называемых Э. Динером «контекстными» [Diener et al., 1997; 2018], акцентирующих внимание на *варьировании факторов, детерминирующих* высокий уровень субъективных оценок жизни, не только между индивидами, но во времени, с течением жизни. Во-первых, согласно концепции *адаптации* (или «устойчивого уровня» СБ, set-point theory), человек привыкает к новым событиям и обстоятельствам в жизни, которые могут вызывать кратковременное повышение или снижение уровня субъективного благополучия, но затем оно возвращается на «базовый», «средний» для конкретного индивида уровень. Во-вторых, при конструировании оценок собственного благополучия люди выбирают *референтную группу для сравнения* (или создают вымышленную) таким образом, чтобы чувствовать, что они в чем-то лучше, чем представители данной группы. В-третьих, основания для высокого субъективного благополучия не универсальны, они зависят от *ценностных приоритетов, желаний, целей в жизни*, от степени и скорости приближения к выбранным, актуализированным для себя целям. Выдвижение на первый план разных смыслов жизнедеятельности позволяет придавать разную субъективную важность отдельным аспектам жизни (например, большую тем, в которых человек успешен и состоятелен), выбирать для себя основания и опору при формировании интегральной оценки личного благополучия.

Так или иначе, индивиду для эффективного функционирования и решения повседневных задач жизнедеятельности важно сохранять уверенность в своих силах, позитивные представления о себе. При столкновении с негативными событиями, неудачами, могут включаться защитные механизмы собственного образа «Я», помогающие адаптироваться путем сосредоточения внимания на зонах успеха в жизни.

Результаты наблюдения в динамике за «поведением» одиночных эмпирических индикаторов (вопросы об удовлетворенности жизнью, личном счастье, насколько хороша и благополучна жизнь в целом и др.), рассматриваемых в роли его обобщенных

показателей, привели к выводам, что оценки субъективного благополучия могут сохраняться на достаточно высоком уровне с течением времени, а условия и факторы, их детерминирующие, меняются; а также – что население может быть неоднородным по мотивам, основаниям для удовлетворенности жизнью. Из этого и возникает потребность в переходе к многомерным моделям, изучению дифференциации индивидов по специфике взаимосвязи показателей субъективного благополучия. Тогда и встает вопрос о том, как они представлены в исследовательских практиках и из чего можно исходить при формировании информативной системы частных показателей субъективного благополучия.

Об информативной системе частных показателей субъективного благополучия.

Проблема полноты и информативности системы частных показателей носит относительный характер и зависит от специфики исследовательской ситуации и, в частности, от того, какая совокупность подвергается типологическому анализу и для каких целей он проводится. Отметим, что за рамками статьи остается один из важнейших вопросов развития методологии социологического измерения субъективного благополучия, связанный со спецификой типологического анализа на уровне разных сфер жизнедеятельности. Особый интерес здесь представляют исследования по экономическому субъективному благополучию [Хащенко, 2007], по субъективному благополучию на работе [Татарова, Бессокирная, Кученкова, 2021].

При формировании перечня частных показателей благополучия исследователи могут стремиться к выбору достаточно универсальных характеристик, подходящих для различных категорий взрослого населения [Балацкий, 2005; Тихонова, 2015; Cummins et al., 2003], либо включать специфические, если речь идет об изучении отдельных социально-демографических групп, например, рабочих [Бессокирная, Темницкий, 2000], студенческой молодежи [Мягков, 2015]. Количественный состав частных показателей существенно варьируется: может включать 4 переменные [Easterline et al., 2009], 7 [Cummins et al., 2003], 11 [Балацкий, 2005], 15 [Тихонова, 2015] и даже 41 [Мягков, 2015].

Попытка систематизировать опыт исследователей в этом направлении была предпринята Р. Кумминсом. Он насчитал более 170 наименований аспектов жизнедеятельности, которые используются в качестве частных показателей удовлетворенности жизнью, субъективного качества жизни [Cummins, 1996]. Однако, несмотря на существенную многочисленность и вариативность формулировок, в подавляющем большинстве случаев в том или ином виде они представляли ограниченный, относительно небольшой набор ключевых сфер. Большая часть из исходных показателей была сгруппирована Р. Кумминсом в семь блоков, которые он условно обозначил так: 1) *здоровье*; 2) *социальные и семейные связи* (отношения с близкими людьми, членами семьи и друзьями); 3) *материальное благополучие*; 4) *работа и другие формы продуктивной деятельности* (занятости); 5) *эмоциональный компонент* (куда включались свободное время и удовлетворенность его проведением, психологическое благополучие, религиозность, самоактуализация, общее чувство комфорта и др.); 6) *безопасность* (понимаемая как уверенность в собственных силах справиться с возможными проблемами в жизни, чувство контроля, независимости, компетентности, стабильности, финансовой безопасности); 7) *место в сообществе* (отражающее принадлежность к социальному классу, уровень образования, профессиональный статус, интегрированность в сообщество, самооценку, самоуважение; удовлетворенность местом проживания, соседями и др.). Опираясь на полученную классификацию, Р. Кумминс предложил *Индекс личного благополучия* (Personal wellbeing index, PWI), который включает семь показателей – по одному на каждый выделенный им блок [Cummins et al., 2003]: *удовлетворенность стандартами жизни (материальным благополучием), здоровьем, достижениями в жизни (в работе и других видах занятости), взаимоотношениями с близкими людьми, чувством безопасности* (уверенность в возможности справиться с потенциальными жизненными проблемами и трудностями), *взаимоотношениями и включенностью в сообщество* (профессиональное, по месту проживания), *уверенность в будущем* (в его безопасности).

При отборе частных показателей субъективного благополучия возможной опорой могут выступать не только существующие исследовательские практики, но и представления самих индивидов о содержании и составляющих личного благополучия. Обратимся к ответам респондентов на открытые вопросы о том, что, по их мнению, представляет собой благополучная жизнь, счастье, каковы их источники и компоненты (по данным ВЦИОМ, ФОМ², а также всероссийского опроса, проведенного в рамках проекта по социальному благополучию коллективом ИС ФНИСЦ РАН [Информационно-аналитический..., 2020]). Несмотря на отличия в ответах и частоте упоминания отдельных категорий, неизменно в десятку наиболее распространенных входит несколько: *работа* («хорошая», стабильная, позволяющая самореализоваться), *материальная обеспеченность* (материальное благополучие, деньги, достаток, отдельно в качестве самостоятельного элемента зачастую фигурируют жилищные условия), *близкие люди* (наличие семьи, детей, благополучие в личной жизни), *здоровье* (не только свое, но и близких). Также во всех исследованиях среди ответов респондентов присутствует категория «чувство стабильности, уверенности в будущем», хотя ее популярность варьируется (в 2011 г. 12% упоминаний, в 2023 – 3%). Примечательно, что перечисленные категории ответов были получены как при вопросе о благополучной жизни, так и о счастье, косвенно подтверждая существенные пересечения в содержании этих понятий в сознании индивидов.

Кроме выделенных пяти аспектов жизнедеятельности, по которым ответы респондентов совпали (см. табл.), встречались такие составляющие и источники благополучной или счастливой жизни, как свобода делать то, что хочешь, душевная гармония (ВЦИОМ, 2010–2011); общая удовлетворенность жизнью, отсутствие бед, любимое дело (ВЦИОМ, 2023); успех, отдых, уважение окружающих, активность, вера и др. (ИНАБ, 2020).

Вариативность содержательного наполнения понятий «благополучная / счастливая жизнь» подтверждается данными и других исследований, опирающихся не на один открытый вопрос, а на более детализированное и обстоятельное обсуждение темы. Например, по результатам серии групповых дискуссий с представителями работающей категории населения средних лет о понимании ими «субъективного» / «социального благополучия» [Шилова, 2019], было выделено восемь основных типовых трактовок. Четыре из них совпадают с перечисленными выше ключевыми аспектами жизнедеятельности (табл.): смысл благополучия в «работе и карьерном росте», «материальном достатке», «семье», «перспективе успешного будущего, стабильности и определенности». Оставшиеся: «баланс всех важных жизненных составляющих», «благополучие как свобода», «личностное развитие, жизненный опыт и общественное признание», «счастье и душевная гармония».

Аналогичные исследования в зарубежных странах по изучению социальных представлений о благополучии, счастье [Bojanowska, Zalewska, 2016; Delle Fave et al., 2016; Ponocny et al., 2016] свидетельствуют, что несмотря на разнообразие предлагаемых опрашиваемыми трактовок или выделяемых аспектов жизнедеятельности, вновь непременно в том или ином виде присутствует работа, материальный достаток, близкие люди и здоровье. Помимо этого, среди условий и важных составляющих благополучной жизни в рассматриваемых исследованиях фигурируют свободное время и качество его проведения, психологические компоненты (самооценка, уверенность в себе и т.п.), вера и религиозность, социальные контакты и сообщество, личностное развитие и образование.

В массовых опросах состав частных показателей формируется с учетом цели и задач, специфики исследовательской ситуации, позволяя более детализировано представлять

² Что такое счастье – и где живут счастливые люди? // ВЦИОМ. 2011. 9 августа. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-takoe-schaste-i-gde-zhivut-schastlivye-lyudi>; Счастье: чему радуются россияне? // ВЦИОМ. 2018. 22 ноября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/schaste-chemu-raduyutsya-rossiyane>; Индекс счастья: мониторинг // ВЦИОМ. 2023. 20 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-schastja-monitoring>; Инициатива ФОМ: изучение благополучия россиян. Как россияне представляют себе «благополучную жизнь», и как измерять показатели благополучия // ФОМ. 2019. 26 Августа. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14244>

Таблица

Встречаемость различных аспектов жизнедеятельности в социальных представлениях индивидов о субъективном благополучии

№	Исследования	Аспекты жизнедеятельности				
		работа	материальная обеспеченность	близкие люди, семья	здоровье (свое и близких)	чувство стабильности, уверенности в будущем
Российские (на основе ответов на открытые вопросы, обсуждений в рамках фокус-групп)						
1	ВЦИОМ, 2010–2011 (счастье)	✓	✓ ✓	✓ ✓ ✓	✓	✓
2	ВЦИОМ, 2018 (источники счастья)	✓	✓ ✓	✓ ✓ ✓	✓	✓
3	ВЦИОМ, 2023 (источники счастья)	✓	✓ ✓	✓ ✓ ✓ ✓	✓	✓
4	ФОМ, 2017 (благополучная жизнь)	✓	✓	✓	✓	✓
5	ИНАБ, 2020 (благополучие)	✓ ✓	✓ ✓	✓ ✓ ✓	✓	✓ ✓
6	Шилова, 2019 (субъективное благополучие)	✓	✓	✓		✓
Зарубежные (на основе ответов на открытые вопросы, по результатам интервью, ассоциативных экспериментов)						
7	Bojanowska, Zalewska, 2016	✓	✓	✓	✓	
8	Delle Fave et al, 2016	✓	✓	✓ ✓	✓	
9	Ponocny et al., 2016	✓	✓	✓	✓	

Примечание. Количество «галочек» в ячейках отражает число возможных характеристик для измерения «аспекта».

и учитывать те или иные составляющие жизнедеятельности. Например, наряду с вопросами об удовлетворенности по перечисленным в табл. 1 аспектам, акцентировать большее внимание на условиях и качестве повседневной жизни (путем включения субъективных оценок питания, возможностей для проведения досуга, отдыха в период отпуска, общения с друзьями, получения образования и знаний и др. [Тихонова, 2015]), а также подробнее рассматривать место проживания (через такие дополнительные показатели, как удовлетворенность экологической ситуацией, комфортностью климата, социальной инфраструктурой, обстановкой в стране и др. [Балацкий, 2005]).

Данные таблицы иллюстрируют, что существует информативный набор частных показателей субъективного благополучия. Их вклад в общую удовлетворенность жизнью может варьироваться в зависимости от личных обстоятельств. Тем самым характер взаимосвязей частных показателей и обобщенного может служить основанием для выделения различных типологических групп.

Проблемы взаимосвязи между показателями субъективного благополучия в контексте анализа качественной (не)однородности. Изучение взаимосвязей показателей субъективного благополучия были отнесены нами к первой группе теоретико-методических проблем, среди которых были выделены три базовые. Первая из них относится к изучению взаимосвязи между обобщенными показателями разного вида, вторая – только между частными, третья – между обобщенным и частными показателями. Что касается первой проблемы, то она была рассмотрена нами на страновом, групповом

(основания для выделения – этапы жизненного цикла) и индивидуальном уровнях [Татарова, Кученкова, 2020]. Это позволило обосновать целесообразность использования «логического индекса» в качестве обобщенного показателя субъективного благополучия, позволяющего в двумерном пространстве («удовлетворенность жизнью» * «личное счастье») выделить сегменты, на которых наблюдается вполне определенный характер взаимосвязи между этими показателями. По сравнению с другими существующими индексами, – опирающимися на разницу ответов на прямые вопросы об «удовлетворенности жизнью» и «личном счастье», на вычисление среднего арифметического, – предлагаемая модель обладает определенными преимуществами в массовых опросах: процедурной прозрачностью формирования индекса, что облегчает обнаружение атипичных ситуаций; приоритетом качества над количеством при выделении *качественно однородных* (по обобщенному показателю) групп; избегания искусственности конструкта; уход от «суммирования».

Что касается второй проблемы, то отметим лишь, что предлагаются разные варианты объяснения взаимосвязи и между частными показателями: по принципу *дополнения* (удовлетворенность в одной сфере способствует повышению удовлетворенности в других) или *компенсации* – если некоторые частные показатели низкие, другие могут быть высокими, позволяя сохранять на высоком уровне и обобщенный показатель [Loewe et al., 2014].

Для наших целей крайне важна третья теоретико-методическая проблема (взаимосвязь между обобщенным и частными показателями) из выделенной выше первой группы. Прежде всего отметим, что дискуссионным остается вопрос о направлении этой связи: либо удовлетворенность отдельными, важными для индивида аспектами жизнедеятельности ложится в основу общего чувства благополучия, либо позитивная оценка жизни в целом «переносится» и на отдельные ее сферы (концепции «bottom-up» и «top-down» соответственно [Schimmack, 2008]), либо оба процесса взаимодействуют.

Специфика представлений индивида о компонентах, условиях, неотъемлемых элементах благополучной жизни и счастья взаимосвязана с уровнем субъективного благополучия в целом. Например, ориентация на материальное благополучие снижает удовлетворенность жизнью, а на взаимоотношения с близкими – повышает; важность и значимость трудовой деятельности повышает уровень позитивного аффекта [Bojanowska, Zalewska, 2016]. Понимание индивидом счастья в эвдемоническом ключе теснее и устойчивее связано с субъективным благополучием, чем понимание в гедонистическом [McMahan, Estes, 2011]. Для чувства личного благополучия важно не только то, на каких его аспектах фокусируется человек, но еще и насколько многообразно и разнообразно его представление о нем. Так, наблюдается положительная взаимосвязь между уровнем субъективного благополучия и «сложностью/комплексностью» понимания счастья (количеством его определений, которые разделяет человек) [Krasko et al., 2022].

Результаты изучения взаимосвязи удовлетворенности жизнью/личного счастья с частными показателями представлены в многочисленных российских и зарубежных публикациях. Традиционно они посвящены выявлению наиболее значимых сфер жизнедеятельности. При этом обнаружено, что в разные периоды жизни характер этой взаимосвязи может меняться ввиду изменения важности и значимости отдельных сфер жизни. Так, на данных опросов в США [Easterline et al., 2009] и Великобритании [McAdams et al., 2012] выявлено, что несмотря на то, что каждый из частных показателей имеет разную траекторию в течение жизни (например, удовлетворенность состоянием здоровья, социальными контактами снижается, а финансовым положением и работой растет), все вместе (их усредненная траектория) они хорошо объясняют и предсказывают значение обобщенного показателя, который является достаточно стабильным, не сильно снижаясь, что свидетельствует о *неоднородности* населения по специфике взаимосвязи между частными показателями субъективного благополучия и обобщенным.

Выявленные закономерности (сохранение уровня общей удовлетворенности жизнью на относительно стабильном уровне с течением жизни при изменении уровня частных

показателей; влияние на изменение уровня субъективного благополучия успехов/неудач в тех областях жизни, которые человек считает значимыми для себя [Oishi et al., 1999]; тесная корреляция между частными удовлетворенностями и общей даже при контроле личностных черт [Schimmack, 2008] и др.) привели к выводу о необходимости учета субъективной важности/значимости частных показателей на индивидуальном уровне. Сформировалось представление о том, что субъективная важность сферы жизни играет главную роль в объяснении взаимосвязи частного и обобщенного показателей. В инструментарий сбора данных стали включаться дополнительные вопросы о важности, значимости тех или иных аспектов жизнедеятельности, чтобы использовать эту информацию при конструировании интегральных суммарных индексов и определении «веса» частных показателей на индивидуальном уровне [Балацкий, 2005] или групповом [Мягков, 2015]. Однако оказалось, что они не демонстрируют более тесной корреляции с обобщенным показателем по сравнению с индексами, в состав которых все частные показатели входят как равноправные. Тем самым учет дополнительной информации о субъективной важности тех или иных сфер жизни не улучшал качество предсказания уровня удовлетворенности жизнью [Sirgy et al., 2020]. Возможно, среди прочего это связано с изучением взаимосвязей универсальных, на «глобальном» уровне [Татарова, 2004: 113–123], а также с опорой на принцип аддитивности, что ведет к игнорированию потенциальных эффектов взаимодействий показателей субъективного благополучия и, соответственно, важности дифференциации индивидов не только по уровню значений самих показателей, их субъективной важности, но и по характеру их взаимодействия. Преодоление данного ограничения возможно при обращении к нетрадиционным подходам к реализации типологического анализа [Типологический анализ... 2023: 293–310], результаты апробации которого будут рассмотрены во второй части статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балацкий Е.В. Факторы удовлетворенности жизнью: измерение и интегральные показатели // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 4(76). С. 42–52.
- Бессокирная Г.Г., Темницкий А.Л. Рабочие на частном предприятии: удовлетворенность жизнью // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 33–37.
- Воронин Г.Л., Захаров В.Я., Козырева П.М. «Кому на Руси жить хорошо?» Мониторинг 1994–2013 гг. // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 1. С. 26–53.
- Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2020. № 1. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=9089
- Кученкова А.В., Татарова Г.Г. «Этап жизненного цикла» как детерминанта субъективного благополучия личности // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 30–43.
- Мареева С.В. Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 695–707.
- Мягков А.Ю. Диагностика и измерение социального самочувствия студентов: к обоснованию методики // Социология образования. 2015. № 7. С. 102–113.
- Татарова Г.Г. Концепт «социальный тип» в эмпирических исследованиях // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Мат. IV Всеросс. социол. конгр. М.: РОС, 2012. 1 CD ROM. С. 7187–7194.
- Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М: Новый учебник, 2004.
- Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П., Кученкова А.В. Субъективное благополучие на работе: исследовательские практики социологического измерения // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 37–49. DOI: 10.31857/S013216250015546-3.
- Татарова Г.Г., Кученкова А.В. «Удовлетворенность жизнью» и «личное счастье» в социологическом измерении субъективного благополучия // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 18 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2020. С. 565–589.
- Татарова Г.Г., Кученкова А.В. Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 21–32.

- Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура / Отв. ред. Г.Г. Татарова, А.В. Кученкова. М.: ФНИСЦ РАН, 2023.
- Тихонова Н.Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // *Общественные науки и современность*. 2015. № 3. С. 19–33.
- Толстова Ю.Н. Обеспечение однородности исходных данных в процессе применения математических методов // *Социологические исследования*. 1986. № 3. С. 49–154.
- Троцук И.В. Мы счастливы, благополучны или притворяемся: социальный запрос на методическую рефлексию // *Мат. X междунар. социол. Грушинской конф. «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности»*, 20 мая – 14 ноября 2020 г. / Отв. ред. А.В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2020. С. 107–112.
- Хашченко В.А. Типология субъективного экономического благополучия // *Психологический журнал*. 2007. Т. 28. № 1. С. 57–69.
- Шилова В.А. Субъективные оценки благополучия: теоретические основания, методологические подходы к измерению, результаты исследования // *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. № 3. С. 136–150.
- Широканова А.А. Тренды субъективного благополучия в России: 1998–2018 // *Вестник СПбГУ. Социология*. 2020. Т. 13. № 1. С. 4–24.
- Bojanowska A., Zalewska A.M. Lay Understanding of Happiness and the Experience of Well-Being: Are Some Conceptions of Happiness More Beneficial than Others? // *Journal of Happiness Studies*. 2016. Vol. 17. P. 793–815.
- Cummins R.A., Eckersley R. et al. Developing a national index of subjective well-being: The Australian Unity Well-being Index // *Social Indicators Research*. 2003. Vol. 64. P. 159–190.
- Cummins R.A. The Domains of Life Satisfaction: An Attempt to Order Chaos // *Social Indicators Research*. 1996. Vol. 38. Iss. 3. P. 303–328.
- Delle Fave A., Brdar I. et al. Lay Definitions of Happiness across Nations: The Primacy of Inner Harmony and Relational Connectedness // *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol. 7. Art. 30. P. 1–23. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00030.
- Diener E., Diener C. Most people are happy // *Psychological science*. 1996. Vol. 7. Iss. 3. P. 181–185.
- Diener E., Lucas R.E., Oishi S. Advances and Open Questions in the Science of Subjective Well-Being // *Collabra: Psychology*. 2018. Vol. 4. Iss. 1. Art. 15. P. 1–49. DOI: 10.1525/collabra.115.
- Diener E., Suh E., Oishi S. Recent findings on subjective well-being // *Indian Journal of Clinical Psychology*. 1997. Vol. 24. Iss. 1. P. 25–41.
- Easterlin R.A., Sawangfa O. Happiness and Domain Satisfaction: New Directions for the Economics of Happiness // *Happiness, Economics and Politics. Towards a Multi-Disciplinary Approach* / Ed. by A.K. Dutt, B. Radcliff. Cheltenham: Edward Elgar, 2009. P. 70–96.
- Eid M., Langeheine R., Diener E. Comparing typological structures across cultures by multigroup latent class analysis // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2003. Vol. 34 No. 2. P. 195–210.
- Krasko J., Intelisano S., Luhmann M. When Happiness is Both Joy and Purpose: The Complexity of the Pursuit of Happiness and Well-Being is Related to Actual Well-Being // *Journal of Happiness Studies*. 2022. Vol. 23(7). P. 1–29.
- Loewe N., Bagherzadeh M. et al. Life Domain Satisfaction as Predictors of Overall Life Satisfaction Among Workers: Evidence from Chile // *Social Indicators Research*. 2014. Vol. 118. P. 71–86.
- McAdams K.K., Lucas R.E., Donnellan M.B. The Role of Domain Satisfaction in Explaining the Paradoxical Association Between Life Satisfaction and Age // *Social Indicators Research*. 2012. Vol. 109. P. 295–303.
- McMahan E.A., Estes D. Hedonic Versus Eudaimonic Conceptions of Wellbeing: Evidence of Differential Associations with Self-reported Well-being // *Social Indicators Research*. 2011. Vol. 103(1). P. 93–108.
- Oishi S., Diener E. et al. Value as a Moderator in Subjective Well-Being // *Journal of Personality*. 1999. Vol. 67. Iss. 1. P. 157–184.
- Ponocny I., Weismayer C. et al. Are Most People Happy? Exploring the Meaning of Subjective Well-Being Ratings // *Journal of Happiness Studies*. 2016. Vol. 17. Iss. 6. P. 2635–2653.
- Schimmack U. The Structure of Subjective Well-Being // *The Science of Subjective Well-Being* / Ed. by M. Eid, R.J. Larsen. N. Y.: The Guilford Press, 2008. P. 97–123.
- Sirgy M.J., Kim M.Y. et al. The Relationship Between Domain Satisfaction and Domain Importance: The Moderating Role of Depression // *Journal of Happiness Studies*. 2020. Vol. 21. Iss. 6. P. 2007–2030.

Статья поступила: 19.03.24. Финальная версия: 16.05.24. Принята к публикации: 30.05.24.

SUBJECTIVE WELL-BEING: THE PROBLEM OF ANALYZING POPULATION QUALITATIVE HETEROGENEITY (PART 1)

KUCHENKOVA A.V. *, TATAROVA G.G. *

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Anna V. KUCHENKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Senior Researcher (a.v.kuchenkova@gmail.com); Galina G. TATAROVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Chief Researcher (tatarova-gg@rambler.ru). Both – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Abstract. The article discusses importance of the methodological problem of analyzing the qualitative heterogeneity of a set of objects in the process of sociological measuring of subjective well-being. It presents the results of an exploratory study aimed at testing a number of tools in procedures of reconstructing social types among the population as qualitatively homogeneous latent formations (according to the nature of subjective well-being). Taking as preconditions, the authors proceed from the existence of five group problems of a theoretical and methodological nature, the formulation and solution of which presumably contribute to developing a methodology for studying qualitative heterogeneity.

This part of the article, first, substantiates the existence of a request for methodological reflecting the use of generalized indicators of subjective well-being (life satisfaction, personal happiness) in mass surveys, the importance of the transition to multidimensional models of measurement and analysis implemented within the conceptual framework of the typological method of social knowledge. Second, the complete set of particular indicators and the logic of their selection for typological analysis are offered (the results will be presented in the second part of the article). Third, the problem of studying the relationship between indicators of subjective well-being is raised from the perspective of forming the basis for the typology.

Keywords: qualitative heterogeneity; subjective well-being; generalized indicator of subjective well-being; particular indicators of subjective well-being; typological analysis; type-forming feature; typological structure; basis for the typology.

REFERENCES

- Balatsky Y.V. (2005) Life Satisfaction Factors: Measurement and Integral Indicators. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of Public Opinion]. No. 4(76): 42–52. (In Russ.)
- Bessokirnaya G.G., Temnitsky A.L. (2000) Workers at a private enterprise: life satisfaction. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 33–37. (In Russ.)
- Bojanowska A., Zalewska A.M. (2016) Lay Understanding of Happiness and the Experience of Well-Being: Are Some Conceptions of Happiness More Beneficial than Others? *Journal of Happiness Studies*. Vol. 17: 793–815.
- Cummins R.A., Eckersley R. et al. (2003) Developing a national index of subjective well-being: The Australian Unity Well-being Index. *Social Indicators Research*. Vol. 64: 159–190.
- Cummins R.A. (1996) The Domains of Life Satisfaction: An Attempt to Order Chaos. *Social Indicators Research*. Vol. 38. Iss. 3: 303–328.
- Delle Fave A., Brdar I. et al. (2016) Lay Definitions of Happiness across Nations: The Primacy of Inner Harmony and Relational Connectedness. *Frontiers in Psychology*. Vol. 7. Art. 30: 1–23. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00030.
- Diener E., Diener C. (1996) Most people are happy. *Psychological science*. Vol. 7. Iss. 3: 181–185.
- Diener E., Lucas R.E., Oishi S. (2018) Advances and Open Questions in the Science of Subjective Well-Being. *Collabra: Psychology*. Vol. 4. Iss. 1. Art. 15: 1–49. DOI: 10.1525/collabra.115.
- Diener E., Suh E., Oishi S. (1997) Recent findings on subjective well-being. *Indian Journal of Clinical Psychology*. Vol. 24. Iss. 1: 25–41.
- Easterlin R.A., Sawangfa O. (2009) Happiness and Domain Satisfaction: New Directions for the Economics of Happiness. In: Dutt A.K., Radcliff B. (eds.) *Happiness, Economics and Politics. Towards a Multi-Disciplinary Approach*. Cheltenham: Edward Elgar: 70–96.
- Eid M., Langeheine R., Diener E. (2003) Comparing typological structures across cultures by multigroup latent class analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 34. No. 2: 195–210.
- Information and Analytical Bulletin (INAB). (2020) No. 1. Subjective and objective well-being in modern Russian society: results of empirical research. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=9089 DOI: 10.1525/collabra.115. (In Russ.)

- Hashenko V.A. (2007) Subjective economic well-being typology. *Psikhologicheskiiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 28. No. 1: 57–69. (In Russ.)
- Krasko J., Intelisano S., Luhmann M. (2022) When Happiness is Both Joy and Purpose: The Complexity of the Pursuit of Happiness and Well-Being is Related to Actual Well-Being. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 23(7): 1–29.
- Kuchenkova A.V., Tatarova G.G. (2019) "Life-cycle Stage" as a Determinant of Personal Subjective Wellbeing. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 30–43. DOI: 10.31857/S013216250006135–1. (In Russ.)
- Loewe N., Bagherzadeh M. et al. (2014) Life Domain Satisfactions as Predictors of Overall Life Satisfaction Among Workers: Evidence from Chile. *Social Indicators Research*. Vol. 118: 71–86.
- Mareeva S.V. (2018) Subjective well-being and ill-being zones in the Russian society. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 18. N. 4: 695–707. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707 (In Russ.)
- McAdams K.K., Lucas R.E., Donnellan M.B. (2012) The Role of Domain Satisfaction in Explaining the Paradoxical Association Between Life Satisfaction and Age. *Social Indicators Research*. Vol. 109: 295–303.
- McMahan E.A., Estes D. (2011) Hedonic Versus Eudaimonic Conceptions of Wellbeing: Evidence of Differential Associations with Self-reported Well-being. *Social Indicators Research*. Vol. 103(1): 93–108.
- Myagkov A. Yu. (2015) Diagnostics and measurement of students' social well-being: grounding of the method. *Sotsiologiya obrazovaniya* [Sociology of Education]. No. 7: 102–113. (In Russ.)
- Oishi Sh., Diener E. et al. (1999) Value as a Moderator in Subjective Well-Being. *Journal of Personality*. Vol. 67. Iss. 1: 157–184.
- Ponocny, I., Weismayer, C. et al. (2016) Are Most People Happy? Exploring the Meaning of Subjective Well-Being Ratings. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 17. Iss. 6: 2635–2653.
- Schimmack U. (2008) The Structure of Subjective Well-Being. In: Eid M., Larsen R.J. (eds.) *The Science of Subjective Well-Being*. New York: The Guilford Press: 97–123.
- Shilova V.A. (2019) Classification of Communicative Strategies in the Implementation of Management Decisions. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 7. No. 3: 136–150. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.3.6694. (In Russ.)
- Shirokanova A.A. (2020) Trends of Subjective Well-being in Russia: 1998–2018. *Vestnik SPbGU. Sotsiologiya* [Bulletin of Saint-Petersburg University. Sociology]. Vol. 13. No. 1: 4–24. DOI: 10.21638/spbu12.2020.101. (In Russ.)
- Sirgy M.J., Kim M.Y. et al. (2020) The Relationship Between Domain Satisfaction and Domain Importance: The Moderating Role of Depression. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 21. Iss. 6: 2007–2030.
- Tatarova G.G. (2007) *Fundamentals of typological analysis in sociological research*. Moscow: Vysshee obrazovanie i nauka. (In Russ.)
- Tatarova G.G. (2012) The concept of "social type" in empirical research. In: *Sociology and society: global challenges and regional development: Materials of the IV Regular All-Russian Sociological Congress*. Moscow: ROS: 7187–7194. 1 CD ROM. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P., Kuchenkova A.V. (2021) Subjective Well-Being at Work: Research Practices of Sociological Measurement. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No 10: 37–49. DOI: 10.31857/S013216250015546-3. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Kuchenkova A.V. (2016) Indicators of Subjective Well-being as Characteristics for Typology Building. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 21–32. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Kuchenkova A.V. (2020) "Life Satisfaction" and "Personal Happiness" in the Sociological Studies of Subjective Well-being. In: Gorshkov M.K. (ed.) *Reforming Russia: Yearbook*. Iss. 18. Moscow: Novyy khronograf: 565–589. DOI: 10.19181/ezheg.2020.24. (In Russ.)
- Tatarova G.G., Kuchenkova A.V. (eds.) (2023) *Typological analysis in sociology as a diagnostic procedure*. Moscow: FNIITS RAN. (In Russ.)
- Tikhonova N. (2015) Russians' life satisfaction: dynamics and factors. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. No. 3: 19–33. (In Russ.)
- Tolstova Yu.N. (1986) Ensuring the homogeneity of initial data in the process of applying mathematical methods. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 49–154. (In Russ.)
- Trotsuk I.V. (2020) We are happy, prosperous, or pretending: a social request for methodological reflection. In: Kuleshova A.V. (ed.) *Materials of the X International Sociological Grushin Conference "Living in Russia. Live in peace. Sociology of everyday life"*, May 20 – November 14, 2020. Moscow: VTsIOM: 107–112. (In Russ.)
- Voronin G.L., Zakharov V.Y., Kozyreva P.M. (2016) "Who lives well in Russia?" 1994–2013 Monitoring survey. *Sotsiologicheskiiy Zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 22. No. 1: 26–53. DOI 10.19181/soc-jour.2016.22.1.3918. (In Russ.)

И.А. ШМЕРЛИНА

СОБОРНОСТЬ КАК (НЕ)СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

ШМЕРЛИНА Ирина Анатольевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (shmerlina@yandex.ru).

Аннотация. Статья посвящена реконструкции концепта «соборность» и мотивирована некорректным, по мнению автора, использованием его в современной социологической литературе. Выдвинув в качестве основной дилеммы понимание соборности как трансцендентной/социально нагруженной категории, автор дает неоднозначное ее решение. Показано, что понятие соборности, появление которого в русской религиозной философии и, шире, русской культуре, традиционно связывается с именем А.С. Хомякова, глубоко уходит в религиозно-мистический опыт последнего и требует осторожного обращения. Соборность, в ее аутентичном понимании, есть божественная благодать, снизошедшая на собрание верующих, и мистически преобразившая его. Данное понятие принадлежит теологической картине мира; привнесение его в социологический анализ некорректно, а использование в социально-политическом дискурсе неблагоприятно, поскольку задает ложные ориентиры и ценности. В то же время присутствующая во многих работах вульгаризация понятия «соборность» объясняется не только поверхностным и/или тенденциозным прочтением, но и присущей данному концепту амбивалентностью, разрывами между его аутентичным содержанием и заложенными в нем латентными ментальными конструкциями, аналитически выявляемыми при определенном исследовательском ракурсе. «Соборность» порожденная как социальная, в своих базовых интуициях, категория, и в своем историческом развитии к этим интуициям возвращается. Наличие определенной связи между мистическим аутентичным содержанием «соборности» и ее социальными проекциями, а также ее последующее социологически неизбежное обмирщение превращает рассматриваемый концепт в чрезвычайно любопытный объект терминологического анализа.

Ключевые слова: соборность • соборный • Церковь • единство • системное целое • сельская община • славянофилы • А.С. Хомяков • Ю.Ф. Самарин

DOI: 10.31857/S0132162524040035

Дискурс о соборности. Русская религиозно-философская мысль выработала столь своеобразные представления об основах социального общежития, что социологическая экспертиза этих взглядов, а также их последующей культурной рецепции, не перестает, несмотря на многочисленные публикации, оставаться актуальной научной задачей. В центре русской религиозной философии находится концепт «соборность», являющийся, по общему мнению, наиболее яркой и самобытной идеей отечественного философско-гуманитарного наследия. Об этом загадочном понятии писали много и по-разному – в жанровом диапазоне от лубка до религиозно-мистического откровения. Давая нестрогое обобщение встречающихся в современной социологической/социально ориентированной литературе интерпретаций соборности, выделим некоторые повторяющиеся черты, указывающие на определенный консенсус в отношении данного понятия. Прежде всего, сегодняшний несколько экзальтированный дискурс соборности связан со стремлением увидеть в ней культурный код русской цивилизации, ее наиболее глубинные, архетипические основания, что отражено, например, в утверждениях: «Идея соборности имеет фундаментальное значение в русской культуре. Она *conditio sine qua* полн образа жизни, мышления и познания русского человека. ...Соборность есть русский национальный архетип» [Голович, 2020: 121]; «это одна из главных ипостасей отечественной мудрости» [Гулыга, 1992: 83]. Некоторые авторы делают при этом акцент на социально-психологических

характеристиках, представляя соборность в качестве структурообразующего ядра национального менталитета¹, другие – в целом на архитектуру русского национального 'здания' в его историческом и актуальном воплощении². Рассуждения такого рода часто сопровождаются «этнографическими», по удачному выражению А.Л. Анисина [Анисин, 2009: 9], трактовками соборности как уникального достояния русской культуры, не имеющего аналогов в духовном наследии других народов³. За редкими исключениями, она подается как ценность, воплощающая исключительно позитивные аспекты социальной действительности и духовного мира⁴ и способная послужить основой для «соборного устройства реальности» [Хоружий, 2012: 9] как в национальном, так и геополитическом масштабе⁵. Все эти трактовки, в том или ином ракурсе социологизирующие соборность, далеко отходят от аутентично-богословского смысла данного понятия. Между тем аутентичный смысл соборности не имеет никакого отношения к социальной жизни в ее земном измерении.

Соборность в аутентичном прочтении. А.С. Хомяков – родоначальник понятия «соборность», нигде и никогда его не произносивший, – видел в ней специфический способ претворения божественного промысла в земной жизни. Данное понятие наполнено глубоко мистическим содержанием, любые попытки выразить которое – через выявление соответствующих признаков, атрибутов, характеристик – наталкиваются на антиномии,

¹ «Соборность – это органичная составляющая менталитета русского народа», «без которого немислима атмосфера русской духовности» [Костылева, 2007: 50, 49], «первоначальная интуиция русского духа», «существо русской ментальности» [Сагатовский, 1994: 104, 105], «родовые, на генном уровне заложенные понятия русской души» [Ерофеева, 2010: 18]; «константа русского национального самосознания» [Пестрецов, 2008]; «структурообразующие элементы русского национального характера», «метафизические основания смысловых ценностей русского этноса» [Киреев, 2009: 6, 148]. «Погружаясь в идею соборности, мы попадаем в эпицентр русского национального самосознания, мы открываем его специфику» [Алейников, 2017: 4].

² «Соборность ...получила универсальную реализацию в социокультурной жизни русских» [Монина, 2010: 49], это «генетический код российского социума» [Мищенко, 2011: 319], «сущностный элемент социокультурной структуры российского народа и российского государства» [Киреев, 2009: 7]; «на протяжении всей истории России она пронизывает межличностные и межэтнические отношения, культуру, политическую систему, экономику» [Костылева, 2007: 50].

³ «Начало соборности является капитальным достижением и "изобретением" русской культуры и ее *diferentia specifica* в отношении к западноевропейской культуре», – пишет Р. Голович, необоснованно ссылаясь при этом на А.А. Гулыгу; «русская культура именно благодаря началу соборности отличается от культуры других народов как самобытная соборная культура» [Голович, 2020: 121]; «вне всяких сомнений, соборность есть самая высочайшая идея, рожденная русской мыслью» [Теплых, 2021: 204]; это «явление, способное оформиться только на российской земле» [Ерофеева, 2010: 18].

⁴ «...вне всяких сомнений, соборность есть ...высочайшая идея, ...наиболее точно отражающая, и характеризующая русскую духовность в контексте всех основных ее ценностей», «идеал русской социально-духовной организации, высшая коллективная ценность в России» [Теплых 2021: 204, 203], «субстанция любого ценностного бытия» [Бабиц, 2009: 65].

⁵ «Категория "соборность" наполнена конкретным практическим смыслом, содержащим целевой идеал социальной деятельности, предпочтительный для благополучия личности и общества», «нравственно ориентирована на решение глобальных проблем современности» [Киреев, 2009: 3, 14]; «Принцип соборного устройства общества может стать средством гармоничной консолидации людей, основой для становления национального единства российского государства», он «важен в деле гармонизации человеческих взаимоотношений и за пределами определенных национальных рамок» [Бармашова, Ломанов, 2020: 73, 78]; это «принцип, на основе которого возможно "собираение Вселенной", начав с собственной страны, с собственного народа, с себя самого» [Теплых, 2021: 204]; «мы полагаем, что сегодня переосмысление ...понятия "соборность", способствующего сохранению духовно целостной природы человеческого существования, может рассматриваться в качестве альтернативы ценностям, утверждаемым глобальной цивилизацией» [Мороз, Рымарович, 2016: 8]; «Учение о соборности обнаруживает свою особую значимость для ситуации начала XXI в. ...Хомяков наметил основные вехи «дорожной карты» обретения соборности, и мы можем продвигаться по этому пути в современном духовном и социальном лабиринте, обходя те препятствия, которые повседневно встречаются на пути к солидарности и справедливости» [Горелов, 2017: 95].

не подвластные рациональной логике. Соборность выступает как «единство во множестве» [Хомяков, 1994: 242 (Курсив мой. – Прим. И.Ш.)], однако это не то единство, которое описывается средствами системной теории. Она есть *любовь*, но это не та любовь, что движет человеком в его тварной жизни. Она есть *свобода*, но эта свобода не предполагает возможности выбора между альтернативными решениями. Соборность воплощается в *собрании* индивидов, но неверно трактовать ее ни как «религиозно-церковную общность людей, объединенных православными ценностями» [Монина, 2010: 51]⁶, ни как некий принцип социальной интеграции, в соответствии с которым подобные общности возникают⁷. Соборность есть эманация Божественного духа на собрание верующих; это то, что приходит как благодать, нисхождение Божественной любви и милости.

Главное, что следует понять в соборности, состоит в том, что соборность имеет отношение не к личности, но к церкви как целостному субъекту веры; благодать нисходит не на человека как такового (ибо «...никто один не спасается. Спасаящийся же спасается в Церкви как член ее и в единстве со всеми другими ее членами» [Хомяков, 1994: 19]), но на общность, собрание верующих, пребывающих в совместной молитве (в этом, по-видимому, специфицирующий смысл понятия «соборность» в его отношении к «благодати»). Церковь, таким образом, перестает быть простым, эмпирически различимым собранием индивидов, но становится мистическим единством верующих, преображенных Святым духом («где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18: 20)).

В единстве мистически преображенного церковного собрания допустимо, на наш взгляд, видеть системное целое (неслучайно Хомяков пользуется при описании церкви метафорой организма: «Единство ...Церкви не мнимое, не иносказательное, но истинное и существенное, как единство многочисленных членов в теле живом» [Хомяков, 1994: 5]), однако его признаки – не социального, но трансцендентного свойства. Как подчеркивает прот. О.Н. Алейников, «рациональное, формально-логическое разрешение проблемы церковного единства» через диалектическое соотношение «единства» и «множества» / «части» и «целого», мыслимое «либо как механический, либо как органический процесс, ...оказывается невозможным» [Алейников, 2017: 24–25]. «Единство» здесь – это не единство пребывающих в совместной молитве единомышленников, но *единство божественной благодати*, которое не распадается, не теряет своей целокупности, осящая собой собрание верующих. Согласно одному из «программных» тезисов А.С. Хомякова, «Церковь не есть множество лиц в их личной отдельности, но единство Божьей благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати» [Хомяков, 1994: 5]. В описании В.И. Иванова соборность предстает как единство воплощенного Слова божьего: «В каждой [личности] Слово приняло плоть и обитает со всеми, и во всех звучит разное, но слово каждой находит отзвук во всех, и все – одно свободное согласие, ибо все – одно Слово» [Иванов, 1994: 100].

Подобным образом понятая соборность не имеет никакого отношения к собиранию целого из частей, к коллективу (собранию) индивидов, и, похоже, индивидам как таковым; в этом отношении изначально она вообще не имеет никакого социологического ракурса. Она «не есть человеческая, но Божественная характеристика Церкви» [Флоровский,

⁶ В других вариантах этой в целом преобладающей трактовки соборность подается как «свободное единство православного русского народа в любви» [Медушевская, 2010: 26], «свободное духовное единение людей ...в церковной жизни ...и в мирской общности» (Лазарев В.В. Соборность. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0178cc6530a5c64973161178>), «единство многих лиц на основе общей их веры к Богу» [Осипов, 2015: 403], «особый род человеческой общности, характеризующийся свободой, любовью, верой» [Мороз, Рымарович, 2016: 7] и т.п.

⁷ В рамках данного подхода соборность определяется как «принцип существования сообщества единомышленников, построенного на духовно-религиозных и нравственных основах» [Киреев, 2009: 17], «способ организации общественной жизни русского народа, ...форма его деятельности по единению во имя высших ценностей» [Костылева, 2007: 49], «универсальный конструктивный принцип эмпирических форм общения индивидов» [Мищенко, 2011: 322], «универсальный способ интеграции социума» [Бармашова, Ломанов, 2020: 79] и т.п.

2009: 353]. Акцент на Святом Духе и его благодати как сущности церкви задавал «крайне “воздушную”» ее концепцию (см.: [Валицкий, 2019: 236]. Как замечает В.М. Лурье, «в такой божественной Церкви ...затруднительно разместить реальных людей», что, по-видимому, понял сам А.С. Хомяков в своих поисках природы единства церкви (см.: [Лурье, 2020: 84]).

Важно заметить, что в представлении соборности как *мистической целостности церковного собрания* речь идет не просто о духовно преображенной общности людей, стоящих на молитве в храме, но о собрании, не имеющем пространственных и временных границ: «“собор” выражает идею собрания, не обязательно соединенного в каком-либо месте, но существующего потенциально без внешнего соединения» [Хомяков, 1994: 242]; в этом плане она есть нечто вроде «мистического единства рода человеческого» [Бирюков, Сергеев, 1995: 57]. Такого рода соборность плохо поддается дискурсивному осмыслению, но постигаема скорее опытно-интуитивным путем (именно так, как мистическое откровение религиозного опыта, идея соборности пришла к самому А.С. Хомякову). В.И. Иванов подчеркивал: «нет ни типического явления в жизни, прямо и всецело ему соответствующего, ни равного ему по содержанию логического понятия – “концепта”. Смысл соборности такое же задание для теоретической мысли, как и осуществление соборности для творчества жизненных форм» [Иванов, 1994: 101].

Учитывая все вышесказанное, весьма проблематично рассматривать соборность в социологическом ракурсе. Тем не менее основания для этого есть, и социологизация данного понятия, сколь бы вульгарные формы она порой ни принимала, неслучайна и отражает его сущностные начала. «Соборность» родилась как социальный в своих базовых интуициях концепт, и к этой своей исходной основе она неизбежно вернулась.

Социальные коннотации соборности. В этом довольно сложном сюжете просматриваются три аспекта – этимологический, сущностный (смысловой) и социально-исторический.

Этимологически слово «соборность» представляет собой морфологическое преобразование слова «соборный», осуществленное, как полагает В.М. Лурье, после смерти А.С. Хомякова Ю.Ф. Самариным [Лурье, 2020]. «Соборный» происходит от слова «собор» и включает в себе идею сбора, собирания, то есть соединения, возникновения некоей совместности. Это слово, как считается, использовали Кирилл и Мефодий при переводе девятого члена Никео-Цареградского Символа веры⁸. Заключенное в оригинальном греческом *καθολικός* «понятие всеобщности» можно было бы, пишет А.С. Хомяков, перевести также посредством слов «всемирный» и «вселенский», однако данные слова задают пространственно-географические или этнографические коннотации, в то время как просветители, по мнению Хомякова, стремились передать идею духовного трансцендентного собрания (см.: [Хомяков, 1994: 242]).

Как бы то ни было, содержащаяся в соборности идея всеобщности и духовного единства, воплощаемых в *собрании людей*, подспудно несет в себе социологический смысл, провоцируя на соответствующие смысловые смещения. В этом отношении любопытно сопоставить идею соборности с тем, как описывает Хомяков значение введенных Иваном IV Земских соборов, которое он видел не в согласовании индивидуальных или групповых мнений, основой чего выступают «личные, шаткие и произвольные понятия», но в утверждении единодушия, опирающегося на «древний обычай, который один для всех русских, и прямой закон Божественный, который один для всех Православных». Земская Дума, – пишет Хомяков, – связывала «воедино волю государя с обычаем и нравственным чувством народа», скрепляя «государственную силу любовью и смыслом народа» [Хомяков, 1900: 34–35]. Точным комментарием к этому фрагменту будет предпринятый современными исследователями анализ смысла представительных учреждений русского средневековья, выросших из церковных соборов и, как и последние, ориентированных на «идеал высшей истины»: «...собор созывается не для того, чтобы совместными

⁸ «Верую во единою, святую, соборную (кафолическую) и апостольскую Церковь».

усилиями выработать сбалансированное решение, ...не для того, чтобы достичь компромисса путем переговоров и взаимных уступок, и не для того, чтобы вынести спорный вопрос на голосование или защитить интересы своих членов. Ни одна из этих процедур, соответствующих эгалитаристским стандартам современной демократии, задачей собора не является и являться не может. Ибо цель собора – не представительство интересов церкви или общества, или своих членов, а выявление имеющей священный характер истины. Он олицетворяет собой духовное единство своих членов, а не разнообразие их интересов» [Бирюков, Сергеев, 1995: 57]. Можно согласиться с А. Валицким, что «славянофильская экклесиология составляет неотъемлемую часть славянофильской социальной философии: между суждениями о сущности церкви и взглядами на светские формы общественной жизни здесь имеется тесная связь. ...для Хомякова церковь была своего рода идеальной моделью определенного типа общественных связей» [Валицкий, 2019: 240–241].

Если вынести за скобки религиозно-мистическое наполнение слов *соборный/соборность*, сущностно они восходят к таким категориям, как *совместность, связь, коммуникация, общение*. Всё это – базовые социологические категории, отражающие феномен соединения индивидов. «Общение, – замечает С.С. Хоружий, – центральный принцип социальной философии Хомякова» [Хоружий, 2002б: 14]⁹. В наддисциплинарном ключе соборность воплощает философские идеи холизма, интеграции, отношения как некоего типа связи и взаимозависимости. «Не численностью верующих и не видимым их собранием образуется Церковь, но самой связью, объединяющей их» [Хомяков, 1994: 172]. Будучи аутентично теологическим, соборность есть вместе с тем глубоко социологическое понятие, отражая фундаментальное предположение, согласно которому Бог приходит в мир не через личность, а через общность. Понятая как «особый ...порядок бытия» [Хоружий, 2002: 168], «особый тип единения индивидов, принцип коммуникации, ...невывразимый в рациональном дискурсе» [Мищенко, 2011: 322], соборность представляет собой ключевой концепт религиозного варианта социологии. В определенных своих аспектах эта социология, по-видимому, может быть интегрирована со светской, но данное предположение требует отдельного рассмотрения.

Третий ракурс экспликации социального содержания соборности связан с вопросом о социально-исторических предпосылках этой идеи, ее укорененности в социальном бытии, исторически сложившихся принципах и формах социального общежития. Это прежде всего, конечно, вопрос об общине.

Данный вопрос, имеющий большую исследовательскую традицию и вот уже более полутора веков находящийся в центре научных и идеологических дискуссий, настолько сложен и неоднозначен, что будет разумно оставить его за скобками настоящего рассмотрения¹⁰. Заметим лишь, в качестве необходимого для нашего сюжета резюме, что

⁹ Здесь стоит отметить личностную характеристику мировоззрения А.С. Хомякова, а именно – «общежительный, “киновийный” характер его духовного типа и духовного мира» [Хоружий, 2002б: 14], что, логично предположить, привел его на определенном этапе творчества к идее Соборной Церкви. Небезынтересен также такой личностно-биографический аспект рассматриваемой тематики, как тесная семейственность славянофилов: «Характерной особенностью московского кружка [славянофилов] было то, что его члены были представителями старинных дворянских семей и даже состояли между собой в родстве» [Фатеев, 2006: 15]. В частности, мать А.С. Хомякова была урожденная Киреевская.

¹⁰ Сошлемся лишь на один источник, дающий неплохое представление о непрекращающихся дискуссиях на тему «пресловутой “общинности”, которая заворожала столь многих историков давнего и недавнего времени» [Гуревич, 2007: 21], – подборку публикаций на эту тему в [Споры об общине... 2017], а также воспроизведем принципиальный тезис зачинщика этих споров на их сегодняшнем этапе Л.Б. Алаева: «Представления о древнем происхождении русской общины с уравнительными переделами земли основаны на домыслах, и это хорошо известно специалистам, однако в обиходе, в идеологических и политических кругах сохраняются мифологические представления об извечности русской общины и об особой “общинности”, свойственной российскому менталитету» [Алаев, 2017: 16].

(1) речь идет не просто об общине как организации совместного быта и хозяйствования на территории общего проживания¹¹, но об общине в том ее утопическом идеализированном образе, который манифестировали славянофилы и который задавал социальные ориентиры их религиозно-философским построениям, – общине как воплощении коллективистского духа, как «нравственном хоре» [Аксаков, 1861: 291–292] или «нравственной личности» [Герцен, 1956: 259]. (2) Исторические исследования заставляют поставить под сомнение как само существование подобной общины, так и представление об общинно-коллективистской основе мировоззрения русского крестьянина. Более прагматический подход к вопросу общины позволяет увидеть в ней феномен «моральной экономики», основанной на «этике выживания» [Скотт, 1997], оставляя мало места для романтизации выработанных для этого необходимых «технических, социальных и моральных приспособительных приемов», будь то «использование нескольких разновидностей семян, ...периодическое перераспределение общинной земли» или «помощь временно нуждающимся родственникам или соседям» [там же: 205]. В этом плане коллективистские установки крестьян вряд ли были проявлением некоего присущего им исконного «соборного сознания»¹², но отражали принципы совместного общежития, естественно вытекающие из проживания и хозяйствования на общей территории и необходимости регулировать вопросы, с этим связанные. В то же время традиционный (характерный для доиндустриального общества) труд на земле сам по себе индивидуален и служит предпосылкой формирования соответствующих – индивидуалистических – черт и установок крестьянского сознания. «Испокон веков основным производителем сельскохозяйственной продукции было личное крестьянское хозяйство... Исторически ...крестьянский индивидуализм оказывался данью всем тяготам личного хозяйствования на земле» [Рашковский, 2018: 106]. Подобная ситуация порождает, пишет А.Я. Гуревич, «дуализм “земледельческой” общины, коренившийся в противоречии между коллективным и индивидуальным началами, [который] неизбежно должен был отражаться и на отношении личности и общества» [Гуревич, 2007: 280]. Разумно, таким образом, предположить, что в крестьянском сознании присутствовали как коллективистские, так и индивидуалистические начала, хотя вопрос о соотношении этих начал не поддается легкому решению.

Тезис о том, что «идея соборности ...коренится в общинных началах народной жизни» и «произрастает из общинной психологии народа» [Медушевская, 2010: 26, 18], представляется сильным упрощением ситуации не только в силу указанных выше социально-исторических причин. Идея соборности, сколь бы ни были сильны ее социальные истоки, является сложной метафизической конструкцией, которая не вытекает из жизни, но порождается на достаточно высоком уровне философской рефлексии. В этом отношении обращает на себя внимание критика Н.А. Бердяевым «идиллической концепции славянофилов о русской общине», в которой он видел их тяготение к «экономическому материализму». Оспаривая «то преувеличенное значение, которое Хомяков и все славянофилы

¹¹ Говоря об общине как реальном социальном явлении, следует четко выделять тематические срезы соответствующих рассуждений: идет ли речь об общине как способе хозяйственной деятельности (то есть об общине в *экономическом смысле*), способе поддержания порядка и повседневной коммуникации внутри территориально обособленной единицы (то есть о *социальных смыслах* общины), мировоззренческих установках в отношении социального целого (о *ментально-психологическом* измерении понятия “община”).

¹² Именно этот аргумент выдвигал, в частности, в середине XIX в. И.Д. Беляев в известной полемике с Б.Н. Чичериным о происхождении и месте общины в российской истории: «причина, почему община не распадалась, заключалась не в хозяйственной цели, а лежала гораздо глубже, именно: в самом духе народа, в складе русского ума, который не любит и не понимает жизни вне общины, который даже в своей родной кровной семье хочет видеть общину, товарищество...»; «Этот-то народный дух развил общину в русской жизни, постоянно поддерживал ее с незапамятных времен и поддерживает в настоящее время...» [Беляев, 1856: 15; 16]. Для многих современных исследователей мнение об «общинности ...как выражении русской духовности» [Артамонова, 2018] остается непререкаемой истиной.

придают русской общине», Бердяев замечает: «У него выходило почти так, что без сельской общины христианство невозможно», в то время как, по убеждению Бердяева, «соборность, духовный коллективизм не может зависеть от таких экономических производственных фактов, как сельская община». Задавая риторический, в его представлении, «вопрос, можно ли ставить в такую зависимость дух русского народа и призвание народа от общественных и экономических условий, от эмпирической истории», Бердяев отвечает: «Дух народа воспринимается лишь мистической или художественной интуицией. А религиозное призвание его зависит от пророчеств»; «Русский народ не потому христианский, что у него была крестьянская община, а потому, ...что были у него св. Сергей Радонежский, Нил Сорский, Серафим Саровский» [Бердяев, 1912: 178–200]. Представляется, что именно подобную мысль пытается схватить современный автор, когда пишет: «Философия соборности представляет собой подвергнутую философской рефлексии русскую экзистенциальную традицию осмысления социального бытия», утверждая при этом, что «концепция соборности, разработанная русскими религиозными философами, в существенной мере не совпадала с конкретно-историческими проявлениями соборной жизни русского народа» [Киреев, 2009: 14, 13].

Дискурс славянофилов об общине как «о лучшем, о святейшем остатке народной старины, которому должна была бы подражать и завидовать вся остальная Европа» и воспеваемая ими «тихая гармония сельского быта» [Хомяков, 1900: 117, 102]¹³ отчасти были реакцией на социальную отсталость страны¹⁴ и попыткой увидеть в отсталости самобытность, отчасти отразили общеевропейские буколические настроения в отношении «благородного дикаря»¹⁵.

Если сам А.С. Хомяков, придавая огромное значение общине, тем не менее никогда напрямую не проецировал на нее соборность¹⁶, то его последователи эксплицировали (что было, как представляется социологически, неизбежным) очевидную связь между социальными и духовно-нравственными началами этого понятия. В сочинениях К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина, С.Л. Франка, Л.П. Карсавина соборность уже открыто выступает как социологическая категория. Неслучайно само понятие «соборности», сконструированное, по-видимому, Ю.Ф. Самариным (см. [Лурье, 2020: 85–86], морфологически перекликается с «общинностью». Здесь начинается, как пишет Хоружий, «грустная линия в истории соборности» [Хоружий, 1994]. Идеологические последствия подобного смыслового смещения ярко демонстрирует огромное число не только публицистических, но и научных публикаций на эту тему. Между тем понятие соборности, отражающее фундаментальную установку русской мысли на тотализующее схватывание бытия, перспективно осмыслить в теоретико-методологическом ракурсе, для чего необходимо вернуться к аутентичному не-социологическому смыслу данного понятия.

¹³ Связь концепции соборности с идеализацией столь дорогого сердцу славянофилов помещичье-общинного уклада деревенской жизни кажется несомненной. Здесь также чувствуются персонально-биографические предпосылки социальной философии А.С. Хомякова, который, «как и все славянофилы, ...был добрый русский барин, добрый русский помещик, и само народничество его имело барский привкус. ... Идеал Хомякова – ...это ...идеал мужицкого христианского царства, прошедший чрез душу просвещённого барина» [Бердяев, 1912: 202].

¹⁴ Как справедливо пишет Н.А. Бердяев, «община свойственна всем народам на известной стадии их исторического развития и исчезает на стадиях последующих, ...в русской общине нет ничего особенно оригинального, ...она связана с низшими формами народного хозяйства» [Бердяев, 1912: 179].

¹⁵ Весьма тонким представляется замечание о том, что социальная философия славянофилов «слишком идет по линии теологизации Volksgeist*», что сближает ее с теориями немецких романтиков (см. [Хоружий, 2002: 171]). * нем. народный дух.

¹⁶ «Если ...Хомяков ...был внутренне уверен в наличии “сродства” между принципами единства крестьянской общины и единства Церкви, то он все-таки никогда не решался заявить об этом на языке богословия. Он понимал, что для такого заявления ему нужна будет богословская экспликация того, что делает Церковь Церковью, причем эта экспликация должна будет совпасть с его объяснением того, что может объединять людей в общины светские» [Лурье, 2020: 86].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксаков К.С. Краткий исторический очерк Земских Соборов // Полное собрание сочинений К.С. Аксакова. Т. 1. М.: В тип. П. Бахметева, 1861. С. 291–306.
- Алаев Л.Б. «Тезисы, выносимые на защиту» // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 78. М.: Наука, 2017. С. 15–17.
- Алейников О.Н. «Опыт катихизического изложения учения о церкви» (или «Церковь одна») А.С. Хомякова как целостное выражение идеи соборности // Сб. трудов Тульской духовной семинарии. 2017. Вып. 3. С. 21–30.
- Анисин А.Л. Соборность: феномен, понятие и принцип // Вестник Челябинского госун-та. 2009. № 33. Философия. Социология. Культурология. Вып. 14. С. 5–11.
- Артамонова Т.А. Общинный уклад жизни российского общества: философско-исторический анализ // Российское крестьянство и сельское хозяйства в контексте. Йошкар-Ола: МарГУ, 2018. С. 668–676.
- Бабич В.В. Понятие соборности в русской религиозной философии // Вестник ТГУ. Социологические науки. 2009. № 324. С. 63–66.
- Бармашова Т.И., Ломанов П.В. Понятие «соборность» в русской философии // Вестник БГУ. Философия. 2020. Вып. 1. С. 73–80. DOI: 10.18101/1994-0866-2020-1-73-80.
- Беляев И.Д. Обзор исторического развития сельской общины в России. М.: тип. А. Семена, 1856.
- Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. М.: Путь, 1912.
- Бирюков Н., Сергеев В. Демократия и соборность: представительная власть в традиционной российской и советской политической культуре // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 53–68.
- Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М.: НЛО, 2019.
- Герцен А.И. О сельской общине в России // Собр. соч. в 30 т. Т. VII. М.: АН СССР, 1956. С. 259–263.
- Голович Р. Соборность: из истории русской религиозной социальной мысли // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 121–125. DOI: 10.31857/S0132162500093890.
- Горелов А.А. А.С. Хомяков: учение о соборности и русская община // Культура и общество. 2017. № 2. С. 78–97. DOI: 10.17805/zpu.2017.2.6.
- Гулыга А.В. Русский философский ренессанс // Русская идея и современность. М., 1992. С. 79–83.
- Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе // Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 186–342.
- Ерофеева И.В. Концепт «соборность» в пространстве современного медиатекста: проблемы репрезентации // Вестник Волгоградского госун-та. Сер. 7. Философия. 2010. № 2. С. 18–25.
- Иванов В.И. Легион и соборность // Родное и вселенское М.: Республика, 1994. С. 96–101.
- Киреев В.К. Феномен соборности и его роль в социокультурном развитии российского общества: дисс. ...канд. филос. наук: 24.00.01. Воронеж, 2009.
- Костылева В.Ю. Соборность как форма проявления социальной практики: ретроспективный анализ // Вестник АГТУ. 2007. № 5. С. 49–55.
- Лазарев В.В. Соборность. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0178cc6530a5c64973161178> (дата обращения: 03.02.2024).
- Лурье В.М. «Соборность»: появление термина и понятия в трудах Псевдо-Хомякова // Studia Religiosa Rossica. 2020. № 1. С. 72–88. DOI: 10.28995/2658-4158-2020-1-72-88.
- Медушевская Н.Ф. Интеллектуально-духовные основания российского права: автореф. дисс. ...д. юр. н.: 12.00.01. М., 2010.
- Мищенко А.В. О соборности как понятии духовном, религиозном и философском // Вестник МГТУ. 2011. Т. 14. № 2. С. 319–324.
- Монина Я.Я. Категория соборности в русской культуре // Позиции философии в современном обществе. Екатеринбург: Уральский ун-т, 2010. Т. 2. С. 47–52.
- Мороз В.В., Рымарович С.Н. Модели альтернативного общества в социально-философских утопических проектах XIX-начала XX вв. // Научные ведомости. Сер. Философия. Социология. Право. 2016. № 10. Вып. 36. С. 5–14.
- Осипов И.Д. Категория соборность в русской философии // Россия в глобальном мире. 2015. № 7. С. 403–410.
- Пестрецов А.Ф. Соборность – константа русского национального самосознания // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2008. № 1. С. 176–182.
- Рашковский Е.Б. Социальный миф и развитие // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 4. С. 103–108. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-4-103-108.
- Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? СПб.: Петрополис, 1994.

- Скотт Дж. Моральная экономики крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец. М.: Прогресс-Прогресс-Академия, 1992. С. 202–210.
- Споры об общине. Приглашение к дискуссии: общности и их функции // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 78. М.: Наука, 2017. С. 14–40; 41–93.
- Теплых Н.В. Соборность и патриотизм как ценности русского мира // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Т. 10. № 3А. С. 202–208. DOI: 10.34670/AR.2021.22.58.031.
- Фатеев В.А. В спорах о самобытном пути России // Славянофильство: PRO ET CONTRA: СПб.: РХГА, 2006. С. 1–48.
- Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М.: ИРЦ, 2009.
- Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 3. М.: Университетская тип. на Страстном бульваре, 1900.
- Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Т. 2. Работы по богословию. М.: Медиум, 1994.
- Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алтейя, 1994. URL: <https://www.synergia-isa.ru/lib/lib.htm#Н> (дата обращения: 15.02.2024).
- Хоружий С.С. Алексей Хомяков: Учение о соборности и Церкви // Богословские труды. Т. 37. 2002-а. С. 153–179.
- Хоружий С.С. Современные проблемы православного мирозерцания, 2002-б. URL: <https://www.eparhia-saratov.ru/Content/Books/91/problems.pdf> (дата обращения: 13.02.2024).
- Хоружий С.С. Идея соборности: ее православно-славянофильские истоки и ее перспективы в современном постсекулярном мире, 2012. URL: https://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/10/horuzhy_sobornost_2012.pdf (дата обращения: 15.02.2024).

Статья поступила: 19.02.24. Принята к публикации: 02.04.24.

SOBORNOST AS A NON-SOCIOLOGICAL CATEGORY

SHMERLINA I.A.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Irina A. SHMERLINA, Cand. Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (shmerlina@yandex.ru).

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the concept “conciliarity” (“sobornost”) and is motivated by its incorrect, in the author’s opinion, use in modern sociological literature. Having put forward the understanding of sobornost as a transcendent / socially loaded category as the main dilemma, the author gives an ambiguous solution to it. It is shown that the concept of sobornost, the appearance of which in Russian religious philosophy and, more broadly, Russian culture, is traditionally associated with the name of A.S. Khomyakov, is deeply rooted in the religious-mystical experience of the latter and requires careful handling. Sobornost, in its authentic understanding, is the divine grace that descended upon the meeting of believers and mystically transformed it. This concept belongs to the theological picture of the world; bringing it into sociological analysis is incorrect, and its use in socio-political discourse is unwholesome, since it sets false guidelines and values. At the same time, the vulgarization of the notion of “sobornost” present in many works can be explained not only by a superficial and / or tendentious reading, but also by the inherent deep ambivalence of this concept, the obvious gaps between its authentic content and latent mental constructs embedded in it and analytically revealed by a certain research perspective. “Sobornost” was born as a social, in its basic intuitions, category, and in its historical development it returns to these intuitions. The presence of a certain connection between the deeply mystical authentic content of “conciliarity” and its social projections, as well as its subsequent sociologically inevitable secularization, turns the concept under consideration into an extremely curious object of terminological analysis.

Keywords: conciliarity (sobornost), conciliar (soborny), Church, unity, systemic whole, rural community, Slavophiles, A.S. Khomyakov, Yu.F. Samarin.

REFERENCES

- Aksakov K.S. (1861) A brief historical sketch of the Zemsky Councils. In: *The Complete works of K.S. Aksakov*. Vol. I. Moscow: V tip. P. Bakhmeteva: 291–306. (In Russ.)
- Alaev L.B. (2017) "Theses submitted for defense". In: *The Middle Ages: studies on the history of the Middle Ages and early Modern Times*. Iss. 78. Moscow: Nauka: 15–17. (In Russ.)
- Aleynikov O.N. (2017) "The experience of the catechetical exposition of the doctrine of the Church" (or "The Church is one") by A.S. Khomyakov as an integral expression of the idea of conciliarity. In: *Collection of works of the Tula Theological Seminary*. Iss. 3: 21–30. (In Russ.)
- Anisin A.L. (2009) Sobornost: phenomenon, concept and principle. *Vestnik Chelyabinskogo gosun-ta*. № 33. *Filosofiya. Sociologiya. Kul'turologiya* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. No. 33. Philosophy. Sociology. Cultural studies]. Iss. 14: 5–11. (In Russ.)
- Artamonova T.A. (2018) Communal way of life of Russian society: philosophical and historical analysis. In: *Russian peasantry and agriculture in the context of regional history*. Yoshkar-Ola: MarGU: 668–676. (In Russ.)
- Babich V.V. (2009) The concept of conciliarity in Russian religious philosophy. *Vestnik TGU. Sotsiologicheskoye nauki* [Bulletin of Tomsk State University. Sociological Sciences]. No. 324: 63–66. (In Russ.)
- Barmashova T.I., Lomanov P.V. (2020) The concept of "sobornost" in Russian philosophy. *Vestnik BGU. Filosofiya* [Bulletin of Buryat State University. Philosophy]. Iss. 1: 73–80. DOI:10.18101/1994-0866-2020-1-73-80. (In Russ.)
- Belyaev I.D. (1856) *Review of the historical development of rural communities in Russia*. Moscow: tip. A. Semenova. (In Russ.)
- Berdyaev N.A. (1912) *Alexey Stepanovich Khomyakov*. Moscow: Put'. (In Russ.)
- Biryukov N., Sergeev V. (1995) Democracy and conciliarity: representative power in traditional Russian and Soviet political culture. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 6: 53–68. (In Russ.)
- Disputes about the community; Invitation to discussion: communities and their functions. In: *The Middle Ages: studies on the history of the Middle Ages and early Modern Times*. Iss. 78. Moscow: Nauka: 14–40; 41–93. (In Russ.)
- Fateev V.A. (2006) In the debate about the original path of Russia. In: *Slavophilism: PRO ET CONTRA*. St. Petersburg: RHGA: 1–48. (In Russ.)
- Florovsky G.V. (2009) *Paths of Russian theology*. Moscow: IRC. (In Russ.)
- Golovic R. (2020) The 'sobornost': from the history of Russian religious and social thought *Sotsiologicheskoye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 121–25. DOI: 10.31857/S0132162500093890 (In Russ.)
- Gorelov A.A. (2017) A.S. Khomyakov: doctrine on «sobornost» (collegiality) and Russian community. *Kul'tura i obshchestvo* [Culture and Society]. No. 2: 78–97. DOI: 10.17805/zpu.2017.2.6 (In Russ.)
- Gulyga A.V. (1992) Russian philosophical renaissance. In: *Russian idea and modernity*. Moscow: 79–83. (In Russ.)
- Gurevich A. Ya. (2007) Problems of the genesis of feudalism in Western Europe. In: *Selected works. Ancient Germans. Vikings*. St. Petersburg: SPbGU: 186–342. (In Russ.)
- Herzen A.I. (1956) About the rural community in Russia. In: *Collected works in 30 vol. V. VII*. Moscow: AN SSSR: 259–263. (In Russ.)
- Ivanov V.I. Legion and conciliarity. In: *Native and universal*. Moscow: Respublika: 96–101. (In Russ.)
- Khomyakov A.S. (1900) *The Complete Works*. V. 3. Moscow: Universitetskaya tip. na Strastnom bul'vare. (In Russ.)
- Khomyakov A.S. (1994) *Works in two volumes. V.2. Works on theology*. Moscow: Medium. (In Russ.)
- Khoruzhy S.S. (1994) After the break. Paths of Russian philosophy. St. Petersburg: Alteyya. URL: <https://www.synergia-isa.ru/lib/lib.htm#H> (accessed 15.02.2024). (In Russ.)
- Khoruzhy S.S. (2002-a) Alexey Khomyakov: The doctrine of conciliarity and the Church. *Bogoslovskie trudy* [Theological works]. Vol. 37: 153–179. (In Russ.)
- Khoruzhy S.S. (2002-6) Modern problems of the Orthodox worldview. URL: <https://www.eparhia-saratov.ru/Content/Books/91/problems.pdf> (accessed 13.02.2024). (In Russ.)
- Khoruzhy S.S. (2012) *The idea of conciliarity: its Orthodox-Slavophile origins and its prospects in the modern post-secular world*. URL: https://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/10/horuzhy_sobornost_2012.pdf (accessed 15.02.2024). (In Russ.)
- Kireev V.K. (2009) *The phenomenon of conciliarity and its role in the sociocultural development of Russian society: dissertation for the degree of Candidate of Philosophical sciences*: 24.00.01 Voronezh. (In Russ.)
- Kostyleva V. Yu. (2007) Sobornost as a form of appearance of social interrelations: a retrospective analysis. *Vestnik AGTU* [Bulletin of Astrakhan State Technical University]. No. 5: 49–55. (In Russ.)

- Lazarev V.V. *Sobornost*. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0178c-c6530a5c64973161178> (accessed 03.02.2024). (In Russ.)
- Lourie B. (2020) "Conciliarity": the emergence of a term and concept in the writings of Pseudo-Khomyakov". *Studia Religiosa Rossica*. No. 1: 72–88. DOI: 10.28995/2658-4158-2020-1-72-88. (In Russ.)
- Medushevskaya N.F. (2010) *Intellectual and spiritual foundations of Russian law: abstract of the diss.* ... Moscow. (In Russ.)
- Mishchenko A.V. (2011) On conciliarity as a spiritual, religious and philosophical concept. *Vestnik MGTU* [Herald of the Bauman Moscow State Technical University]. Vol. 14. No. 2: 319–324. (In Russ.)
- Monina Ya. Ya. (2010) Category of conciliarity in Russian culture. In: *Positions of philosophy in modern society*. Ekaterinburg: Ural'sk. un-t. Vol. 2: 47–52. (In Russ.)
- Moroz V.V., Rymarovich S.N. (2016) The models of the alternative society in socio-philosophical utopian projects of XIX – beginning of XX centuries. *Nauchnyye vedomosti. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Scientific bulletins. Series Philosophy. Sociology. Law]. No. 10. Iss. 36: 5–14 (In Russ.)
- Osipov I.D. (2015) Category of conciliarity in Russian philosophy. *Rossiya v global'nom mire* [Russia in the global world]. No. 7: 403–410. (In Russ.)
- Pestretsov A.F. (2008) Sobornost as a constant value in Russian national moral. *Vestnik NNGU im. N.I. Lobachevskogo. Ser. Sotsial'nyye nauki* [Bulletin of Lobachevsky University. Series Social Sciences]. No. 1: 176–182. (In Russ.)
- Rashkovskii E.B. (2018) Social myth and development. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. Vol. 62. No. 4: 103–108. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-4-103-108. (In Russ.)
- Sagatovsky V.N. (1994) *Russian idea: shall we continue the interrupted path?* St. Petersburg: Petropolis. (In Russ.)
- Scott J. (1992) The moral economy of the peasantry as an ethic of survival. In: *The Great Stranger*. M.: Progress–Progress-Akademika: 202–210.
- Teplykh N.V. (2021) Sobornost and patriotism as the value of the Russian world. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being]. Vol. 10. No. 3A: 202–208. DOI: 10.34670/AR.2021.22.58.031. (In Russ.)
- Valitsky A. (2019) *In the circle of conservative utopia. Structure and metamorphoses of Russian Slavophilism*. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Yerofeeva I.V. (2010) The concept «conciliarism» in the sphere of modern mediatext: representation problems. *Vestnik Volgogradskogo gosun-ta. Ser. 7. Filosofiya* [Bulletin of Volgograd State University. Ser. 7 Philosophy]. No. 2: 18–25. (In Russ.)

Received: 19.02.24. Accepted: 02.04.24.

© 2024 г.

Р.Г. БРАСЛАВСКИЙ

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОВОРОТ И МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕКОНФИГУРАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

БРАСЛАВСКИЙ Руслан Геннадьевич – кандидат социологических наук, заместитель директора по научной работе Социологического института РАН – филиала ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия (r.braslavsky@socinst.ru).

Аннотация. В статье предлагается реконструкция современной социологической теории, отводящая центральное место цивилизационному анализу. В конце XX в. попытки решения агентностно-структурной проблемы привели к формированию метатеоретической дилеммы между позициями взаимного конституирования и аналитической автономии, оттеснившей на второй план традиционную дилемму индивидуализма и холизма. Конститутивистское решение снимало дихотомию агентности/социальная структура в реляционной концепции власти. Автономистское решение опосредовало ее, опираясь на аналитическую концепцию культуры. Цивилизационный поворот сводит эти линии метатеоретической реконцептуализации социологической проблематики, фокусируясь на отношении культуры с властью. Разработанная в рамках социологической версии цивилизационного подхода модель соотношения «измерений» и «сфер» социальной жизни сочетает метатеоретические позиции аналитической автономии и взаимного конституирования.

Ключевые слова: цивилизационный анализ • современная социология • аналитическая автономия • взаимное конституирование • культура • власть

DOI: 10.31857/S0132162524040042

В настоящее время бытуют два нарратива о возвращении в научный дискурс понятия цивилизации во множественном числе. Доминирующий нарратив относит возрождение цивилизационного подхода ко времени окончания холодной войны, усматривая в нем «ответ на дезинтеграцию биполярного послевоенного миропорядка» и «реакцию на современный опыт глобализации» [Конрад, 2018: 222]. В этих рамках вклад С. Хантингтона («Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка», 1996) признается решающим в реактивацию цивилизационного подхода в 1990-е гг. Популяризованная Хантингтоном версия представляла собой возвращение старых стратегий интерпретации. Однако она сформировала однобокий стереотипный образ всей области современного цивилизационного анализа. Признанный в политическом дискурсе он подвергается критике в академической среде за «культурный эссенциализм» в теоретическом и «культурный расизм» в идеологическом планах¹. Альтернативой является нарратив о «циви-

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 23-18-01067.

¹ Среди российских исследователей показательны в этом отношении работы В.А. Шнирельмана (напр.: [Шнирельман, 2011: 89, 293, 375–384]).

лизационном повороте» в социологии, берущем начало в середине 1970-х гг. Сторонники этого нарратива указывают на необоснованное смещение разных версий цивилизационного подхода в модели самодостаточных локальных цивилизаций, преувеличивающей культурную гомогенность и закрытость каждой отдельной цивилизации и игнорирующей историю их трансформаций и взаимодействий.

В действительности оба цивилизационных метанарратива скорее дополняют друг друга, поскольку относятся к разным традициям цивилизационного анализа в социальных науках. Одна традиция, получившая название *метаисторической*, восходит к Н.Я. Данилевскому, О. Шпенглеру, А. Тойнби и разрабатывалась главным образом историками, антропологами, культурологами (А. Кребер, Р. Кулборн, К. Куигли, Ф. Бэбби, О. Андерле, М. Мелко). Традиция *социологическая* заложена в начале XX в. в работах М. Вебера и Э. Дюркгейма с М. Моссом и возрождена после тридцатилетнего перерыва в последней четверти прошлого столетия. Инициаторами цивилизационного поворота в социологии 1970-х гг. стали Б. Нельсон и Ш. Эйзенштадт, которые обратились к теории и сравнительной истории цивилизаций. Эта линия анализа получила продолжение в работах Э. Тирикьяна, С. Аржоманда, Я. Крейчи, Т. Хаффа, Р. Коллинза, Дж. Смита и других социологов. С конца 1960-х гг. начался постепенный рост признания идей Н. Элиаса после переиздания на немецком языке и выхода английского перевода его труда «О процессе цивилизации», впервые опубликованного в Швейцарии в 1939 г. Заложенные в нем идеи Элиас развивал на протяжении всей своей долгой жизни и на ее позднем этапе имел ряд последователей – Й. Гудсблом, Р. Килминстер, С. Меннел, К. Боутерс, Р. Ван Крикен и др. В начале XXI в. значимый вклад в развитие и консолидацию формирующейся социологической парадигмы цивилизационного анализа внес Й. Арнасон².

Цивилизационный поворот в социологии часть более или менее радикального пересмотра ее концептуальных оснований на волне распада так называемого ортодоксального консенсуса, сложившегося в середине XX в. под доминирующим влиянием структурного функционализма. В статье предлагается реконструкция метатеоретической реконфигурации в современной социологии, преследующая двойную цель. (1) Обосновать центральную позицию цивилизационного анализа в постановке и решении ключевой концептуальной дилеммы социологического теоретизирования последнего времени. (2) Прояснить метатеоретические основания консолидации социологической программы цивилизационного анализа, представленной двумя основными направлениями: теорией цивилизационных комплексов и теорией процессов цивилизации.

Реконцептуализация социологической проблематики: дилемма автономизма и конститутивизма. Метатеоретические основания социологии, характеризующие ее конститутивное «единство в разнообразии», лучше всего определяются термином «проблематика», под которой понимается «констелляция тем, проблем и перспектив, открытая для различных и часто противоречивых интерпретаций» [Арнасон, 2017: 63]. Проблематика конкретной социальной науки может быть описана как двухуровневая структура, состоящая из категориальных дистинкций (различений) и концептуальных диспозиций (отдельных точек зрения). Категориальные дистинкции – это полихотомические сочетания основных понятий, описывающих предметную область данной науки. В социологии ключевые дистинкции традиционно касаются соотношения индивида и общества и, как правило, принимают вид понятийных пар (дихотомий), напр., «агентность/социальная структура», «действие/социальная система», «микро/макроуровень» и т.д. Концептуальные диспозиции заключают в себе противоположные ответы на вопросы, порождаемые сочетаниями основополагающих понятий, и выражаются метатеоретическими полилемами, чаще всего дилеммами – «методологический индивидуализм vs холизм», «рационализм vs институционализм», «социологический номинализм vs социологический реализм»

² О концепции цивилизационного анализа Й. Арнасона в отечественной литературе см.: [Масловский, 2012; Титаренко, 2022].

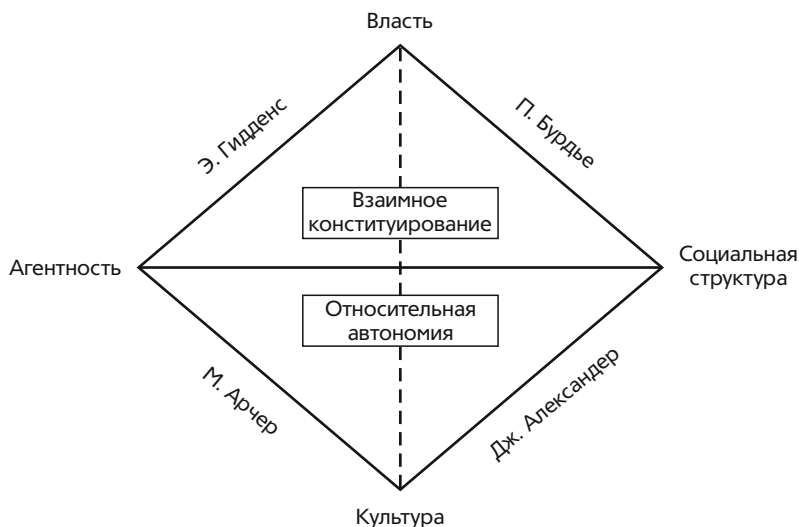

Рис. 1. Метатеоретическая реконфигурация в современной социологии

и другие -измы. Проблематика трансмутирует, когда в фундаментальную онтологическую схему данной науки вводится новая аналитическая категория, ведущая к реконфигурации прежних понятийных дистинкций и переформулированию концептуальных диспозиций.

В социологической теории последней четверти XX в. произошел фундаментальный сдвиг. Ортодоксальная социологическая дилемма *индивидуализма* и *холизма* с её главной понятийной оппозицией «агентность/социальная структура» (см., напр.: [Шубрт, 2013]) была оттеснена на второй план метатеоретической дилеммой *автономизма* и *конститутивизма*, соотносимой, в свою очередь, с понятийной дихотомией «культура/власть». Тематизация и проблематизация отношения культуры и власти проявилась в результате попыток решения агентностно-структурной проблемы в двух параллельных направлениях. Одним стала реляционная концепция власти, снимающая данную дихотомию, другим – аналитическая концепция культуры, опосредующая ее. Первое решение соответствует метатеоретической позиции взаимного конституирования (*mutual constitution*), представителями которой являются П. Бурдьё и Э. Гидденс, второе – аналитической автономии культуры, отстаиваемой последовательно, хотя с существенными различиями аргументации Дж. Александером и М. Арчер [Olick, 2010: 98]. Оба решения отвергают доминировавший в социологии субстантивистский взгляд на социальную реальность как состоящую из предзаданных самостоятельных сущностей, взаимодействующих между собой [Олик, 2012: 45].

Сложившиеся в «обоюдоконститутивистском» и «аналитико-автономистском» метатеоретических лагерях противоположные подходы к преодолению дихотомии «агентность/структура» обозначили новый фокус социологической проблематики на соотношении категорий культуры и власти (рис. 1). Хотя эти понятия традиционно входят в число основных в социологии, их разработка долгое время велась преимущественно в рамках редукционистских подходов, отдавших предпочтение одной из них за счет другой. Так, власть и культура оказались разведены по разным макросоциологическим парадигмам – «конфликта» и «консенсуса» соответственно. К середине 1970-х гг. ставшая многим очевидной исчерпанность теоретизирования в этих рамках вывела на первый план проблематику соотношения культуры и власти – как новую центральную ось теоретического синтеза в социологии [Йоас, Кнёбль, 2011: 289]. В это время в социологии и произошло «возрождение» цивилизационного анализа, для которого эта тематика изначально была ключевой.

Власть и культура в цивилизационном анализе: от конститутивизма к автономизму и обратно. В структуре современного цивилизационного анализа в социологии выделяют три основных направления: *процессуальное, интегративное и реляционное*, возглавляемые соответственно Н. Элиасом, Ш. Эйзенштадтом и Й. Арнасоном [Smith, 2017: 28–29]. Каждого из них отличает свой акцент интерпретации ключевой дихотомии цивилизационного анализа «культура/власть». Для Элиаса характерна исключительная поглощенность феноменом власти при «явном отсутствии интереса к культурным рамкам – конфигурациям смысла, которые входят в создание социальных структур». Эйзенштадт, напротив, центральное место отвел культуре, и, хотя властные констелляции не остаются без внимания, общий вопрос о власти как конститутивном компоненте цивилизационных формаций им не ставится [Arnason, 2015: 150–151]. Арнасон придерживается более сбалансированного взгляда на явления культуры и власти, фокусируясь на их взаимопереплетении как фундаментальной характеристике социально-исторического мира [Арнасон, 2017: 55].

Разработанное Элиасом конститутивистское понятие фигурации было призвано снять противоположность категорий индивида и общества в реляционной концепции власти. Власть в этой концепции понимается, с одной стороны, как общая трансформирующая способность человеческого действия, а с другой – как сеть асимметричных отношений между акторами. В фигурационной социологии Элиаса реляционная онтология неразрывно связана с процессным подходом к социальной реальности. Понятие фигурации акцентирует во взаимопереплетениях акторов не столько соотношение их сил на данный момент, сколько градиент власти – динамическую характеристику, показывающую направление смещения властного баланса в ту или иную сторону: «фигурация – это баланс власти в процессе изменения» [Арнасон, 2017: 54].

Согласно Дж. Олику, интегральная «процессо-реляционная» методология фигурационной социологии Элиаса служит наиболее последовательным воплощением обоюдоконститутивистской метатеоретической позиции [Олик, 2012: 45], поскольку рассматривает «структурное и агентностное измерения как исторически, а не философски возникающие» [Olick, 2010: 107]. Однако в действительности редуцирующая «к власти» стратегия фигурационной социологии ставит новые ограничения на пути достижения последовательной конститутивистской позиции. Ключевое реляционное понятие власти Элиаса обостряет вследствие своего всеохватывающего и антифункционалистского характера проблему роли культуры в конституировании социальных формаций. По мере того как категория власти расширяется для объяснения всей сложности, вкладываемой Элиасом в понятие фигурации (включающего в себя наряду с отношениями между людьми также отношения между людьми и природными объектами), «ее открытость к культурным определениям становится все более очевидной» [Арнасон, 2021: 107]. Но в творчестве Элиаса развитие проекта фигурационной социологии приняло исключительно одностороннее направление и достигло кульминации в модели трех основных видов контроля, согласно которой уровень развития данного общества зависит от его способности контролировать динамику внешней природы, социальной жизни и индивидуального поведения [Elias, 1978: 156–157]. Очевидно, применение этого общего критерия к трем различным, но взаимосвязанным областям означает нивелирование всех культурных различий и, по сути, возвращает Элиаса на позицию, близкую к функционализму, от которого он стремился уйти.

Арнасон выявляет культурные предпосылки нейтрализующей культуру обобщенной теории власти Элиаса в гипертрофированной приверженности идее человеческого овладения миром при забвении идеи человеческой автономии – двух неразрывно взаимосвязанных, но амбивалентных культурных ориентаций, вкупе образующих «двойное воображаемое значение» (К. Касториadis) модерности как «новой особой цивилизации» (Ш. Эйзенштадт). Тем самым пример теории власти Элиаса подтверждает фундаментальный тезис о наличии в любых когнитивных моделях несводимого культурного (интерпретативного) компонента [Arnason, 1987: 448–449, 454]. Согласно Арнасону, претендующий на статус самостоятельной парадигмы цивилизационный анализ нуждается в адекватном понятии

культуры, которое бы уравнивало всеобъемлющую реляционную концепцию власти – основание фигурационной социологии.

В теории Элиаса сети власти основаны на контроле и зависимости от комбинаций ресурсов – экономических, военных, организационных и когнитивных. Противоположным «ресурсной» трактовке власти (которой придерживались также Э. Гидденс, П. Бурдьё, М. Манн и др.) является «интерпретативный» подход, который сосредоточивается на культурных определениях и воображаемом измерении власти [Arnason, 1989: 46]. Ш. Эйзенштадт стремился не устранить, а релятивизировать оппозицию агентности и социальной структуры, вводя в нее с этой целью в качестве самостоятельной третьей стороны культуру. По его словам, теоретические интенции современного цивилизационного поворота в социологии лучше всего могут быть поняты как стремление к обоснованию относительной автономии культуры в противовес любым версиям односторонних, материалистического или идеалистического толка, способов объяснения социальных феноменов [Eisenstadt, 1987: 605–606].

Эйзенштадт, отправляясь от тезиса Т. Парсонса об аналитической автономии культуры, ввел понятие «цивилизационное измерение человеческих обществ», определяемое через выделение двух взаимосвязанных аспектов: с одной стороны, «онтологических или космологических видений», иначе говоря, культурной интерпретации мира; а с другой – определения, разграничения и регулирования «арен», или институциональных сфер, социальной жизни [Eisenstadt, 2000: 2; Арнасон, 2012: 20]. При этом в соотношении интерпретативного и институционального аспектов цивилизационного измерения Эйзенштадт акцентировал моменты автономии и неопределенности. Особые культурные ориентации цивилизационных формаций не программируют институциональное устройство обществ; не детерминируют его и универсальные тренды социоструктурных изменений.

Третий цивилизационный теоретик – Арнасон ключевую проблематику цивилизационного анализа сфокусировал на отношении между культурой и властью, которые определяются им как «аналитически отдельные, но структурно взаимосвязанные компоненты социальной жизни» [Arnason, 2003: 5]. В социологической парадигме цивилизационного анализа метатеоретическая дилемма «автономизм vs конститутивизм» в решении категориальной дихотомии «культура/власть» конкретизируется как вопрос соотношения «цивилизационных паттернов» и «социальных фигураций» – ключевых понятий двух ее направлений. Наиболее важным связующим звеном между социальными фигурациями, представляющими собой сети отношений контроля и зависимости между акторами, и цивилизационными паттернами, понимаемыми как сочетание интерпретативных моделей и институциональных структур, выступают культурные интерпретации власти [Arnason, 1987: 447].

«Измерения» и «сферы» социальной жизни в цивилизационном анализе: анти-функционалистская альтернатива. Метатеоретическую дилемму конститутивизма и автономизма Арнасон переводит в онтологическую проблему соотношения «измерений» и «сфер» социальной реальности. Базовая социальная онтология, которой придерживается цивилизационный анализ, различает в социальной жизни три аналитических измерения: структурное, институциональное, интерпретативное; и три основные сферы: экономику, политику, культуру, выступающие соответственно доменами категорий богатства, власти и смысла [Arnason, 2003: 195–216]. Среди социологов есть разные теоретические позиции по вопросу соотношения между собой названных «измерений» и «сфер». В традиционных подходах социологии культуры, воспроизводящих эпистемологический стиль социологии как научной дисциплины, культуре отведена роль зависимой переменной, определяемой более «реальными» факторами. Цивилизационный же анализ представляет собой одну из версий «культурсоциологии» (в программном значении, приданном этому термину Дж. Александером), в которой культура выступает относительно автономным аналитическим измерением и независимой переменной, вносящей в формирование социальных практик и институтов «столь же важный вклад, как и более материальные и инструментальные силы» [Александер, Смит, 2013: 59].

Принимая предложенное Александером различие «сильной» и «слабой» программ социологического анализа культуры, Арнасон стремится не к противопоставлению, а к сопряжению этих двух подходов в рамках цивилизационного анализа. Для него цивилизационная парадигма в первую очередь является расширением и радикальной версией культурсоциологии, которая именно в таком качестве также способствует обогащению и развитию слабой программы, дополняя новыми аспектами, факторами и условиями социальный контекст культурных паттернов [Арнасон, 2021: 85]. При этом Арнасон, в отличие от Дж. Александера, М. Арчер, Дж. Олика, не пытается представить конститутивистскую и автономистскую метатеоретические позиции в отношении культуры как взаимоисключающие. По его словам, цивилизационный анализ как особенно амбициозный вариант сильной программы утверждает конститутивную роль культуры во всех областях и любых проявлениях социальной жизни, добавляя новые измерения к автономии культуры [Arnason, 2010: 67]. В отличие от Александера, Арнасон категорически отказался считать культуру только «измерением», но не «сферой» социальной жизни. Его подход заключается в рассмотрении культуры на двух взаимосвязанных уровнях: и как общего измерения, и как особого домена социальной реальности. В этом двойственном характере заключен, по его словам, «парадокс культуры». Задача теоретического анализа в том, чтобы его развернуть, не устранить [ibid.: 70].

Стратегия цивилизационного анализа как культурсоциологической парадигмы заключена в том, чтобы признавать примат культуры в социальной жизни и в то же время избегать культурного детерминизма. Культурные измерения социальной жизни в одних сферах выражены более непосредственно и отчетливо, чем в других, в некоторых случаях они явно проблематизируются и затемняются [ibid.]. Культурные определения способны придать автономное и даже доминирующее значение социальным аренам, которые не являются непосредственным доменом смысла. Так, с наступлением модерна экономическая и политическая динамика приобретают все более автономный характер. Но констатация данной тенденции не означает умаления влияния цивилизационных контекстов, поскольку культурные определения неизбежно входят в построение сфер экономики и политики [ibid.: 79]. Но «если власть всегда культурно определена, то верно и обратное: культурные паттерны поддерживаются властью» (перевод скорректирован) [Арнасон, 2017: 53]. Возникающие из этой обоюдоконститутивной взаимосвязи культуры и власти структуры и события не сводимы к отношениям односторонней детерминации – будь то программирующая логика культуры или каузальная сила власти. «Креативность культуры» и «продуктивность власти» противостоят редукционистскому детерминизму, тяготеющему к одному из полюсов культурно-властной дихотомии.

Эта общая обоюдоконститутивистская модель отношений между культурой и властью применима равно как к идеациональным, так и к социополитическим образованиям. При этом подчеркивается историческая обусловленность и вариативность взаимопереплетений культуры и власти. Так, обращение к истории революций позволяет провести разграничение между ситуациями, в которых превалирует острая борьба за власть, и ситуациями, в которых берут верх концентрированные выражения идейных воззрений. Для иллюстрации этого тезиса Арнасон приводит два эпизода из российской истории. Примером ситуаций первого типа служит Гражданская война, а ситуаций второго типа – сталинская «революция сверху», начатая в конце 1920-х гг. [там же: 55]. Таким образом, возможно говорить о различном удельном весе, коэффициенте проявленности культуры или власти в разных исторических и социальных обстоятельствах.

Реализуемый Арнасоном взаимоконститутивистский подход к проблеме отношения культуры с властью принципиально отличен от аналитико-автономистского решения Александера, который настаивает на строгом аналитическом отделении и независимом изучении культуры от социальной структуры и действия. Эйзенштадт в отличие от Александера использовал концепцию аналитической автономии культуры, чтобы релятивизировать отношение между двумя сторонами «цивилизационного измерения». И хотя он

уделял особое внимание роли культуры, в то же время неизменно подчеркивал ее соединение с институциональным аспектом и структурным контекстом социальной жизни. Арнасон целенаправленно усилил «реляционный» момент в соотношении культуры и власти, акцентируя их взаимопереплетение друг с другом. Но предварительно он восстановил баланс между двумя сторонами, исправив перекосы цивилизационных подходов Элиаса и Эйзенштадта в сторону власти или культуры соответственно.

Арнасон предлагает общую концептуальную модель соотношения трех обычно выделяемых сфер социальной жизни – экономики, политики и культуры. Согласно его общей методологической установке, построение концептуальной модели «должно начинаться с элементарных различий и двигаться к более сложным формам» [Arnason, 2020: 15]. Он подчеркивает несводимость друг к другу доменов категорий богатства, власти и смысла на уровне элементарных различий и в то же время их сродство при конституировании более сложных форм экономической, политической и культурной сфер социальной жизни. Таким образом, эта модель сочетает метатеоретические позиции аналитической автономии и взаимного конституирования.

Каждая из трех основных категорий – богатства, власти и смысла – соотносится с определенной сферой социальной жизни как своим доменом, но ни одна категория, с одной стороны, не исчерпывает полностью соответствующую сферу, с другой – не ограничивается исключительно ею. В каждой конкретной сфере социальной жизни на элементарном уровне обнаруживается неустранимость определяющей для данной сферы категории, а на самых высоких уровнях – ее неизбежные взаимосвязи с другими категориями. На элементарном уровне категории власти, смысла и богатства могут быть представлены как несводимые друг к другу модусы человеческой агентности: преобразовательность, креативность и продуктивность соответственно. На более высоких уровнях более сложные формы в экономической, политической и культурной сферах социальной жизни (например, деньги, государство или идеология соответственно) образуются сочетаниями всех трех категорий (рис. 2).

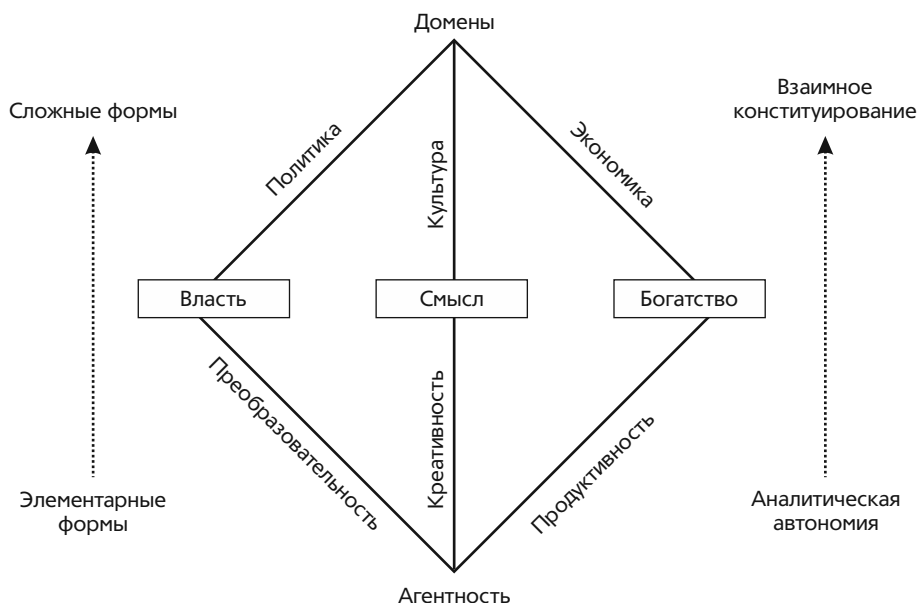

Рис. 2. Модель соконституирования сфер социальной жизни (на основе работ Й. Арнасона)

Таблица

Определения сфер социальной жизни в соотношении с измерениями социальной реальности

Универсальные измерения социальной жизни	Особые сферы (доменные категории) социальной жизни		
	культура (смысл)	политика (власть)	экономика (богатство)
Интерпретативное	Особые рамки опыта, интерпретации и воображения		
Институциональное	Альтернативные домены институционального строительства		
Социоструктурное	Относительно обособленные арены социальных отношений		

Вовлекаясь в пересекающие границы отдельных доменов взаимосвязи, категории богатства, власти и смысла «становятся ресурсами друг для друга и могут принимать особые формы в других сферах, помимо их основных» [там же]. Доменное для определенной сферы значение соответствующей категории, хотя и не устранимо на фундаментальном уровне, может затемняться на более высоких уровнях особыми формами, которые принимают в данной сфере другие категории, выходя за пределы своих доменов. Так, например, в безгосударственных обществах политический характер режима власти заслоняется, но не устраняется его религиозным самоопределением и приписыванием политической власти религии. В отношении ключевой для цивилизационного подхода категории смысла методологическим правилом является необходимость проведения различия «между артикуляциями, конституирующими собственно культурную сферу (область религиозных, философских и эстетических способов интерпретации), и более скрытыми культурными ориентациями, которые соконституируют формы богатства и власти» [там же: 17].

В ракурсе общих аналитических измерений отдельные субстанциальные сферы социальной реальности предстают: а) как особые способы присвоения, переживания и осмысления мира – в интерпретативном измерении; б) как взаимосвязанные, но в некоторой степени альтернативные домены институционального строительства, фокусирующиеся на категориях смысла, власти или богатства, – в институциональном измерении; в) как социальные фигурации (относительно обособленные сети отношений взаимозависимости социальных акторов) – в социоструктурном измерении (см. таблицу).

Цивилизационные формации различаются способами артикуляции и организации отношений между экономической, политической и культурной сферами социальной жизни, а также масштабом и направлением автономного развития, допускаемого для каждой из них. При этом возникающие в каждой сфере социальной жизни взаимопереплетения категорий богатства, власти и смысла, а также всеохватывающие конфигурации паттернов экономической, политической и культурной сфер на разных уровнях социальной реальности – от социального (национального) до глобального – являются производными от контингентных «исторических тенденций и контекстов, а не системной или эволюционной логики» [там же]. Построенная Арнасоном на основе цивилизационного подхода модель соконституирования сфер социальной жизни представляет собой концептуально наиболее разработанную альтернативу функционалистским и системным теориям общественной дифференциации в современной социологии.

Заключение. Цивилизационный анализ предлагает гораздо более радикальную трансформацию дисциплинарной социологической проблематики, чем это изначально допускают противоположные друг другу метатеоретические стратегии автономизма (Дж. Александер, М. Арчер) и конститутивизма (П. Бурдьё, Э. Гидденс). Каждая из них для решения агентностно-структурной проблемы вводит соответственно категории культуры или власти по отдельности друг от друга. Цивилизационный анализ сводит эти две линии метатеоретической реконцептуализации, фокусируясь на отношении между культурой и властью, что помещает его в центр современных социологических дебатов. Разработанный Арнасоном конститутивистский подход к проблеме отношения культуры и власти создает основу консолидации в рамках формирующейся парадигмы цивилизационного

анализа интерпретативно-институционального подхода теории цивилизационных паттернов и процессо-реляционного подхода фигурационной социологии. При этом ядро цивилизационного анализа как самостоятельной исследовательской программы составляет плюралистический подход, ориентированный на идентификацию в социоисторической реальности цивилизационных паттернов, воплощающих особые культурные перспективы.

Однако связь цивилизационной дихотомии «культура/власть» с понятийной дистинкцией «агентность/социальная структура» не столь очевидна, чтобы по умолчанию восприниматься конститутивной для социологического дискурса. Может создаваться впечатление подмены одной эпистемологической проблематики другой, что несет угрозу когнитивной идентичности социологии как научной дисциплины. Отторжение цивилизационного подхода возникает на уровне категориальных схем мышления и ценностных приверженностей. В академической среде сторонники использования понятия цивилизации во множественном числе подозреваются в политической ангажированности, склонности к консерватизму, граничащем с ксенофобией. С точки зрения строго научных критериев, отчужденное отношение чаще всего выражается в суждениях о нерелевантности цивилизационной тематики предметному полю социологии как научной дисциплины.

В этой реакции на понятие и термин «цивилизация» проявляется социологический габитус, длительная история становления социологии как интеллектуальной традиции и научной дисциплины, «инкорпорированная» (П. Бурдьё) ее современными представителями. До сих пор существующая проблема признания научного статуса понятия цивилизации во многом является следствием сопровождавших подъем социальных наук и все еще сохраняющихся концептуальных разрывов «социального» с «политическим» и «культурным». В современном цивилизационном анализе понятия культуры и власти трактуются предельно широко, при этом сохраняются сильные коннотации первого с религией, второго – с государством, причем в форме империи. Религиозно-политическая взаимосвязь сохраняет ключевое значение для определения феномена цивилизаций [Arnason, 2014: 17], что выводит его за рамки ортодоксального социологического анализа, сосредоточенного на современных и модернизирующихся обществах. Социологический дисциплинарный дискурс строился на основе разрыва религиозно-политической взаимосвязи с последующим вытеснением религии и политики на институциональную периферию современных обществ. Социология сформировалась с идеей ограничения политического волюнтаризма социальной закономерностью и представлением о всеобъемлющем процессе рационализации, одним из аспектов которого является секуляризации публичной сферы. Сфера политического внутри обществ подвергалась все большей юридикации и менеджериализации. В конце XX в. эти устоявшиеся представления социологии о модерне были поставлены под сомнение. Вопрос взаимодействия религии и политики, культуры и власти стал предметом дискуссий, в которых понятие цивилизации заняло видное место.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр Дж., Смит Ф. Сильная программа в культурсоциологии: Элементы структурной герменевтики // Александр Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Праксис, 2013. С. 56–94.
- Арнасон Й. Понимание цивилизационной динамики: вводные замечания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 6. С. 18–29.
- Арнасон Й. Революции, трансформации, цивилизации: пролегомены к переориентации парадигмы // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2017. № 5. С. 37–69.
- Арнасон Й. Культурный поворот и цивилизационный подход // Цивилизационные паттерны и исторические процессы. М.: НЛО, 2021. С. 84–109.
- Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. 2-е изд. М.: Академ. проект, 2005.
- Йоас Х., Кнебель В. Социальная теория. Двадцать вводных лекций. СПб.: Алетейя, 2011.
- Конрад С. Что такое глобальная история? М.: НЛО, 2018.
- Масловский М.В. Цивилизационный анализ Й. Арнасона: советская модель модерна // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2012. № 3. С. 346–360.

- Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005.
- Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40–74.
- Титаренко Л.Г. Восточноазиатский модерн в цивилизационной концепции Йохана Арнасона // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 2. С. 80–95.
- Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. Т. I. М.: НЛО, 2011.
- Шубрт И. Индивидуализм versus холизм: о попытке преодоления теоретического дуализма // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2013. № 1. С. 34–64.
- Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.
- Arnason J.P. Figurational Sociology as a Counter-Paradigm // *Theory, Culture & Society*. 1987. Vol. 4. No. 2–3. P. 429–456.
- Arnason J.P. Civilization, Culture and Power: Reflections on Norbert Elias' Genealogy of the West // *Thesis Eleven*. 1989. Vol. 24. No. 1. P. 44–70.
- Arnason J.P. Civilizational Patterns and Civilizing Processes // *International Sociology*. 2001. Vol. 16. No. 3. P. 387–405.
- Arnason J.P. *Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden; Boston: Brill, 2003.
- Arnason J.P. The Cultural Turn and the Civilizational Approach // *European Journal of Social Theory*. 2010. Vol. 13. No. 1. P. 67–82.
- Arnason J.P. The Religio-political Nexus: Historical and Comparative Reflections // Arnason J.P., Karolewski I.P. (eds) *Religion and Politics: European and Global Perspectives*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. P. 8–36.
- Arnason J.P. Elias and Eisenstadt: The Multiple Meanings of Civilisation // *Social Imaginaries*. 2015. Vol. 1. No. 2. P. 146–176.
- Arnason J.P. *The Labyrinth of Modernity: Horizons, Pathways and Mutations*. L.: Rowman and Littlefield, 2020.
- Eisenstadt S.N. Macrosociology and Sociological Theory: Some New Directions // *Contemporary Sociology*. 1987. Vol. 16. No. 5. P. 602–609.
- Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension in Sociological Analysis // *Thesis Eleven*. 2000. No. 1. Vol. 62. P. 1–21.
- Elias N. *What is Sociology?* N. Y.: Columbia University Press, 1978.
- Olick J.K. What is "The Relative Autonomy of Culture"? // Hall J.R., Grindstaff L., Lo M.-Ch. (eds) *Handbook of Cultural Sociology*. L.; N. Y.: Routledge, 2010. P. 97–108.
- Smith J. *Debating Civilizations: Interrogating Civilizational Analysis in a Global Age*. Manchester: Manchester University Press, 2017.

Статья поступила: 25.09.23. Финальная версия: 05.02.24. Принята к публикации: 31.03.24.

CIVILIZATIONAL TURN AND METATHEORETICAL RECONFIGURATION IN CONTEMPORARY SOCIOLOGY

BRASLAVSKIY R.G.

Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

Ruslan G. BRASLAVSKIY, Cand. Sci. (Sociol.), Deputy Director for Science, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia (r.braslavsky@socinst.ru).

Acknowledgements. The research was funded by the grant of RSF, project No. 23-18-01067.

Abstract. The article offers a reconstruction of contemporary sociological theory, which gives a central position to civilizational analysis. In the late 20th century, attempts to solve the agency-structure problem led to the formation of a new metatheoretical dilemma of "mutual constitution vs. analytical autonomy", which overshadowed the traditional dilemma of individualism and holism. The constitutivist solution removed the agency/social structure dichotomy in the relational conception of power, while the autonomist solution mediated it by relying on the analytic conception of culture. The civilizational turn brings together these two lines of metatheoretical reconceptualization of sociological problematic, focusing on the relation of culture and power to each other. The model of the relationships between "dimensions" and "spheres" of social life developed within the sociological version of the civilizational approach combines the metatheoretical positions of analytical autonomy and mutual constitution.

Keywords: civilizational analysis, contemporary sociology, analytical autonomy, mutual constitution, culture, power.

REFERENCES

- Alexander J.C., Smith Ph. (2013) The Strong Program in Cultural Sociology: Elements of a Structural Hermeneutics. In: Alexander J.C. *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Moscow: Praxis: 56–94. (In Russ.)
- Arnason J.P. (1987) Figurational Sociology as a Counter-Paradigm. *Theory, Culture & Society*. Vol. 4. No. 2–3: 429–456.
- Arnason J.P. (1989) Civilization, Culture and Power: Reflections on Norbert Elias' Genealogy of the West. *Thesis Eleven*. Vol. 24. No. 1: 44–70.
- Arnason J.P. (2001) Civilizational Patterns and Civilizing Processes. *International Sociology*. Vol. 16. No. 3: 387–405.
- Arnason J.P. (2003) *Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden; Boston: Brill.
- Arnason J.P. (2010) The Cultural Turn and the Civilizational Approach. *European Journal of Social Theory*. Vol. 13. No. 1: 67–82.
- Arnason J.P. (2012) Making Sense of Civilizational Dynamics: Introductory Remarks. *Zhurnal sociologii i socialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 15. No. 6: 18–29. (In Russ.)
- Arnason J.P. (2014) The Religio-political Nexus: Historical and Comparative Reflections. In: Arnason J.P., Karolewski I.P. (eds) *Religion and Politics: European and Global Perspectives*. Edinburgh: Edinburgh University Press: 8–36.
- Arnason J.P. (2015) Elias and Eisenstadt: The Multiple Meanings of Civilisation. *Social Imaginaries*. Vol. 1. No. 2: 146–176.
- Arnason J.P. (2017) Revolutions, Transformations, Civilizations: Prolegomena to a Paradigm Reorientation. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i culture* [Untouchable reserve. Debates on politics and culture]. No. 5: 37–69. (In Russ.)
- Arnason J.P. (2020) *The Labyrinth of Modernity: Horizons, Pathways and Mutations*. London: Rowman and Littlefield.
- Arnason J.P. (2021) The Cultural Turn and the Civilizational Approach. In: Arnason J.P. *Civilizational Patterns and Historical Processes*. Moscow: NLO: 84–109. (In Russ.)
- Conrad S. (2018) *What is Global History?* Moscow: NLO. (In Russ.)
- Eisenstadt S. N. (1987) Macrosociology and Sociological Theory: Some New Directions. *Contemporary Sociology*. Vol. 16. No. 5: 602–609
- Eisenstadt S.N. (2000) The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. *Thesis Eleven*. Vol. 62. No. 1: 1–21.
- Elias N. (1978) *What is Sociology?* New York: Columbia University Press.

- Elias N. (2001) *Society of Individuals*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Giddens A. (2005) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Moscow: Akadem. proekt. (In Russ.)
- Joas H., Knöbl W. (2011) *Social Theory. Twenty Introductory Lectures*. St Petersburg: Aleteija. (In Russ.)
- Maslovski M.V. (2012) Johann Arnason's Civilizational Analysis: The Soviet Model of Modernity. *METOD: Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshhestvovedcheskih discipline* [METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Disciplines]. No. 3: 346–360. (In Russ.)
- Nietzsche F. (2005) *The Will to Power. An Attempted Transvaluation of All Values*. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya. (In Russ.)
- Olick J.K. (2010) What is "The Relative Autonomy of Culture"? In: Hall J.R., Grindstaff L., Lo M.-Ch. (eds) *Handbook of Cultural Sociology*. London; New York: Routledge: 97–108.
- Olick J.K. (2012) Figurations of Memory: A Process-Relational Methodology Illustrated on the German Case. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 11. No. 1: 40–74. (In Russ.)
- Shnirelman V.A. (2011) *"The Threshold of Tolerance": The Ideology and Practice of the New Racism*. Vol. I. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Smith J. (2017) *Debating Civilizations: Interrogating Civilizational Analysis in a Global Age*. Manchester: Manchester University Press.
- Šubrt J. (2013) Individualism versus Holism: An Attempt to Overcome Theoretical Dualism. *Vestnik RUDN. Ser. Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology]. 2013. No. 1: 34–64. (In Russ.)
- Titarenko L. (2022) Eastern Asian Modern in the Civilizational Concept of Johann Arnason. *Zhurnal sociologii i social'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 25. No. 2: 80–95. (In Russ.)

Received: 25.09.23. Final version: 05.02.24. Accepted: 31.03.23.

Новые идеи и явления в социологии и социальной практике

© 2024 г.

В.В. ГАЛИНДАБАЕВА, Н.И. КАРБАИНОВ

«ЭКОНОМИКА УСЫНОВЛЕНИЯ»: НИЗОВЫЕ БЮРОКРАТЫ VS СЕЛЬСКОЕ СООБЩЕСТВО

ГАЛИНДАБАЕВА Вера Валериевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник (v.galindabaeva@socinst.ru); КАРБАИНОВ Николай Иванович – научный сотрудник (n.karbainov@socinst.ru). Оба – Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. На примере «экономики усыновления» рассматриваются социальные факторы, определяющие принятие административных решений по делам сельских жителей. Речь идет о малых селах, жители которых в 2000-х гг. массово брали под опеку детей из детских домов, чтобы увеличить количество учеников в сельской школе и предотвратить ее закрытие. Авторами исследованы кейсы из пяти разных регионов России, когда на момент проведения полевого исследования малочисленные школы оказались закрыты в трех населенных пунктах, но в других пяти их удалось «отстоять» при помощи «экономики усыновления». Авторы опирались на концепцию «низовых бюрократов» М. Липски и на теорию социального капитала А. Портеса. Результаты исследования показали, что социальный капитал сельских «низовых бюрократов» (ими в определенной степени выступают учителя сельских школ), обусловленный их (не)включенностью в тесное взаимодействие с местными жителями, становится важным фактором (не)принятия решения о сохранении школы.

Ключевые слова: экономика усыновления • низовые бюрократы • сельское сообщество

DOI: 10.31857/S0132162524040054

«Низовые бюрократы» как самостоятельные акторы государственной политики. Исследования бюрократии в России сегодня в основном демонстрируют несоответствие идеального типа строго рационального бюрократа, описанного в трудах М. Вебера и его последователей, популярным – и обычно негативным – стереотипам о работе чиновника в современной России (см., например, [Порозин, 2005; Gimpelson, 2009; Анурин, 2010; Горшков, 2015]). При этом внимание чаще всего сосредоточено на чиновниках высокого (федерального и регионального) уровня. Остается без внимания то направление исследования бюрократии, заложенное трудами М. Липски, которое сосредоточено на изучении так называемых низовых бюрократов (street-level bureaucracy). Между тем американский политолог как раз подчеркивал, что реальность деятельности низовых бюрократов далека от бюрократического идеала безличной отстраненности в принятии формальных решений. К типичным бюрократам низового уровня он относил учителей, полицейских, социальных работников, судей, государственных адвокатов и других судебных работников

[Lipsky, 2010: 3]. Этот подход, во-первых, позволяет отойти от нормативной позиции сравнения идеального типа с реальной моделью бюрократии и, во-вторых, признать, что государственные учреждения не являются слепым инструментом реализации решений элит, и сосредоточить внимание на микропроцессах осуществления государственной политики на местах, объясняя вариацию в реализации политики в разных социальных контекстах.

Липски убедительно показывает, что осуществление политических реформ и программ зависит от тех государственных служащих, которые непосредственно взаимодействуют с гражданами в ходе своей работы и обладают значительной свободой действия (дискрецией) при ее выполнении. В данном случае дискреция не приравнивается ко вседозволенности или к искажениям закона, а рассматривается как право на принятие решения на основе собственных суждений [Lipsky, 2010: 16]. Таким образом, решения низового бюрократа ограничены правилами организации и законами, но их вариация существенно связана с непосредственным взаимодействием с гражданами и сообществами, в отношении которых эти решения выносятся. Возможны ситуации, когда низовые бюрократы даже саботируют решения политиков и бюрократов высшего звена, так как не разделяют взгляды и предпочтения своего начальства [Lipsky, 2010: 17–18].

Авторы предлагают рассмотреть дискрецию российских низовых бюрократов в рамках осмысления результатов проекта «Экономика усыновления как стратегия выживания малых сел» 2018–2021 гг. (Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»). Фокус проекта был направлен на исследование малых сел, жители которых в 2000-х гг. массово брали из детских домов детей-сирот под опеку¹, чтобы увеличить количество учеников в местной сельской школе и предотвратить таким образом ее закрытие². Эта стратегия рассматривается как один из аспектов бытования «экономики усыновления» (подробнее см. [Галиндабаева, Карбаинов, 2022]), под которой понимается совокупность социально-экономических отношений, складывающихся вокруг практик усыновления, опеки, попечительства и приемной семьи. Понятие «усыновление» здесь используется в широком смысле – как обозначение социальной практики опеки ребенка.

Из восьми малых сел, в которых проводилось исследование, в трех школы были закрыты, а в пяти их удалось «спасти». Встает вопрос, почему в селах с похожей социально-экономической структурой «экономика усыновления» приводила к разным результатам. Формально во всех восьми кейсах количество учеников в школах увеличивалось, но дискреционные решения по поводу школ даже в одних и тех же районах районные чиновники (представители отделов образований районных администраций) принимали разные.

Теоретические основы и эмпирическая база изучения сельских «низовых бюрократов». Для объяснения используется, во-первых, подход, предложенный М. Липски с небольшими дополнениями. В этой перспективе будут рассмотрены внутренние факторы: во-первых, организационная логика принятия решений о сельских малокомплектных школах в контексте образовательной и муниципальной реформ, во-вторых, взаимодействие бюрократов разных уровней – самого низового уровня (сельских учителей и директоров школ) и среднего уровня (представителей районных отделов образования) в контексте принятия решения о (не)закрытии сельской школы. Интерпретация учителей сельских школ как низовых бюрократов может вызвать сомнения, поскольку стало шаблоном

¹ Например, в Республике Бурятия известно о 20 таких малых селах. Подобной практикой сохранения школ воспользовались также жители сел Брянской, Владимирской, Иркутской, Ленинградской, Новгородской, Смоленской, Саратовской, областей, республик Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия) и др. В результате в России есть сельские школы, где приемные дети составляют до 90% учеников. Именно таким случаям был посвящен проект.

² В СМИ воспроизводится дискурс о меркантильных приемных родителях, которые берут детей якобы только из-за денег, в то время как полноценное воспитание детей не может быть основано на мотиве извлечения прибыли. Наше же исследование показывает, что материальные мотивы к созданию приемных семей не противоречат установлению близких эмоциональных отношений между приемными родителями и детьми (подробнее см. [Галиндабаева, Карбаинов, 2022]).

противопоставлять «замученных бюрократической нагрузкой» учителей вышестоящим чиновникам-бюрократам. Однако с социологической точки зрения учителей правомерно, хотя и с долей условности, рассматривать именно как низовых бюрократов, поскольку они законодательно обладают некоторыми властными полномочиями не только над учениками, но и над их родителями³. Отметим, что бюрократы среднего уровня (чиновники районных управлений образованием) также часто напрямую взаимодействуют с теми, кому непосредственно оказываются образовательные услуги.

Во-вторых, чтобы проанализировать внешние факторы принятия решений – взаимодействия бюрократов разных уровней с сельским сообществом, которые оказывают значительное влияние на районные администрации, – будет использоваться теория социального капитала. Как справедливо указывает А.Л. Захарова, сельские бюрократы-госслужащие работают обычно с жителями небольшого поселения, с которыми знакомы и в нерабочих контекстах [Захарова, 2023: 107]. Сельские бюрократы низового уровня, в отличие от городских коллег, часто связаны родственными, дружескими, соседскими отношениями с теми, кому они оказывают те или иные государственные услуги. Вслед за А. Портесом под социальным капиталом понимается способность сохранять и получать (не)материальные блага через социальные сети или другие социальные структуры. В отличие от других авторов А. Портес⁴ уделяет большое внимание мотивации акторов, которые являются донорами ресурсов для социальной сети. Он выделяет два основных альтруистических источника социального капитала: (1) моральные обязательства или общие ценности; (2) солидарность с членами одной территориальной, этнической или религиозной общности. Портес описывает солидарность как партикулярную лояльность к соответствующей группе [Portes, 2000: 532–533]. Инструментальные источники социального капитала также бывают двух видов: (1) взаимные транзакции лицом к лицу, которые основаны на ожидании возврата дара со стороны получающего помощь (простая реципрокность); (2) транзакции, встроенные в более крупные социальные структуры, которые выступают в качестве гарантов возврата либо со стороны получающего помощь, либо со стороны сообщества в целом (принудительное доверие) [Portes, 2000: 533–534].

Итак, предполагается, что сельские бюрократы – прежде всего школьные учителя и сотрудники райуправлений – обладают особым социальным капиталом, обусловленным социальной структурой сельского сообщества.

Для понимания, насколько важен для современных сельчан вопрос (не)сохранения школы, нужно подчеркнуть, что школа в малом селе является важным экономическим ресурсом для всего местного сообщества. Сельская школа предоставляет стабильные рабочие места в условиях постоянно сжимающегося рынка труда – 10–15 рабочих мест (включая технический персонал) при среднем количестве трудоспособного населения в селе около 100 человек. Школа обычно тесно связана с сельским домом культуры, поэтому закрытие школы приводит и к «оптимизации» ДК, в котором обычно работают еще 2–3 сотрудника. Можно сказать, что школа дает рабочие места для представителей примерно каждой четвертой семьи в селе. Кроме того, если в селе нет своей школы, то это село будет сильнее страдать от оттока молодежи, которая с детства привыкает «мигрировать».

Сохранение/сокращение школы в условиях недостатка учеников зависит от решения районной администрации и (не)согласия с ним сельского сообщества. В соответствии с ч. 12. ст. 22 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»

³ Например, российский учитель за подписью директора дает характеристику обучающемуся для разных целей, в том числе и для комиссии по делам несовершеннолетних; учитель должен сообщить о серьезных семейных проблемах обучающегося в органы опеки; учитель составляет акты посещения жилых помещений, в которых проживают обучающиеся; и т.д.

⁴ Теория социального капитала А. Портеса представляет собой синтез подходов П. Бурдьё, Дж. Коулмана и Р. Патнема. Портес пытается преодолеть недостатки теорий указанных авторов, предлагая схему анализа транзакций между акторами, которая объясняет не только положительное, но и отрицательное влияние социального капитала на развитие сообщества.

от 29.12.2012 N273-ФЗ принятие решения о реорганизации или ликвидации муниципальной общеобразовательной организации, расположенной в сельском поселении, не допускается без учета мнения жителей данного сельского поселения. На сельском сходе жители села должны (не)согласиться с закрытием школы, а родители написать согласие на перевод детей в соседнюю школу, например, или отказаться от перевода детей на подвоз. До 2012 г. решения об «оптимизации» школ могли приниматься и без такого жестко формализованного учета (не)согласия жителей села.

Таким образом, можно выделить две переменные в решении вопроса закрытия малокомплектной сельской школы – дискреция администрации района и социальный капитал сельского сообщества. Дискреция проявляется, в первую очередь, в том, как администрация определяет, какие малокомплектные школы необходимо «оптимизировать». Чиновники достаточно вольно интерпретируют, например, пороговое значение числа учеников при котором ставится вопрос о закрытии школы. В одном регионе вопрос о закрытии ставится, только когда число учеников снижается до 25, а в другом школу закрывают и при наличии более чем 60 учеников⁵. Сельское сообщество с низкой солидарностью может согласиться с закрытием «своей» школы, а с высокой солидарностью откажется от этого.

С точки зрения подхода А. Портеса, районные администрации могут рассматриваться как доноры, которых территориальное сообщество принуждает делиться экономическим ресурсом – продолжать финансировать малокомплектную школу несмотря на явную экономическую нецелесообразность этого. При этом низовые бюрократы (учителя и работники ДК), обладающие высоким социальным капиталом, могут саботировать позицию районной администрации. В условиях же низкого социального капитала решение администрации не встречает сопротивления со стороны сообщества, школу закрывают. Для понимания наличия/отсутствия социального капитала сельского сообщества можно выделить следующие индикаторы: 1) субъективные оценки информантов о том, является ли их село дружным или недружным; 2) религиозная жизнь, которая воплощается в наличии/отсутствии локального религиозного календаря событий, в которых участвуют все жители, а также в наличии/отсутствии социальных сетей на основе религиозных практик; 3) наличие территориальных общественных самоуправлений (этот индикатор оказался важным для малых сел Бурятии); 4) наличие приемных родителей, которые работали или не работали в школе; 5) практики защиты общих благ; 6) практики защиты школы от закрытия.

Эмпирическая база исследования собрана в рамках проекта «Экономика усыновления как стратегия выживания малых сел», в котором исследование проводилось в пяти регионах (Республика Бурятия, а также Саратовская, Брянская, Смоленская и Владимирская области) России. В ходе исследования восьми сел⁶ было проведено 88 полуструктурированных интервью: 30 с приемными детьми, 37 с приемными родителями, пять с представителями администраций поселений, четыре с директорами школ, 10 с руководителями районных, региональных управлений образования, специалистами районных и региональных органов опеки и попечительства, а также два с директорами детских домов.

Институциональный контекст принятия «бюрократических» решений о сельских школах. Введение в 2000-х гг. нормативно-подушевого финансирования по замыслу реформаторов создавало конкурентную среду для школ, заставляя их повышать качество образования в борьбе за привлечение большего количества учеников. Важным условием

⁵ Школа чаще всего признается малокомплектной, если средняя наполняемость класса ниже 10 человек; соответственно, средняя общеобразовательная (11-классная) школа признается малокомплектной, если в ней обучается менее 110 учеников.

⁶ В трех селах (улусы Барун-Хасурта и Кульский станок в Бурятии, деревня Шатнево Владимирской области) школы были закрыты, в пяти (улусы Элысун и Тохорюкта в Бурятии, село Прокудино Саратовской области, село Сенное Брянской области, деревня Шапы Смоленской области) школы удалось «спасти». При этом число школьников на момент исследования варьировалось от 18 (Прокудино) до 35 (Шапы). В Шатнево на момент реорганизации средней школы (9 классов) до начальной было 63 ученика. В Кульском станке и Барун-Хасурте на момент закрытия было по примерно 20 учащихся.

повышения качества образования рассматривалось повышение доли школьников, обучающихся в общеобразовательных учреждениях, отвечающих современным требованиям к условиям образовательного процесса – таким как уровень благоустройства и оснащения учебным оборудованием и методическими материалами, уровень квалификации руководителей и педагогов [Абанкина, 2009]. Основным методом повышения качества образования в сельской местности стала «оптимизация» сети школ: закрытие мелких школ или перевод их в начальные или основные школы, укрупнение полных школ или создание так называемых базовых школ (либо «ресурсных центров», как в Чувашии), чтобы учащиеся из нескольких начальных/основных школ продолжали образование в 10–11-х классах в такой школе, имеющей профильное обучение [Рощина, Черненко, 2007].

В малых селах реструктуризация часто диктуется экономическими причинами. После муниципальной реформы районы зависимы от субвенций при исполнении делегированных им полномочий по обеспечению образовательного процесса в школах. Нередко в сельской местности школы – основной объект социальной инфраструктуры, и если субвенция на финансовое обеспечение общеобразовательного процесса позволяет выплачивать заработную плату с начислениями, то на технические средства обучения, расходные материалы и хозяйственные нужды (за исключением расходов на содержание зданий и коммунальных расходов, осуществляемых из местных бюджетов) остается не более 1–2% субвенций. Соответственно, и развитие данного объекта полностью ложится на местный бюджет. При более объемном субвенциальном финансировании местный бюджет может ограничить расходование собственных средств на хозяйственные нужды образовательных учреждений [Завьялов, 2008]. Поэтому в большинстве случаев районная администрация заинтересована в сокращении расходов на содержание имущества и благоустройство школ. Малокомплектная сельская школа требует не только трат на содержание имущества, но и значительных вложений в капитальный ремонт помещений и приобретение современного оборудования.

Начальник одного из райуправлений образования в интервью обозначил позицию администрации так: *«Мы сегодня... вкладывая эти деньги, должны увидеть перспективу. Тут для нас очень сложный момент возникает: все равно сколько детей [в школе], [для них] должны быть нормальные условия. Поэтому мы должны рассчитывать прогнозы на будущее... Помещение – это очень сложно»* (интервью № 21, с. Курумкан).

Например, в Бурятии в 2007–2018 гг. было закрыто около 20 школ в малых селах из-за отсутствия теплых туалетов и финансирования на благоустройство этих школ. В то же время сельские учителя заинтересованы в сохранении школы как своего единственного рабочего места: если школу в их селе закроют, они далеко не всегда могут переехать, поскольку «привязаны» к семье. Таким образом, модернизация образования и муниципального управления поставила администрации многих районов России перед выбором: сокращать количество школ, нуждающихся в дополнительных финансовых вливаниях, или искать дополнительное финансирование на улучшение материально-технического состояния школ, в которых через несколько лет не останется учеников.

Районные власти по-разному принимали решения. Далее сначала будут рассмотрены случаи, когда районные власти в целом не настаивали на закрытии, интерпретируя нормы закона в пользу сельских школ, а потом – противоположные случаи, когда администрация оказывала активное давление на школы и сельские поселения с целью закрытия школы, несмотря на увеличение числа учеников благодаря «экономике усыновлений».

Благоприятная политика районных администраций. В изученных case-study есть примеры, подтверждающие, что конфликт между бюрократами разных уровней, как указывал М. Липски, существенно влияет на принятие дискреционных решений.

Так в Аткарском районе Саратовской области районная администрация проводила политику по сохранению сельских школ, отстаивая их перед областной администрацией. Школы не закрывались, даже если учился один ребенок. По словам информантов, глава районной администрации мотивировал свою позицию по сохранению малокомплектных

школ необходимостью решения кадровых проблем в сельском хозяйстве, поскольку отсутствие школы становится мощным фактором исхода трудоспособного населения из села. К тому времени, когда этот глава райадминистрации оставил свой пост, изменилась образовательная политика: действующие к тому моменту малокомплектные школы уже не закрывали.

В селе Прокудино Саратовской области сложилась другая ситуация: сохранение школы в этом селе стало непреднамеренным последствием создания учителями приемных семей. Информанты характеризовали Прокудино как «недружное» село, жители которого ни разу не выступали сплоченно за сохранения каких-либо коллективных благ. В этом селе даже не проводились сельские сходы и собрания для обсуждения вопроса сохранения школы. Мотивы спасения школы от закрытия и сохранения села не были там главными мотивами принятия приемных детей на воспитание: *«Сейчас я понимаю, что это дело спасло школу. Но когда начиналось, ...одна из газет написала... что учителя взяли детей, чтобы спасти школу. И вот мы сидим в школе и говорим: "Как же так?". Да мы вообще не думали о спасении школы. Как-то эта мысль не стояла во главе. А с чего началось? Началось со [имя]. У нее была идея фикс – воспитать приемного ребенка. И она вот эту [имя] взяла. И там [в детском доме] все посмотрела и сказала: "Девчата, надо брать. Там такие хорошие дети! Они не должны быть в таких условиях". И мы взяли. И еще почему мы удивились [газете]: из учителей-то только двое взяли детей, а остальные были обыкновенные деревенские женщины, они к школе никакого отношения не имели»* (интервью № 47, с. Прокудино).

В целом благоприятный административный режим сложился для малых сел в Смоленской области и, в меньшей степени, в Курумканском районе Республики Бурятия. В перечисленных случаях сохранение школы оказалось результатом коллективной стратегии низовых бюрократов и жителей села.

Начальник районного управления образованием (далее – РУО) Демидовского района Смоленской области так описывает причины закрытия школ: *«В последние три года мы ни одной школы не закрыли, [но раньше] порядка пяти школ были закрыты. Еще две школы оказались превращены в филиалы и опять же были закрыты – там практически не было детей...»* (интервью № 79, г. Демидов). Учителя понимали, что их школу вот-вот закроют по объективным причинам, поэтому приняли решение взять детей из детского дома: *«Вот мы брали в 2006 году, у нас было 12 человек на линейке 1 сентября... Мы сами все понимали. У нас перед этим были примеры, когда учителя на 1 сентября пришли, а детей просто нет... Если детей нет в школе, то хочешь, не хочешь, ее закроют»* (интервью № 72, д. Шапы). Затем к учителям присоединились и жители села: *«Первыми поехали учителя. И следом нас семь женщин собралось, и мы поехали следом. Учителя взяли, а мы чем хуже? Мы же тоже как-то все вместе, у нас тут дружная деревня. Мы поехали и привезли из Кардымовского детского дома, по-моему, 10 детей»* (интервью № 75, д. Шапы).

Сельское сообщество Шапов демонстрирует высокий социальный капитал, который позволил учителям как своеобразным «низовым бюрократам» мобилизовать сельчан на создание приемных семей. На момент исследования в школе обучалось 35 детей, из которых 30 были приемными. Другим показателем высокого социального капитала этого села является взаимоподдержка и совместные дела: *«Если что-то надо, большое там что-то, опереться есть на кого, люди поддержат всегда. Сколько акций [имя] проводила. Указ дан что-то сделать – девчонки, собираемся, начинаем делать»* (интервью № 72, д. Шапы). Жители деревни, например, коллективно отстояли сосновый бор от вырубки: *«Бор сосновый отвоевали... В клубе стали все собираться. На губернатора мы вышли. Учителя все, даже баба Нюра, которой 80 лет. И прекратили резать, тормознули, а потом прекратили»* (интервью № 82, д. Шапы). На деньги выходца из Шапов в селе построена деревянная церковь, в которой периодически проводятся службы.

Отчасти похожая ситуация сложилась и в бурятском улусе Элысун Курумканского района. Здесь тоже сначала районная администрация была настроена на закрытие школы, поэтому учителя и жители села взяли приемных детей. Глава райадминистрации прямо заявлял директору о намерении закрыть школу из-за низкой наполняемости классов: *«В то время, когда*

работал начальник района [имя], он, когда у нас был, говорил: «Я вас не буду закрывать, вы сами закроетесь». Ему все равно было. А мы же хотели, чтобы у нас была работа, чтобы село было... И всем миром мы как самые смелые поехали в Баргузин, взяли четверых детей» (интервью № 11, у. Элэсун). Бывший глава этого поселения (на момент интервью – замначальника РУО) так описывает позицию низовых бюрократов в вопросе закрытия школ в регионе в 2007 г.: «Там шла оптимизация. Это сейчас нам вообще не разрешают закрывать: если есть хоть один ребенок, то школа должна быть. А в тот момент, когда мы перешли на другую систему оплаты, когда начали зависеть от количества детей, тогда действительно в районах полностью оптимизировали все школы» (интервью № 20, с. Курумкан). Позже со сменой главы администрации и отдела образования (РУО возглавил выходец из именно этого села) политика районных властей в отношении местной школы стала благоприятной. Райадминистрация стала даже в какой-то степени опекать это село, выделяя немалые средства на ремонт здания школы. В то же время жители этого бурятского села продолжали брать приемных детей и таким способом поддерживать число учеников в школе. В отличие от Шапов в Элэсуне есть свой локальный религиозный календарь, в праздновании которых участвуют все жители. Жители Элэсуна исповедуют в равной степени буддизм и шаманизм; в святых местах ежегодно проводят общие праздники, за подготовку которых отвечают все жители.

Интересной формой совместной деятельности в малых селах и важным индикатором высокого уровня социальной сплоченности являются территориальные общественные самоуправления (ТОС). Особенно это актуально для малых сел Бурятии. ТОСы не входят в структуру органов местного самоуправления, а представляют собой отдельную форму самоорганизации граждан по месту их жительства и регистрируются как некоммерческие организации. В малых селах ТОСы объединяют всех жителей поселения и становятся новой ареной приложения коллективных усилий. Конкретно в Элэсуне действовало на тот момент три ТОСа, которые отвечали за подготовку разных сельских праздников.

Таким образом, в условиях благоприятной политики районной администрации стратегия «экономики усыновления» достигает поставленной цели по сохранению малокомплектной школы. Высокий социальный капитал сообщества позволяет учителям как своеобразным «низовым бюрократам» мобилизовать на создание приемных семей и простых жителей села, которые не связаны профессионально со школой.

Неблагоприятная политика районных администраций. Пять из восьми сел, в которых проводилось полевое исследование, оказались в условиях достаточно жесткого давления, когда районная администрация планомерно стремилась закрывать малокомплектные школы, несмотря на увеличивающееся количество учеников. Однако, несмотря на устремления администраций районов, некоторым малым селам удалось отстоять свои школы.

Рассмотрим сначала солидарные села, которые, несмотря на административное давление, сохранили школы – это улус Тохорюкта Хоринского района Бурятии и село Сенное Севского района Брянской области.

В этих солидарных селах приемные семьи создавали как работники школы, так и жители села, со школой не связанные. Субъективно жители обоих сел оценивали свои села как дружные, они постоянно участвуют в отстаивании коллективных интересов. Например, жители села Сенное Брянской области отстояли местное озеро от сдачи в аренду и победили производителей древесного угля: «Глава СПК (сельскохозяйственного производственного кооператива. – Прим. авт.), который позже стал главой района, сдавал в аренду землю для производителей древесного угля, из-за чего село постоянно накрывал дым. Работникам СПК он говорил, что из этой ренты он платит им зарплату... В итоге, когда усилиями жителей села это производство закрыли, оказалось, что арендная плата составляла 100 рублей в месяц. Глава СПК пытался также сдать в аренду озеро в Сенном... Жители села возмутились и воспрепятствовали аренде» (полевой дневник, Сенное, 2019 г.). Кроме того, жители сел тесно связаны друг с другом участием в коллективных религиозных обрядах. Например, Тохорюкта находится в центре буддистской мельницы (хурдэ), а вокруг расположены четыре святыни. Ежегодно в соответствии с календарем на каждом

месте проводятся молебны и национальные игры, в которых принимают участие все жители поселения. А в Сенном сложилась интересная практика крестных матерей, к которой были приобщены и крещенные приемные дети. Важно отметить, что крестные матери реально вовлечены в общение со своими крестниками из приемных семей.

В Тохорюкте также действуют ТОСы, которые ежегодно выигрывают гранты для мероприятий по обустройству своих территорий. Глава Ойбонтовского поселения, в которое входит Тохорюкта, рассказал о ТОСах так: *«Было организовано два ТОСа. На 70-летие Победы была сделана огромная реконструкция памятника землякам, павшим в Великой Отечественной войне»* (интервью № 34, у. Тохорюкта). Интересно, что чиновники сами маркируют такие села как дружные: *«В Тохорюкте, где вы были, там очень хорошо помогает именно село. Там у людей менталитет абсолютно другой... Сами по себе они открытые, там проще немножечко. Они между собой очень дружные»* (интервью № 39, с. Хоринск).

Районным администрациям трудно «договариваться» с жителями таких солидарных сел. Так, в Тохорюкте, по словам информантов, представители районной администрации ставили вопрос о закрытии школы, хотя невозможно по нормативам организовать подвоз (слишком далеко до ближайшей школы). Им предлагали организовать интернат в принимающей школе: *«Учителя с детьми своими, с учениками, идите в [название поселения]... Такое расписание составим, что вы три дня там живете, а три дома». Я же говорю – вы там хотите параллель открыть, рабочие места [сделать] там. Нет, говорю»* (интервью № 25, у. Тохорюкта). В Сенном тоже администрация района не смогла добиться закрытия, школа была реорганизована в филиал. По словам представителя администрации, учителя часто препятствовали закрытию школ, они настраивали родителей, что их детей обидят в новой школе. В результате жители сел постоянно пишут письма в защиту своих школ.

Рассмотрим теперь три села, которые поддались административному давлению и согласились с закрытием школы: это – улус Барун-Хасурта и Кульский станок Хоринского района Бурятии, а также деревня Шатнево во Владимирской области. Приемных детей здесь брали либо исключительно учителя, как в Кульском Станке и Шатнево, либо детей принимали на воспитание в приемные семьи жители села, не работающие в школе, как в Барун-Хасурте.

В «недружных» селах Бурятии – Барун-Хасурте и Кульском Станке – ТОСы либо вообще отсутствовали, либо существовали формально «на бумаге». Жители этих сел исповедуют буддизм, и приемные родители также приобщают приемных детей к буддизму, но нет локальных календарей религиозных событий, который объединял бы всех жителей. В этих селах с низким социальным капиталом с трудом решаются коллективные вопросы: *«Вы знаете, у нас ведь 5–6 километров от поселка, который полностью газифицирован. Поэтому вставал вопрос о том, чтобы газифицировать и нашу деревню. Но у нас отказался народ... А у нас кто в лес, кто по дрова»* (интервью № 85, д. Шатнево).

Во всех трех указанных селах родители учеников и сельский сход согласились с закрытием школ. Интересно, что чиновники из РУО не всегда были заранее уверены, что смогут склонить жителей к этому решению. Приемная мама из Кульского станка вспоминает, как закрыли школу: *«Там население промолчало. Заврайоно сказала: “Я боялась, когда ехала, а тут [оказалось] что-то тихо”. Потом они [сельчане] жалели, конечно. Но они все [решение схода о согласии] подписали»* (интервью № 29, у. Кульский станок). Специалист РУО в этой связи подчеркнула, что закрыть школу без участия жителей села невозможно: *«...Видите, почему закрыли, – потому что сами родители пошли жаловаться на школу, что качество обучение плохое. А потом, когда начали уже детей привозить сюда и понятно стало, что дети полдня бывают здесь, ...они пришли сюда жаловаться, чтобы [школу в своем селе снова] открыть. А открыть уже очень трудно... Вот в Амгаланте до последнего стоят. Амгалантинскую начальную школу хотели закрывать. Там всего-то детей 13 человек. Но родители ни в какую... Как ты закроешь, если вся деревня против стоит?»* (интервью № 39, с. Хоринск).

В Вязниковском районе Владимирской области районная администрация старалась закрыть максимально возможное количество сельских малокомплектных школ, следуя логике экономической эффективности. Сначала администрация пообещала не закрывать Шатневскую

школу, если учителя возьмут детей из детского дома: «У нас стоял вопрос о закрытии школы. Детей было мало, свои дети выросли. Ездили в управление образования, чтобы школу оставили. Она сказала – или рожайте, или берите приемных детей... У нас возраст уже не тот был. Мы решили взять. У меня было двое, у [имя] четверо было, у [имя]. А остальные вроде как побоялись. И вот они у нас выросли, кто в армии, кто работает» (интервью № 87, д. Шатнево). Однако в 2012 г. 11-классную школу расформировали до начальной при наличии 63 учеников. Необходимо отметить, что в других регионах чиновники предлагали закрывать школы, только когда число учеников становилось менее 25 человек. А в 2017 г. школа в Шатнево была полностью закрыта, а ученики переведены в никологорскую школу за 5 км от села. Информанты в Шатнево объяснили такое отношение к сельским школам муниципальной реформой, когда были объединены администрации Вязниковского района и города Вязники. В приоритет тогда поставили школы города и поселков городского типа. Вокруг поселка городского типа Никологоры было закрыто пять сельских школ, детей стали возить в никологорскую школу. Представители отдела образования Вязниковского района отказались давать исследователям комментарий по этому вопросу, посоветовав «забыть» эту историю. Староста же деревни прямо сказала, что родители согласились с закрытием школы: «Родителей пригласили, они согласились. Сначала закрыли старшие классы... Согласились на Никологоры. Закрыли до 8-го класса, а с 9-го все туда. Некоторые, конечно, много возмущались. Тем не менее они согласились, заявление все написали. После они возмущались, конечно... Столкнулись с реальностью» (интервью № 88, д. Шатнево).

Таким образом, в условиях неблагоприятной политики районной администрации стратегия «экономики усыновления» достигает поставленной цели по сохранению малокомплектной школы только в условиях высокого социального капитала сельского сообщества, в которое включены учителя. Высокий социальный капитал сообщества позволяет не только мобилизовать жителей на создание приемных семей, но и эффективно противостоять решениям районной администрации.

Заключение. Итак, чтобы понять, почему в селах с похожей социально-экономической структурой «экономика усыновления» приводила к разным результатам, с опорой на работы М. Липски и А. Портеса, было проанализировано восемь конкретных историй принятия дискреционных решений о закрытии сельских школ в контексте взаимодействия сельских бюрократов разных уровней с сельским сообществом.

Как видим, сельские учителя, которых можно с долей условности рассматривать как бюрократов низшего уровня, сами не принимают решения о закрытии школы, но они могут существенно влиять на решение бюрократов среднего уровня, мобилизуя своих «клиентов». Важная особенность учителя как низового бюрократа заключается в том, что он включен в тесное взаимодействие с жителями, которым он оказывает образовательные услуги. Солидарность является главным источником социального капитала в сельском поселении. Наряду со стратегией «экономики усыновления» включенность в сеть поддержки жителей поселения становится важным условием победы «низовых бюрократов» в борьбе за свои рабочие места. Без такой поддержки «экономика усыновления» может не сработать.

Представители РУО как бюрократы более высокого уровня хотя и ограничены правилами организации и законами, имеют возможность давать широкую интерпретацию критерия, на основании которого принимают решение о (не)закрытии школы. В условиях благоприятной политики районной администрации стратегия «экономики усыновления» достигает поставленной цели по сохранению малокомплектной школы, даже если социальный капитал сельского сообщества низок. Однако в условиях неблагоприятной политики районной администрации сплоченность сельского сообщества становится решающим фактором сохранения школы. В такой ситуации районные администрации могут рассматриваться как доноры, которых территориальное сообщество принуждает делиться экономическим ресурсом – продолжать финансировать малокомплектную школу, несмотря на явную экономическую нецелесообразность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абанкина Т.В. Развитие сети общеобразовательных учреждений в регионах: результаты реализации приоритетного национального проекта «Образование» в 2007–2008 гг. // Вопросы образования. 2009. № 2. С. 5–18.
- Анурин В.Ф. Бюрократия: взгляды «извне» и «изнутри» // Социологические исследования. 2010. № 2(310). С. 29–37.
- Галиндабаева В.В., Карбаинов Н.И. Экономика усыновления: любовь и/или деньги // Мир России. Социология. Этнология. 2022. № 31(4). С. 57–78.
- Горшков М.К., Петухов В.В., Андреев А.Л. Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов: Аналитический доклад. М.: ИС РАН. 2005.
- Завьялов Д.Ю. Взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления: бюджетный аспект // Финансы и кредит. 2008. № 17 (305). С. 24–34.
- Захарова А. Моральная картография: классификации жителей деревень в рабочей повседневности сельских бюрократов // Антропологический форум. 2023. № 59. С. 103–129.
- Рогозин Д.М. (ред.) Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих. М.: ИС РАН, 2015.
- Рощина Я.М., Черненко О.Э. Региональные и муниципальные модели социальной политики в сфере среднего общего образования (часть 1) // Вопросы образования. 2007. № 1. С. 251–269.
- Gimpelson, V., Magun V., Brym R.J. Hiring and promoting young civil servants: Weberian ideals versus Russian reality. In: Russian bureaucracy and the state: officialdom from Alexander III to Vladimir Putin. L.: Palgrave Macmillan UK, 2009. P. 231–252.
- Lipsky M. Street-level bureaucracy: Dilemmas of the individual in public service. N. Y.: Russell Sage Foundation, 2010.
- Portes A., Landolt P. Social capital: promise and pitfalls of its role in development // Journal of Latin American Studies. 2000. Vol. 32. No. 2. С. 529–547.
- Zacka B. When the state meets the street: Public service and moral agency. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2017.

Статья поступила: 04.03.24. Финальная версия: 03.04.24. Принята к публикации: 09.04.24.

«ECONOMY OF ADOPTION»: STREET-LEVEL BUREAUCRACY VS. RURAL COMMUNITY

GALINDABAEVA V.V.*, KARBAINOV N.I.*

*Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

Vera V. GALINDABAEVA, Senior Researcher (v.galindabaeva@socinst.ru); Nikolay I. KARBAINOV, Researcher (n.karbainov@socinst.ru). Both – Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia.

Abstract. The case study of the “adoption economy” examines the social factors that determine the decision-making of street-level bureaucrats. Research deals with small villages, whose residents adopted children in the 2000th in order to increase the number of pupils in the underutilized local schools and thus resisted their shutdown. The authors studied cases from five different regions in Russia, where at the time of the field study underutilized local schools were closed in three rural settlements, but in the other five settlements they were “saved” with the help of the “adoption economy”. The authors relied on M. Lipsky’s concept of “street-level bureaucrats” and A. Portes’ theory of social capital. Qualitative data were collected from 88 individual semi-structured interviews, an observation diary, documents, and photographic materials. The institutional context of “bureaucratic” discretion in determining what rural schools are subject to shut down is analyzed. The results of the study showed that the social capital of rural “street-level bureaucrats” (usually teachers of rural schools), due to their (un)inclusion in close interaction with local residents, to whom they provide services, becomes an important factor in (un) making a decision to retain a underutilized school in small rural settlement. In Portes’ theory perspective street-level bureaucrats are regarded as donors for rural community as they are forced by the territorial community to share economic resources – to continue financing a small-size school despite the obvious economic inexpediency.

Keywords: economy of adoption, street-level bureaucracy, rural community.

REFERENCES

- Abankina T. (2010) Development of a Network of Regional General Education Institutions: The 2007–2008 Results of the National Priority Project. *Voprosy obrazovaniya* [Education Issues]. No. 2 (December): 5–17. (In Russ.)
- Anurin V.F., Sadulina A.M. (2010) Bureaucracy: views from 'inside' and 'outside'. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2(310): 29–37. (In Russ.)
- Galindabaeva V., Karbainov N. (2022). The Economy of Adoption: Love or/and Money. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 31(4): 57–78. (In Russ.)
- Gimpelson, V., Magun V., Brym R.J. (2009) Hiring and promoting young civil servants: Weberian ideals versus Russian reality. In: *Russian bureaucracy and the state: officialdom from Alexander III to Vladimir Putin*. London: Palgrave Macmillan UK: 231–252.
- Gorshkov M.K., Petuhov V.V., Andreev A.L. (2005) *Bjurokratija i vlast' v novoj Rossii: pozicija naselenija i ocenki jekspertov: Analiticheskij doklad* [Bureaucracy and Power in the New Russia: Population's Position and Experts' Assessments: Analytical Report]. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Lipsky M. (2010) *Street-level bureaucracy: Dilemmas of the individual in public service*. New York: Russell Sage Foundation.
- Portes A., Landolt P. (2000) Social capital: promise and pitfalls of its role in development. *Journal of Latin American Studies*. No. 2 (32): 529–547.
- Rogozin D.M. (ed.) (2015) *Russian Official: Sociological Analysis of the Life World of State and Municipal Employees*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Roshchina Y., Chernenko O. (2010) Regional and Municipal Models of Social Policy in Secondary Education (Part 1). *Voprosy obrazovaniya* [Education Issues]. No. 1 (December): 251–268. (In Russ.)
- Zacka B. (2017) *When the state meets the street: Public service and moral agency*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Zakharova A. (2023) Moral Cartography: Classifications of Village Residents in the Everyday Life of Rural Bureaucrats. *Antropologicheskij forum*. [Anthropological Forum]. No. 59: 103–129. (In Russ.)
- Zav'jalov D. Ju. (2008) Vzaimodejstvie organov gosudarstvennoj vlasti i mestnogo samoupravlenija: bjudzhetnyj aspekt. *Finansy i kredit* [Finance and Credit]. No. 17 (305): 24–34. (In Russ.)

Received: 04.03.23. Final version: 03.04.24. Accepted: 09.04.24.

С.В. РЯЗАНОВА

ПРЕДЕЛЫ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДОКТРИНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ГРУППЫ – НА ПРИМЕРЕ ДВУХ РЕЛИГИОЗНЫХ СООБЩЕСТВ В ПРИКАМЬЕ

РЯЗАНОВА Светлана Владимировна – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований ПФИЦ УрО РАН, Пермь, Россия (svet-ryazanova@yandex.ru).

Аннотация. Текст посвящен проблеме идентификации новых религиозных групп, что связано с гетерогенностью конфессиональной сферы и ее постоянными изменениями. Объектами исследования стали локальные религиозные сообщества с коротким сроком существования. В качестве источников для исследования были использованы аудиозаписи семинаров, проводимых в одной из групп, материалы интервью и включенных наблюдений, фотографии и видеозаписи, личные беседы и переписка с бывшими членами группы. Основной проблемой исследования стал поиск оснований для идентификации группы в системе религий. На основе высказываний лидеров групп, изучения религиозных нарративов и культовой практики были определены возможности идентификации. Анализ показал недостаточность самоидентичности и культовой деятельности для установления религиозной идентичности общины. Было установлено, что декларируемая группами принадлежность к христианской традиции формальна и исчерпывается традиционными образами и сюжетами. Оба учения содержат значительную долю элементов других религий, особенно в терминологическом аспекте, широко используют мифологические принципы описания мира, допускают существование магических практик. Использование нерелигиозных методик и видов деятельности в сочетании со светской терминологией заставляет сделать вывод о том, что эти группы нельзя определить как только религиозные. Они занимают пограничное положение в социальном пространстве и предлагают новые модели консолидации людей.

Ключевые слова: новые религиозные группы • проблема идентификации • самоидентификация • культовая практика • доктрина

DOI: 10.31857/S0132162524040066

Введение. Признание поликонфессиональности отечественного религиозного пространства стало общим местом для большинства гуманитариев. Однако это утверждение имеет рамочный характер и не содержит информации о конфессиональной структуре. Сохранение традиционных и появление новых феноменов ставит вопрос о перспективах эволюции религии как социального явления и фактора общественного развития. Представляют ли новые сообщества оригинальные объединения в каноническом и культовом плане или являются дериватом исторически сложившихся институций? Смогут ли они составить конкуренцию «старым» религиям или окажутся тупиковыми путями развития? Понимание природы новых религиозных групп должно способствовать прогнозированию не только социального поведения их членов, но и дальнейшей эволюции в сторону радикализации/геттоизации/либерализации и т.д.

Полноценный ответ на эти вопросы требует масштабного и детального изучения, одним из аспектов которого становится идентификация появляющихся «новообразований». Под идентификацией мы понимаем установление тождественности религиозной группы ранее существующим конфессиональным объединениям либо отсутствие таковой. Этот ракурс исследования актуализирован тем, что в социальном пространстве религиозный феномен не существует изолированно, вне влияния внешних факторов, и не всегда демонстрирует «чистые»

религиозные формы, позволяющие безусловно отождествлять конкретных верующих с последователями институционализированных религиозных объединений. В то же время элементы религиозного сознания и поведения наблюдаются внутри формально нерелигиозных социальных явлений. Это еще раз ставит вопрос о специфике современных сообществ верующих и их социальной природе.

В границах социологии религии были сформулированы методики анализа групп (от Ш. Хубера до Ю. Синелиной [Синелина, 2014]), ориентированные на измерение уровня религиозности и выделение специфических черт религиозного поведения представителей отдельных конфессий, позволяющих осуществить и процедуру идентификации. Однако современные сообщества верующих не всегда предоставляют исследователям возможность приложения предложенных шкал и индикаторов – в силу своей закрытости для внешнего наблюдателя и из-за отсутствия параметров, которые должны быть измерены, что затрудняет операционализацию понятий.

Как правило, новые религиозные группы декларируют в разных формах свою идентичность, но подобным утверждениям, по мнению автора, требуется дополнительная верификация и корректировка. Самоидентификация для внешнего наблюдателя может иметь маскировочный, дезинформирующий характер, либо формироваться на ошибочных основаниях, например, на искаженных представлениях слабо образованных адептов и их лидеров.

Представляется, что разработка методики идентификации современных религиозных сообществ должна иметь универсальный характер, будучи в равной степени применимой для иерархических, сетевых и локализованных объединений.

Целью предлагаемого исследования является установление границ и возможностей анализа религиозных нарративов для идентификации и классификации сообщества верующих. Религиозные тексты выбраны по той причине, что они в завершенной форме доступны анализу исследователя. Предполагается решение следующих задач: установление концептуальных положений каждой доктрины; выделение наиболее значимых для идентификации компонентов; установление степени специфичности учения.

Обзор изученности темы. При обращении к корпусу работ, посвященных проблемам возникновения и функционирования современных религиозных объединений, возникает вопрос, какие из них в наибольшей степени связаны с изучаемым нами феноменом.

Несомненно, значительный вклад в изучение проблемы эволюции религии в современном обществе внесли исследователи т.н. новых религиозных движений (НРД). С 1970 гг., с появлением текста Б. Вильсона «Религиозные секты» [Wilson, 1970], стоит говорить о формировании стратегии изучения и описания НРД [Robbins, Anthony, Richardson, 1978; Bull, 1989 и др.], а также проблеме их корректного наименования [Баркер, 1997]. В журнале *Sociological Analysis* с начала 1980-х гг. значительная часть работ западных исследователей была посвящена принципиально новым характеристикам групп такого рода [Stone, 1979], их типологии [Campbell, 1978; Blasi, 1981] и взаимодействия с другими религиями [Berger, 1981], особенностям их деятельности в обществе [Beckford, 1981 и др.]. В это же время формируется пул публикаций отечественных исследователей, уточняющих специфику НРД [Гуревич, 1985; Митрохин, 1985 и др.] и дополняющих набор их характерных черт в доктринальной и культовой части [Балагушкин, 1984; Ткачева, 1991]. В настоящее время можно говорить, пожалуй, о сложившейся теории НРД.

Представляется, однако, что указанные исследования затрагивают объект нашего анализа лишь отчасти, поскольку речь будет идти о группах, изначально функционирующих в рамках т.н. традиционных религий, но постепенно превратившихся в самобытные конфессиональные феномены. В связи с этим при работе с полевым материалом стоит учитывать труды, посвященные особенностям эволюции традиционных доктрин и практик в современной культуре [Религиозные практики в современной России, 2006; Сны Богородицы, 2006; Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте, 2015; Borovik, 1997]. Отдельного внимания заслуживает специфика бытования религии в современной городской среде [Bourg, 1984; Srinivas, 2012; Kisala, 2004]. Данные тексты не предлагают исчерпывающего ответа

на поставленные в статье вопросы, но способствуют выстраиванию представления о современной конфессиональной картине мира и страны.

Поскольку речь пойдет о локальных религиозных сообществах, отметим исследования специфики религиозной ситуации в Прикамье как анализируемом регионе. К сожалению, в настоящее время, за исключением работ автора данного текста, указанных ниже, не сложился корпус публикаций, посвященных недавно возникшим религиозным общинам. Кроме диссертации Я.А. Афанасенко [2000] и публикаций общего характера Д.В. Горюнова [Горюнов, 2016; 2018; 2021], посвященных по преимуществу НРД, нельзя упомянуть ни одной научной работы по данной теме, что свидетельствует о наличии лакуны в изучении региональных религиозных групп.

Теоретические основания предлагаемого исследования опираются на концепцию конструирования представителями современной культуры собственной религиозности по принципу волюнтаристского «пэчворка» [Dobbelaere, 2004; Рязанова, 1998], что оказывает влияние на формирование доктринальной части религиозной системы и может определять ее синкретизм и эклектизм. Религиоведческий компонент анализа базируется на теории рационального выбора веры городским населением Р. Кисалы [Kisala, 2004] и концепции Т. Асада о фиксации места религии в индивидуальном сознании вне сохранения ее сущности [Asad, 2008]. Это позволяет говорить о размытии границ между религиозными и нерелигиозными феноменами современной культуры. Превращение в этой ситуации категорий социологии религии в динамические было проанализировано М.Л. Сатлоу [Satlow, 2005] и Х.Г. Кипенбергом [Kirpenberg, 2000]. Выбранный подход дополнен идеей И. Боровик о модернизации сознания как стимуле отказа от участия в деятельности официальных религиозных институтов [Borovik, 1997]. Понимание процесса секуляризации как одновременной индивидуализации религии и лишения ее религиозного содержания взято из работы К. Митчелл [Mitchell, 2006].

Методология и методы исследования. Для отработки исследовательской методики в качестве объектов были выбраны две религиозные группы, подходящие для детализированного анализа. Это локализованные сообщества, организационно существующие только в Пермском крае, что дает возможность формирования целостного представления о них. Автору представилась возможность осуществления непосредственных полевых исследований в разных формах, одно из которых приняло лонгитюдный характер. Обе группы имеют более чем тридцатилетний срок существования, что позволяет говорить о них как об устойчивых религиозных феноменах региона и отследить логику их эволюции.

Первая группа в настоящее время называется «Церковь-Семья апостола Иоанна и Марии Магдалины» (ранее «Семья Божия», далее – «Семья»), основана В.К. Белодедом, после его смерти возглавляется Олегом и Марией Турышевыми, проживающими в поместье в Нытвенском районе Пермского края. Церковь включает в себя около 30 человек возраста 30–55 лет (вместе с детьми), из которых треть проживает вместе с руководителями, остальные приезжают на собрания.

Второе сообщество с мая 2022 г. презентует себя как «Учебно-практический центр Русского Боевого Искусства имени генерал-майора Юрия Ивановича Дроздова», существуя с 1990 по 2021 г. в качестве Покровской обители при церкви Благовещения Пресвятой Богородицы Пермской епархии Русской православной церкви. Идейной главой группы является О. Будилова (в браке Новикова). Все члены группы проживают в одном здании на периферии города. В группу входят верующие в возрасте от 5 до 75 лет, приблизительно поровну мужчины и женщины, всего около 50 человек с детьми.

Реконструированная история обоих сообществ была изложена в ряде публикаций (см., напр.: [Рязанова, 2019; 2020]), поэтому в предлагаемом тексте сделан акцент на аспектах доктринальной специфики и культовой практики, которые помогают решить поставленную научную задачу.

Метод получения информации через интервью казался предпочтительным, поскольку в ходе беседы появляются возможности понять и уточнить причинно-следственные связи поступков, представить слушателю механизм принятия решений индивидом. Так как зачастую

опыт религиозного восприятия собеседника может не совпадать с тем, что обусловлено религиозным учением и культивируется в ходе религиозной практики, важная информация черпается в ходе уточнений [Рязанова, Михалева, 2011: 7–8]. Личный характер интервью в большей мере гарантирует получение информации в необходимом содержательном ключе и относительную сопоставимость при анализе.

Вместе с тем характер обеих групп, существующих как закрытые для внешнего наблюдателя, вносит значимые ограничения в возможность широкого использования интервью/беседы. Это же делает невозможным проведение в последнее время включенных наблюдений. Актуальные члены обоих сообществ избегают расспросов в силу того, что в отношении обеих общин с 2008 по 2019 г. были инициированы судебные процессы. Покинувшие группы верующие охотнее соглашались на беседу, но добавляли к повествованию набор негативных характеристик, проверить которые можно прибегнув к дополнительным источникам информации. Поэтому ключевыми для понимания особенностей доктрины и религиозной практики становятся письменные и устные нарративы, предназначенные для «внутреннего» пользования верующими обеих групп.

Сбор информации по «Церкви-Семьи апостола Иоанна и Марии Магдалины» осуществлялся с перерывами с 1996 по 2018 г. через практику включенных наблюдений (пятнадцать в течение 1996–2007 гг.) и личных полуструктурированных интервью с верующими и руководителями общины (см. Приложение). Выборка была построена по принципу «снежного кома» в силу того, что закрытый характер группы провоцировал нежелание большинства ее членов беседовать с исследователями и журналистами, поэтому в круг опрашиваемых попали только бывшие члены группы, готовые делиться опытом религиозной жизни.

В качестве материалов для анализа по сообществу были отобраны транскрибированные аудиозаписи (12 позиций), выложенные в группе «Владимир Константинович Белодед» в открытом доступе в сети «ВКонтакте», а также литература, выпущенная самой религиозной группой, и содержание устных проповедей и личных бесед автора с последователями учения. Проанализированная книжная продукция церкви включает в себя т.н. послания Богоматери, получаемые лично В.К. Белодедом и другими пророками группы с 1996 по 2018 г., книги дидактического характера (сказки и притчи), мифологизированную биографию В.К. Белододеда. Страница ВК создана руководителями группы, поэтому мы предполагаем, что ее содержание отражает суть вероучения церкви, которую верующие готовы транслировать вовне. Дополнительная информация о группе была получена из уставных документов церкви на разных этапах ее существования, фотографий, переданных бывшими членами группы за период 2000–2006 гг., в ходе интервью с пасторами евангельских церквей, членом которых являлся основатель церкви до ее создания.

Объектами анализа учения и культа «Покровской обители» в силу изолированного существования сообщества стали, прежде всего, тексты семинаров О. Будиловой (2010–2016 гг.), всего 32 записи, предоставленные для свободного пользования одним из бывших членов группы, а также три видеозаписи, посвященные праздникам в обители. Для верификации полученной информации были использованы интервью с бывшими членами обеих общин (пять респондентов), отобранными по принципу «снежного кома», закодированные по номерам в порядке использования в статье, если респондент предпочитал остаться анонимным, а также материалы личной переписки автора с бывшими верующими через закрытую группу сети «ВКонтакте», используемые с разрешения респондентов на условиях полной анонимности (10 человек).

Анализ использованных нарративов осуществлен через выделение смысловых блоков и концептуальных предложений, которые интерпретировались с элементами герменевтического вживания и сопоставления релевантной информации. Речь идет о принципе т.н. объективной герменевтики (У. Уферманн), реализованной в методе сиквенс-анализа [Krech, Rademacher, 2021]. В границах этого подхода религия рассматривается не только в виде вербальной коммуникации, но и в материальных объектах, телесных формах и действиях, видеонарративах и т.п., воспринимаемых как тексты. В центре сиквенс-анализа находится значение высказывания и его связь с намерением акторов и их действием, реализуемым в рамках

социальных паттернов. Понятие случая рассматривается как часть характерного социального взаимодействия или функционирования исследуемого института.

Самоидентификация и идентификация религиозных сообществ: проблема и пути ее решения. В установлении идентичности обоих сообществ оттолкнемся от того, каким образом позиционируют себя в религиозном пространстве обе группы. В некоторых случаях самоидентификация может служить указанием на атрибутирование себя по отношению к более крупным объединениям или источнику происхождения вероучения и культовой практики.

Информация об актуальной самоидентичности «Семьи» получена из интервью с нынешними лидерами группы: «Мы <...> не можем себя причислить к православию никак» (№ 1). Эта фраза из интервью и примыкающий к ней текст позволяют установить несколько индикаторов места группы в социальном пространстве. Это, несомненно, сообщество верующих, на что указывает набор религиозных образов и идей, а также наличие объектов почитания и соответствующей практики. Однозначно признается функционирование вне православной традиции. Руководители группы настаивают на принадлежности к христианскому, но самостоятельному в доктринальном и культовом отношении течению, вне строгих предписаний и правил. Совпадения с другими ветвями христианства (иконы и молитвы) объявляются формальными. В пояснительной записке к Уставу церкви Турышевы указывают, что признают христианский Символ веры¹. Постоянные отсылки к имени основателя в интервью и публикациях на сайте «ВКонтакте» указывают, что учение воспринимается последователями как построенное на уникальном откровении, данном В.К. Белодеду.

К сожалению, руководство бывшей Покровской обители отказало автору в интервью, поэтому выводы о самоатрибутировании общины сделаны на основании звукозаписей семинаров общины, предоставленных бывшим членом группы с разрешением открытого цитирования. В записях 2010–2011 гг. отчетливо прослеживается принадлежность группы к Русской Православной Церкви Московского патриархата: есть упоминания о посещениях служб и ссылки на священников как авторитет в вопросах культа. В 2015–2016 гг. в высказываниях О. Будиловой, которая всегда вводит в семинары материал для обсуждения, появляются новые акценты. Упоминаний о принадлежности к другой организации нет, встречается очень резкая критика официальной церкви: «В церкви Бога можно уже не искать <...> Церковь идет в ад первой <...> Церковь является тем местом, где слово Божие убивается» («Церковь»).

Сама по себе критика религиозного института не означает выхода верующего за пределы религиозной системы. История христианства и ислама знает множество случаев возникновения учений, отправной точкой для доктрины которых служил отказ от официальных религиозных институтов в силу их «несоответствия» нормам истинной религии. В этом случае резонным становилось игнорирование богослужений, переход на домашние формы поклонения (характерные и для части современных верующих, судя по исследовательскому опыту автора), образование отдельных групп, члены которых формируют собственную культовую практику. Приведенные отрывки семинаров позволяют говорить о единобожии насельников Покровской обители, наличии у них эсхатологических настроений и представлений о дифференцированной участи людей в загробном мире. Однако этого набора характеристик недостаточно, чтобы уверенно говорить об аффилиации к определенной религии.

Приходится признать, что отрывочные высказывания лидеров групп о вероятной принадлежности возглавляемых ими сообществ не дают возможности помещения сообществ в классификационную схему. Можно допустить, что для руководства общин самоидентификация не является первоочередной задачей: состав группы сложился, организационно и финансово оба сообщества не нуждаются во включении в иерархическую структуру. Поэтому отсылки к другим учениям либо акцент на самобытности не актуальны. Вместе с тем идентификация как научная задача остается необходимой.

Компенсировать ситуацию незнания в установлении сущности описываемых групп потенциально могут аспекты религиозной жизни, доступные внешнему наблюдателю: внешний вид

¹ Устав религиозной организации «Церковь-Семья апостола Иоанна и Марии Магдалины», 7.1 и 7.3.8.

последователей учения, их образ жизни и культовая практика. На основе характеристик внешнего описания членов церкви «Семья» и жителей Покровской обители интерпретационные возможности минимальны, поскольку отсутствуют специфические элементы прически, одежды, украшений и т.п. Невозможен в настоящее время и анализ их образа жизни, поскольку сообщества функционируют как закрытые, в границах «поместий», физически отгороженных от остального пространства. Доступны для интерпретации фотографии, предоставленные теми, кто покинул общины, их беседы с исследователями и журналистами, косвенные упоминания руководителей групп в интервью и записях семинаров о религиозной деятельности внутри сообщества.

В настоящее время установлены следующие формы культа по обеим организациям. Церковь «Семья» признает широкий спектр ритуалов. Некоторые из них характерны и для других христианских церквей: водное крещение в сознательном возрасте, венчание, глоссолалия и медитация. Фотографии показывают, что традиционные обряды зачастую подвергались изменениям по форме проведения и внешнему виду участников: *«Мы были одни из первых, кого на сцене вот так венчали. Потом это немножко всё трансформировалась, и помимо этого венчания еще шла свадьба. Шестичасовая свадьба с танцами, песнями, прибаутками»* (№ 4). Вероятно, элементы светской культуры включались в обрядность для консолидации общины и адаптации образа жизни верующих к реалиям современной культуры. Однако сам факт таких привнесений позволяет говорить о частичной секуляризации ритуала, касающейся формы его проведения. В качестве объекта почитания, помимо сакральных персонажей, как «Небесный отец» и пророк выступает основатель общины. К авторским обрядам группы стоит отнести визионерские практики², а также получение посланий от Матери Божией через некоторых членов церкви. В период, когда численность группы достигала пика (1996–2007), лидер группы большое внимание уделял проповедям экзегетического характера, построенным на полученном им откровении. Экзегетическая деятельность распространялась на традиционные тексты (евангелия и др.) и получаемые послания, народные и авторские сказки.

В интервью с верующими визионерство и получение посланий дополняются сюжетами, посвященными чудесным способностям В.К. Белододе. Так, якобы в ходе поездки к Иоанну Береславскому («Православная Церковь Божией Матери Державной») уход членов «Семьи» со службы привел к ее стагнации: *«Володя (В.К. Белодод. – Прим. С. Р.) прошёл на сцену <...>, чтобы пообщаться с отцом Иоанном; <...> не получилось у них общение, и мы покинули <...>. Из зала вышли, и у них <...> перестала служба. <...> Иоанн стоит, не знает, что говорить. И он послал своих помощников, они нас догнали, и сказали: «Отец Иоанн просит, чтобы вы вернулись, служба не идет как-то»* (№ 5).

Внутри Церкви применялись практики магического характера. Сохранились упоминания, что основатель Церкви был наделен силой исцеления через прикосновение и предсказывал чудесную судьбу детей, родившихся в общине (№ 4). Партиципативная магия применялась как объяснение того, что происходит с провинившимися верующими. Руководство Церкви исходило из того, что неправильное поведение «заразно», распространяется физически: *«есть проказы, есть кто-то прокаженный, они рядом с вами, смотрите, как бы и вам не заразиться <...>, при рукопожатии подобного рода вещи могут передаваться»* (№ 6). «Зараженными» считались все члены семьи провинившегося, что говорит о мифологическом характере восприятия: *«семьи воспринимались там как нечто целостное»* (№ 6). На архаичность практик указывает и используемое понятие «родовых духов», *«которые перекочевывают из поколения в поколение, овладевают целыми семьями, <...> оказывают свою губительную работу»* (№ 6). При этом принимаемые меры выглядели как борьба с инфекцией в больнице, т.е. имели сугубо светский характер: *«я вдруг прихожу на работу <...> и смотрю, что все мои вещи <...> сложены аккуратно, в несколько коробок, и со мной вообще никто не разговаривает»* (№ 4).

² В 1992 г. первое массовое крещение членов церкви в реке Кама ночью сопровождалось видением в форме огромного цветка, что было всеми присутствующими воспринято как знак благословения Божией матери по отношению к складывающейся общине.

Целый ряд специфических практик имел воспитательный характер. Для совершеннолетних способом включения в церковь становится ритуал «Принятия сыновства» с посланием к каждому неофиту, которое зачитывалось публично, вне зависимости от содержания. Регулярно практиковались т.н. Братские круги: «человек пятнадцать-двадцать... высадились <...> в круг, <...> начали говорить <...>. Постепенно вопросы становились серьезными: <...> например, что тебя останавливает, чтобы приблизиться к святости... Чего ты боишься <...>. Что-то <...> вроде <...> покаяния» (№ 4). Прохождение ритуала было обязательным («прямо вызывали» (№ 4)), но почетным: «Мы были рады там быть. Воспринималось как большой подарок и шанс» (№ 6). По отношению к несовершеннолетним с целью религиозного воздействия использовались специальные организационные формы – т.н. Юные Братства, в которых подростков делили на возрастные группы для применения «духовной педагогики» и физической работы в поместье (№ 6).

Как видно из анализа культовой и околорелигиозной деятельности, набор обрядов с самого начала возникновения общины имел синкретический характер, что не дает возможности использовать его в качестве решающего аргумента в процессе идентификации. Характер ритуалов сохранился и в настоящее время: супруги Турышевы признают, что члены общины соблюдают «основные традиции христианства» и «почитают» иконы, крест, молитву, священные таинства и обряды, чтение Священного Писания, почитают православных святых и Троицу³. Уставной документ не уточняет, полон ли обозначенный список, а также то, какой характер имеет это «соблюдение» и «почитание»⁴. Замкнутость сообщества не дает возможности проверить это путем наблюдения.

Схожая ситуация с анализом культовой практики возникает и применительно к Покровской обители. Ее члены с 2015 г. отказались от элементов православного культа, заменив его семинарскими занятиями и особой практикой т.н. Воинов Света. К ним относятся избранные члены общины, чьей задачей является ментальная борьба с потенциальными недоброжелателями обители: «С. делает работу сложнейшую и очень серьезную по защите обителей светлых сил <...> это его местоположение в божьем мире» («Грань добра и зла»). Такого рода деятельность имеет оккультный характер и не может быть рационально проанализирована извне. В аудиозаписях семинаров есть упоминания о целительских возможностях лидера общины – «я просто руку ей положила <...> на живот <...>, и сразу же начались роды» («Тала, Светел и Ангелия»), – а также схожих с идеями церкви «Семья» представлений о возможности ментального заражения: неверно используемая духовная сила способна «заразить неправильным мышлением» весь город («Грань добра и зла»). Используется практика стигматизации членов общины, которые не устраивают руководство, схожая с описанной для «Семьи Божией». Прослеживаются рудименты магических практик: могила ребенка О. Будиловой на территории обители трактуется как центр мира («Точка воскресения»). Заслуживает внимания в качестве синкретического ритуала практика отпевания заживо как способ исправить «испорченного» человека (Переписка с А.Н.).

В обоих случаях описания культовой и околорелигиозной деятельности недостаточно не только для установления родственных связей с другими религиозными системами, но и для минимального представления о том, что такая практика представляет собой как целостность. Поэтому для детального анализа наиболее подходящими видятся доктрины сообществ в силу их развернутости в доступных исследователю нарративах, материалах интервью и личной переписки автора с верующими.

Выявление природы религиозного сообщества через исследование основных религиозных идей не является панацеей, поскольку, во-первых, у наблюдателя не всегда есть возможность иметь исчерпывающие сведения о доктрине. В ряде случаев она содержится только

³ Устав религиозной организации «Церковь-Семья апостола Иоанна и Марии Магдалины», 7.1 и 7.3.8.

⁴ Например, руководство церкви признает, что ее члены практикуют т.н. автоматическое письмо, не имеющее отношения к христианской традиции; они изменили для себя каноны иконописи в сторону изображения святых только с голубыми глазами, пост практикуют в виде одного разгрузочного дня в неделю (Интервью с Турышевыми).

в материалах проповедей и составе богослужений, отслеживать которые постоянно, как правило, невозможно. Во-вторых, опыт знакомства с возникшими в последние десятилетия религиозными группами, с ныне живущим основателем или его активными преемниками показывает, что доктринальные положения могут значительно изменяться в ходе существования общины. Тем не менее представляется возможным выделить сквозные моменты, которые станут ключевыми в идентификации обеих групп.

Частично указателем на то, какие положения будут доминировать в вероучении, являются реконструированные нами биографии обоих основателей. Опыт религиозной жизни В.К. Белододе был связан с коротким членством в группах баптистов-инициативников и незарегистрированных пятидесятников (№ 2). О. Будилова изначально была преподавателем группы ТРИЗ (светская методика «Теория решения исследовательских задач»), а потом вела миссионерскую работу в группе активистов, возрождающих православие в стране. Миссионерскую деятельность она сочетала с чтением популярных в 1990-е гг. работ по теософии, антропософии и т.п. учений, которые по прочтении транслировались единомышленникам. Обе биографии свидетельствуют, что лидеры групп относятся к категории т.н. искателей – верующих, интересующихся на протяжении жизни разными религиозными системами и поэтому способных формировать собственное миропредставление и связанное с ним вероучение на эклектической или синкретической основе.

Обе доктрины иллюстрируют этот факт. В проповедях, семинарах и книгах активно используются образы, характерные для христианского вероучения (Бог, Троица, Матерь Божия, рай и ад, церковь и т.п.⁵), но их трактовка значительно отличается от традиционной для христианских церквей. В церкви «Семья» с 1996 г. центром поклонения является дева Мария⁶, а не божественная Троица. Этот образ дополняется идеей Софии как небесной мудрости⁷. Бог трактуется как этически амбивалентный, состоящий из добра и зла, совпадающий в своем существовании с миром⁸. Иисус Христос понимается как человек, который обрел образ Бога через духовное совершенствование и стал его истинным сыном. Утверждается, что Бог-отец, Бог-сын и святой Дух на небе породили свою проекцию на земле – Небесного Отца, Небесную Мать и Небесного Сына⁹. Наряду с этим формируется представление о «Божественных родителях» как обязательных для церкви лидерах. В качестве мессии воспринимается сам основатель церкви. Развивается идея духовного рождения через «Небесное откровение»¹⁰, перестройку мозга и катарсис, дополненная представлением о врожденной предназначенности к спасению¹¹ и о Страшном суде как предании Суду Любви¹², происходящему в настоящее время¹³. Второе пришествие Христа трактуется как его рождение в душе человека¹⁴.

Явные новшества в интерпретации религиозных идей присутствуют в материалах семинаров О. Будиловой. Бог трактуется как «единица», «мыслящая кристаллами» и реализующая культуру через брак Земли и Неба, поглощающая в себе Троицу как взаимосвязь противоположных категорий («Кристалл развития искусства»), сущность, с которой можно договориться («Тала, Светел и Ангелия»), в настоящее время ничего не определяющая («Брак»). Верующий

⁵ Напр.: Белодед В.К. И сотворил Бог человека по образу своему... Кн. 2. Пермь: ОДП, 1996.

⁶ Слово Божией Матери детям своим. Вып. 4. Пермь: ОДП, 1996.

⁷ Белодед В.К. Слово Матери Божией о великом и славном деянии Божественной Премудрости... Вып.48. Пермь: ОДП, 1997.

⁸ Человек // Цикл проповедей Владимира Константиновича Белододе, прочитанных духовным детям в 1992–1993 гг. URL: https://vk.com/belodedvladimir?w=page-171547648_54326160 (дата обращения: 15.05.2023).

⁹ Турышев О., Турышева М. Се стоит среди вас некто, которого вы не знаете. Пермь: ИП Турышев, 2012.

¹⁰ Пояснительная записка к Уставу Церкви-Семьи Божией. Пермь, 1996. С. 3.

¹¹ Белодед В.К. Бог есть Слово, полное благодати и истины: Десять лекций-проповедей о внутреннем смысле Библии. Пермь: ОПД, 1994.

¹² Там же. С. 69.

¹³ Белодед В.К. Святая книга любви. Пермь: ОПД, 1998. С. 62

¹⁴ Пояснительная записка к Уставу Церкви-Семьи Божией. Пермь, 1996. С. 2.

описывается как постоянно ощущающий Бога и способный уравновесить мироздание, изменить существующий мир («Кристалл развития искусства»). Роль мессии выполняет лидер общины: «У меня существует совершенно другая <...> цель <...> – выполнение на Земле той работы, которая необходима для Бога, <...> служение Богу и людям, <...> чтобы... я связывала собою распавшиеся части бытия» («Оля»). Со слов женщины, она ежедневно совершает «подвиг восхождения вверх» («Календарь-Январь»), получает видения свыше – «бог показывает мне картиночку» («Оля»), чтобы «научить слышать и видеть Бога» («Обетование. Путешествие») и быть готовой умереть за людей: «Иногда мне кажется, что меня уже скоро убьют за всё» («Оля»). Для этого О. Будилова реализует «Божественный брак», в котором «Бог действует через это соединение меня с Д. <...> Он для этого дал мне очень сложное послушание <...> рождения ребенка» («Оля»), новое «стояние Марии Богородицы» («Точка воскресения»). Рождение и смерть младенца лидера общины трактуются как demiургический акт: «Ребенок должен был родиться, чтобы всех примирить, <...> а примирение возможно только через жертву» («Точка воскресения»).

Изменения в христианском вероучении в обоих случаях усиливаются внесением мифологического компонента. Обе группы активно используют идеи собственной исключительности и чудесности места, где проживают [Рязанова, 2019; 2020], важности имянаречения и значимости благословленных, волшебных предметов (№ 3). Встречается использование персонажей мифологических систем индуистской, славянской и др. Автохтонная мифология дополняется светской – ссылками на Е. Блаватскую, Н. Рериха, Нострадамуса, Вангу. Пластичность мифосознания позволяет включать в мировоззрение каббалистические операции с числами и буквами¹⁵, чудесные исцеляющие продукты¹⁶, цигун и боевые искусства.

Используемые сторонниками обоих учений идеи и сюжеты показывают, что христианская составляющая в них относительно невелика. Она служит легитимирующей оболочкой, в которую включены идеи, принадлежащие другим верованиям, либо сконструированные основателями общин. При этом учения внутренне непротиворечивы. В них четко определена роль лидера и выстроена стратегия поведения последователей, – общине и вне её. Детальное рассмотрение позволяет вычленить систему ценностей, принципы отношения к другим религиям и неверующим, выделить объекты поклонения, основания для взаимоотношения человека и сакрального начала. Совокупность полученных данных, по нашему мнению, достаточна для установления места рассматриваемых общин в отечественном конфессиональном пространстве.

Очевидно, обе организации не могут быть отнесены к традиционным течениям в христианстве в силу значительных отличий в вероучении и практике. Очень спорна и их атрибуция как христианских в принципе, поскольку верующими в полной мере не исповедуется ни один из пунктов Никео-Константинопольского символа веры. Присутствие элементов других религий минимально и почти вытеснено использованием большого числа авторских мифологем. Синкретические культовые практики указывают на то, что в лице обоих общин сложились самостоятельные сообщества, требующие не расширения классификационной схемы, а выделения нового типа современных религиозных групп.

Заключение. Логика развития религиозного сознания в последние полвека и связанное с этим продуцирование идей показывает, что все меньше остается совпадений и точек соприкосновения между различными феноменами конфессиональной сферы. Новые доктрины и культовые практики не только включают в себя образы и сюжеты, принадлежащие другим религиям, но и активно оперируют концепциями светского и даже научного характера.

В этом отношении используемое автором понятие современных религиозных групп отчасти пересекается в смысловом отношении с концепцией новых религиозных движений, которым посвящен упомянутый огромный массив работ за рубежом и в нашей стране (подробнее

¹⁵ Турышев О., Турышева М. Эльбрус // Турышевы, Олег и Мария. Каменный пояс. Поэмы. Пермь: ИП Турышев, 2013. С. 47.

¹⁶ Активатор здоровья Давир. URL: <https://www.promed.pro/davir5> (дата обращения: 15.05.2023).

см.: [Рязанова, 2021]). НРД, на первый взгляд, представляют собой возможный ответ на вопрос об аффилиации исследуемых общин. Однако не стоит забывать, что само это понятие изначально имело локальное применение и касалось религиозных объединений, возникших в определенное время на фиксированной территории. Феномены конфессиональной сферы, сформировавшиеся в России, обладают собственной спецификой, обусловленной историей религии и культуры страны, а также социально-культурным контекстом своего возникновения. Отсутствие связываемых с НРД характеристик – таких как модернизированная обрядность, дополненная инокультурными новациями, особый стиль жизни [Wilson, 2005], наличие новых структур социальной солидарности, апокалиптизм, организационная открытость [Campbell, 1978; Stone, 1978], интенсивный прозелитизм [Ткачева, 1989; 1991], – заставляют искать другие определения для общин, которые возникают в последнее время в российской культуре.

Мы предлагаем при установлении идентичности конфессиональных объединений такого рода отказаться от использования исключительно категориального аппарата наук о религии и рассматривать данные общины вне конфессиональных рамок – как феномены современного социального пространства, имеющие в своем содержании элементы религиозных сознания и образа жизни наряду с составляющими, не относящимися к религии. Выделение феноменов такого рода пограничных для религиозной и светской сфер культурной жизни, меняет принцип формирования типологии социальных сообществ новейшего времени. Основаниями выстраивания новых типологий должен стать структурный анализ учения и деятельности, позволяющий по наличию разных компонентов относить группу к определенному типу сообществ. Описание каждого типа предполагает перечисление наиболее значимых черт доктрины и всех видов деятельности такого сообщества и его роли в общественной жизни. Такая типология позволит отказаться от использования терминов «квазирелигия», «псевдорелигия», «религиоподобные объединения» и т.п.

Помещенные в такую типологическую систему предложенные к рассмотрению сообщества мы определяем как социальные группы, управляемые лидером харизматического типа, использующие эволюционирующую доктрину синтетического характера и авторскую культовую практику. Они не относятся исключительно к религиозным феноменам в силу использования социальных инструментов и стратегии поведения, характерных для науки, экономики, политики и т.д. Общины такого рода предлагают собственные модели социальной сборки, рассчитанные на ограниченный круг членов, но обладающие высоким потенциалом для консолидации группы¹⁷. Использование разнородных инструментов организации социальной жизни (бизнес, патриотические проекты, система дополнительного образования и др.) позволяет сообществам не только интегрироваться в современное общество, но и легитимировать собственную деятельность, выводя ее за пределы законодательства, связанного с вопросами свободы совести и религиозной деятельности. Тем самым мы можем говорить о таких новых группах, как одной из эффективных моделей организации социальной жизни, обладающих высоким уровнем жизнеспособности и гибкой системой адаптации, что позволяет прогнозировать их длительное существование и дальнейшую эволюцию.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Социально-демографические характеристики информантов

№ Характеристики

1. Олег и Мария Турышевы, руководители «Церкви-Семьи апостола Иоанна и Марии Магдалины».
2. Александр Васечкин, пресвитер церкви классических пятидесятников.
3. Сергей Хватков, бывший член Покровской обители.
4. О. К., жен., образование высшее, бывший член «Церкви-Семьи Божьей».
5. А. К. муж., образование высшее, и М. К., жен., образование высшее, бывшие активисты «Церкви-Семьи Божьей».
6. А. К. муж., образование высшее, бывший член «Церкви-Семьи Божьей».

¹⁷ Неслучайно часть бывших членов обеих групп, выведенных за пределы сообщества, сочли это социальной катастрофой для себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасенко Я.А. Социально-философский анализ становления новой религии. Дисс. ... канд. филос. н. Пермь, 2000.
- Балагушкин Е.Г. Критика современных нетрадиционных религий (истоки, сущность, влияние на молодежь Запада). М., 1984.
- Баркер А.В. Новые религиозные движения: Практическое введение. СПб.: РХГИ, 1997.
- Горюнов Д.В. К социокультурной адаптации новых религиозных организаций // Вопросы культурологии. 2021. № 5. С. 387–392.
- Горюнов Д.В. Новые религии в пространстве города Перми // Современный город: власть, управление, экономика. 2018. Т. 1. С. 181–189.
- Горюнов Д.В. Эволюция и адаптация новых религиозных организаций в пермском регионе // Проблемы гражданского единства российской нации. Мат. к Межд. науч.-практ. конф. / Отв. ред. М.Г. Писманик. Пермь, 2016. С. 215–221.
- Гуревич П.С. Нетрадиционные религии на Западе и восточные религиозные культы. М., 1985.
- Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте. Сб. ст. / Под ред. Ж.В. Кормина, А.А. Панченко, С.А. Штырков. СПб.: ЕУ в СПб., 2015.
- Религиозные практики в современной России. Сб. ст. / Под ред. К. Русселе, А. Агаджаняна. М.: Новое изд-во, 2006.
- Рязанова С.В. «Народное богословие» в церкви «Семья божия»: сюжеты, образы, мифы // Вестник ПНИПУ. 2019. № 1. С. 85–100.
- Рязанова С.В. Закрытое религиозное сообщество: стратегия складывания и принципы функционирования // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2. С. 86–100.
- Рязанова С.В. Закрытые сообщества как феномен современной религиозной жизни // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2021. Вып. 96. С. 119–135.
- Рязанова С.В., Михалева А.В. Феномен женской религиозности в постсоветском обществе: региональный аспект. Пермь: ПГУ, 2011.
- Рязанова С.В. Диалог Запада и Востока и феномен неоориенталистских культов. Дисс. ... канд. филос. н. Пермь, 1998.
- Синелина Ю.Ю. Динамика религиозности россиян // Памяти Юлии Юрьевны Синелиной. Научные труды, воспоминания. М.: ИСПИ РАН, 2014. С. 146–168.
- Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии. Сб. ст. / Под ред. Ж.В. Кормина, А.А. Панченко, С.А. Штыркова. СПб.: ЕУ в СПб., 2006.
- Ткачева А.А. «Новые религии» Востока. М., 1991.
- Ткачева А.А. Индуистские мистические организации и диалог культур. М., 1989.
- Asad T. The Construction of Religion as an Anthropological Category // A reader in the anthropology of religion. Michael Lambek ed. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2008. P. 110–126.
- Beckford J.A. Cults, Controversy and Control: A Comparative Analysis of the Problems Posed by New Religious Movements in the Federal Republic of Germany and France // Sociological Analysis. 1981. No. 42. Vol. 3. P. 249–264.
- Berger A.L. Hasidism and Moonism: Charisma in the Counterculture // Sociological Analysis. 1981. No. 41. Vol. 4. P. 375–390.
- Borovik I. Institutional and private religion in Poland // New religious phenomena in Central and Eastern Europe. Krakow: Nomos, 1997. P. 235–255.
- Bourg C.J. Religion in the City of Man // Sociological Analysis. 1984. No. 45. Vol. 2. P. 99–105.
- Bull M. The Seventh-day Adventists: Heretics of American Civil Religion // Sociological Analysis. 1989. No. 50. Vol. 2. P. 177–187.
- Campbell B.A. Typology of Cults // Sociological Analysis. 1978. No. 39. Vol. 3. P. 228–240.
- Dobbelaere K. Assessing secularization theory // New Approaches to the Study of Religion. Berlin, 2004. Vol. 2. P. 229–253.
- Kippenberg H.G. Religious History, Displaced by Modernity // Religions in the Disenchanted World. Numen. 2000. Vol. 47. No. 3. P. 221–243.
- Kisala R. Urbanization and religion // New Approaches to the Study of Religion. Berlin, 2004. Vol. 2. P. 255–274.
- Krech V., Rademacher M. Sequence analysis // The Routledge Handbook of Research Methods in the Study of Religion. 2nd ed. L.: Routledge, 2021. P. 445–460.
- Mitchell C. The Religious Content of Ethnic Identities // Sociology. 2006. BSA Publications Ltd. Vol. 40(6). P. 1135–1152.
- Robbins T., Anthony D., Richardson J. Theory and Research of Today's "New Religions" // Sociological Analysis. 1978. No. 39. P. 95–122.

- Satlow M.L. Disappearing cathogories: using cathogories in the study of religion // *Method & Theory in the Study of Religion*, Vol. 17. No. 4(2005). P. 287–298.
- Srinivas S. Urban forms of religious practice // *Sociology*. 2012. April 5. P. 67–79.
- Stone D. New Religious Consciousness and personal religious Experience // *Sociological Analysis*. 1978. No. 39. Vol. 2. P. 123–134.
- Wilson B. Religious Sects. N. Y., 1970.
- Wilson B.R. Absolutes and relatives: two problems for new religious movements // *Challenging Religion. Essays in honor of Eileen Barker* / Ed. by J.A. Beckford, J.A. Richardson. L., N. Y., 2005. P. 11–20.

Статья поступила: 18.09.23. Финальная версия: 14.03.24. Принята к публикации: 01.04.24.

LIMITS OF DOCTRINAL IDENTIFICATION OF A RELIGIOUS GROUP – THE CASE OF TWO RELIGIOUS COMMUNITIES IN THE KAMA REGION

RYAZANOVA S.V.

Institute of Humanitarian Researches of PFRC UB RAS, Russia

Svetlana V. RYAZANOVA, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Leading researcher of the Institute of Humanitarian Researches of PFRC UB RAS, Perm, Russia (svet-ryazanova@yandex.ru).

Abstract. The article aims at the identification of new religious groups with a specific focus on local religious communities. Various sources were utilized in the research, including audio recordings of seminars held within one of the groups, interviews, participant observations, photographs, personal correspondence with former members, and sacred literature. The primary objective of the study was to determine the group's place within the established classification of religions. The analysis revealed that relying solely on self-identity and cult practices is inadequate for establishing the religious identity of the community. To address this, the author opted to analyze the doctrines of the groups as the basis for identification. The most stable and frequently mentioned categories were selected for consideration. The findings indicated that while the groups claimed affiliation with the Christian tradition, this association was formal and limited to traditional imagery and narratives. Both teachings examined contained a significant number of elements borrowed from other religions, particularly in terminological aspects. Additionally, they extensively employed mythological principles to describe the world and acknowledged the use of magical practices. The incorporation of non-religious techniques and forms of activity, along with secular terminology and popular scientific data, led the author to conclude that these groups cannot be defined as religious solely. Instead, they occupy a liminal position in the social space and represent a new model of people's consolidation.

Keywords: new religious groups, problem of identification, self-identification, cult practice, doctrine.

REFERENCES

- Afanasenko Ya. (2000) *A. Social and philosophical analysis of the formation of a new religion*. Diss. ... cand. philos. sci. Perm. (In Russ.)
- Asad T. (2008) The Construction of Religion as an Anthropological Category. In: *A reader in the anthropology of religion*. Michael Lambek ed. Malden, MA: Blackwell Publishing: 110–126.
- Balagushkin E.G. (1984) *Criticism of modern non-traditional religions (sources, essence, influence on the youth of the West)*. Moscow. (In Russ.)
- Barker A.V. (1997) *New Religious Movements: A Practical Introduction*. St. Petersburg: RHGI. (In Russ.)
- Beckford J.A. (1981) Cults, Controversy and Control: A Comparative Analysis of the Problems Posed by New Religious Movements in the Federal Republic of Germany and France. *Sociological Analysis*. No. 42. Vol. 3: 249–264.
- Berger A.L. (1981) Hasidism and Moonism: Charisma in the Counterculture. *Sociological Analysis*. No. 41. Vol. 4: 375–390.
- Borovik I. (1997) Institutional and private religion in Poland. *New religious phenomena in Central and Eastern Europe*. Krakow: Nomos: 235–255.
- Bourg C.J. (1984) Religion in the City of Man. *Sociological Analysis*. No. 45. Vol. 2: 99–105
- Bull M. (1989) The Seventh-day Adventists: Heretics of American Civil Religion. *Sociological Analysis*. No. 50. Vol. 2: 177–187.
- Campbell B. (1978) A Typology of Cults. *Sociological Analysis*. No. 39. Vol. 3: 228–240.

- Dobbelaere K. (2004) Assessing secularization theory. *New Approaches to the Study of Religion*. Vol. 2. Berlin: 229–253.
- Dreams of the Virgin Mary. Studies in the anthropology of religion*. (2006) Ed. Zh.V. Kormina, A.A. Panchenko, S.A. Shtyrkov. St. Petersburg: EU v SPb. (In Russ.)
- Goryunov D.V. (2016) Evolution and adaptation of new religious organizations in the Perm region. In: *Problems of civil unity of the Russian nation*. Mat. for the Intern. scient. and pract. conf. Ed. M.G. Pismanik. Perm: 215–221. (In Russ.)
- Goryunov D.V. (2018) New religions in the space of the city of Perm. *Sovremennii gorod: vlast', upravleniie, ekonomika* [Modern city: power, management, economics]. Vol. 1: 181–189. (In Russ.)
- Goryunov D.V. (2021) On the sociocultural adaptation of new religious organizations. *Voprosy kul'turologii* [Questions of cultural studies]. No. 5: 387–392. (In Russ.)
- Gurevich, P.S. (1985) *Non-traditional religions in the West and eastern religious cults*. Moscow. (In Russ.)
- Kippenberg H.G. (2000) Religious History, Displaced by Modernity. *Religions in the Disenchanted World*. *Numen*. Vol. 47. No. 3: 221–243.
- Kisala R. (2004) Urbanization and religion In: *New Approaches to the Study of Religion*. Berlin, Vol. 2: 255–274.
- Krech V., Rademacher M. (2021) Sequence analysis. *The Routledge Handbook of Research Methods in the Study of Religion*. 2nd ed. London: Routledge: 445–460.
- Mitchell C. (2006) The Religious Content of Ethnic Identities. In: *Sociology*. BSA Publications Ltd. Vol. 40(6): 1135–1152.
- Religious practices in modern Russia*. (2006) Ed.K. Rousselet, A. Agadzhanian. Moscow: Novoe izd-vo. (In Russ.)
- Robbins T., Anthony D., Richardson J. (1978) Theory and Research of Today's "New Religions". *Sociological Analysis*. No. 39: 95–122.
- Ryazanova S.V. (1998) *Dialogue between West and East and the phenomenon of neo-Orientalist cults*. Diss. ... cand. philos. sci. Perm.
- Ryazanova S.V. (2019) "People's Theology" in the Church "God's Family": plots, images, myths. *Vestnik PNIPU* [Bulletin of PNIPU]. No. 1: 85–100. (In Russ.)
- Ryazanova S.V. (2020) Closed religious community: strategy of folding and principles of functioning. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological science and practice]. No. 8: 2: 86–100. (In Russ.)
- Ryazanova S.V. (2021) Closed communities as a phenomenon of modern religious life. *Vestnik PSTGU. Ser. I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie* [Bulletin of PSTGU. Series I: Theology. Philosophy. Religious studies]. No. 96: 119–135. (In Russ.)
- Ryazanova S.V., Mikhaleva A.V. (2011) *The phenomenon of female religiosity in post-Soviet society: regional aspect*. Perm: PGU. (In Russ.)
- Satlow M.L. (2005) Disappearing categories: using categories in the study of religion. *Method & Theory in the Study of Religion*. Vol. 17. No. 4: 287–298.
- Sinelina Iu. Iu. (2014) Dynamics of religiosity of Russians. In: In memory of Yulia Yuryevna Sinelina. Scientific works, memoirs. Moscow: ISPI RAN: 146–168. (In Russ.)
- Srinivas S. (2012) Urban forms of religious practice. *Sociology*. April 5: 67–79.
- Stone D. (1978) New Religious Consciousness and personal religious Experience. *Sociological Analysis*. No. 39: 2: 123–134.
- The invention of religion: desecularization in the post-Soviet context*. (2015) Ed. Zh.V. Kormina, A.A. Panchenko, S.A. Shtyrkov. St. Petersburg: EU v SPb.
- Tkacheva A.A. (1989) *Hindu mystical organizations and the dialogue of cultures*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Tkacheva A.A. (1991) "New Religions" of the East. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Wilson B. (1970) *Religious Sects*. New York.
- Wilson B.R. (2005) Absolutes and relatives: two problems for new religious movements. In: *Challenging Religion. Essays in honor of Eileen Barker*. Ed. by J.A. Beckford, J.A. Richardson. London, New York: 11–20.

Received: 18.09.23. Final version: 14.03.24. Accepted: 01.04.24.

© 2024 г.

А.И. АНТОНОВ, В.М. КАРПОВА

ВАРИАТИВНОСТЬ ЛИНИЙ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ТИПОВ РЕПРОДУКТИВНОГО ЦИКЛА

АНТОНОВ Анатолий Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии (antonov_ai@mail.ru); КАРПОВА Вера Михайловна – кандидат социологических наук, старший преподаватель той же кафедры (wmkarpova@yandex.ru). Оба – социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Аннотация. В статье проводится анализ линий репродуктивного поведения, прослеживаемый на основе истории беременностей, предлагается классификация типов репродуктивного цикла. В основе статьи лежат теоретические построения типологизации и оценка распространенности линий репродуктивного поведения, полученная на основе данных репрезентативного исследования СеДОЖ-2019. Изучение истории беременности 1005 участников исследования показывает высокую однородность линий репродуктивного поведения, паттерны повторения одинаковых типов репродуктивных циклов. Статистически значимо преобладание стратегии избегания новых беременностей после рождения второго ребенка. Прослеживается взаимосвязь: в случае полного удовлетворения потребности в детях в большинстве случаев (более 80%) новая беременность не наступает, свидетельствуя о ведущей роли ценностной составляющей в регулировании репродуктивного поведения. Сравнение поведения разных социально-демографических групп респондентов показало небольшие отличия: более молодые образованные женщины чаще выбирают стратегии, включающие применение контрацепции и избегания аборт. Результаты проанализированы с точки зрения проектирования мер демографической политики.

Ключевые слова: линии репродуктивного поведения • типы репродуктивного цикла • потребность в детях • рождаемость

DOI: 10.31857/S0132162524040079

Введение. Демографическое положение России остается сложным на протяжении последних десятилетий – тенденции роста рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни 2010–2015 гг. сменились снижением показателей¹. Корректировка социальной и демографической политики и смена целевой аудитории имеет не столько стимулирующий, сколько негативный эффект, вызывая недоверие общества и непоследовательное репродуктивное поведение в попытке «успеть» за льготами и пособиями. Дискуссии вокруг очередности оказания поддержки привели к тому, что материнский капитал практически был

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 23-28-00518.

¹ Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад-2020 / Отв. ред. С.В. Рязанцев. М.: Объединенная редакция, 2020. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Nats_demograf_doklad_2020.pdf (дата обращения: 20.02.2024).

перенесен со второго ребенка на первого. Такая политика не стимулирует рождение третьих и последующих детей, от которых зависит существенное повышение суммарного коэффициента рождаемости до уровня простого воспроизводства ($СКР = 2,15$)².

Изучение опыта многодетных семей, их истории беременностей и рождения может дать ответы на вопрос, что повышает интенсивность рождаемости и способно увеличить долю многодетных посредством распространения подобного образа жизни. Понимание того, как принимаются решения о рождении третьего, четвертого и последующих детей и как формируется норма поведения, может стать основой определения мер демографической политики, направленных на распространение многодетности. Наряду с опытом многодетных семей необходимо проводить анализ историй семей, которые не стали многодетными: возможен поиск факторов, препятствующих рождению большего числа детей, а сравнение с историями многодетных семей может позволить найти пути преодоления этих препятствий или источники дополнительной мотивации к рождению трех и более детей.

Целью данной работы является изучение репродуктивного поведения, построение и сравнительный анализ линий репродуктивного поведения женщин с разным итоговым числом рожденных детей. В ходе реализации данной цели предполагается определение характерных паттернов репродуктивного поведения, последовательностей репродуктивных событий, выявление социально-демографических факторов выбора линий репродуктивного поведения, приводящих к рождению большего числа детей, поиск препятствий на этом пути.

Одна из важных задач работы – выявление особенностей линий репродуктивного поведения в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов и их ценностных ориентаций. Современные работы показывают незначительное влияние социально-демографической дифференциации рождаемости в рамках массового распространения малодетного образа жизни [Синельников, 2023]. Исследователи отмечают традиционные факторы репродуктивного поведения: уровень образования, материальное положение и жилищные условия, и такие как оценка перспектив совмещения материнства и занятости, актуальная для женщин с высоким уровнем образования [Архангельский и др., 2020], уверенность в стабильности социально-экономического положения [Филимонова и др., 2023], доступность современных технологий, которая может положительно влиять на совмещение материнства и профессиональной занятости [Калабихина и др., 2020]. Перечисленные факторы оказывают влияние в рамках существующей потребности в детях и помогают полноте ее реализации, в то время как основное влияние на рождаемость и выбор многодетного образа жизни оказывают ценностные ориентации [Калачикова, Короленко, 2018; Архангельский, 2006] и репродуктивные установки [Аргунова, 2023].

Постановка проблемы. Под репродуктивным поведением понимается система действий и отношений, опосредующих рождение/отказ от рождения ребенка в браке/вне брака. В рамках изучения репродуктивного поведения прослеживаются линии репродуктивного поведения на протяжении брачной и индивидуальной истории, включающие разные типы репродуктивного цикла в зависимости от сочетания проблемных и рутинных ситуаций. Данные два типа ситуаций отличаются результатами репродуктивного поведения: рутинные ситуации характеризуются ожидаемыми результатами поведения (неприменение контрацепции, зачатие, рождение ребенка), проблемные – неожиданными (неприменение контрацепции, отсутствие зачатия).

В медицинских исследованиях учитывается история беременностей женщины на разных стадиях жизни; социологические исследования анализируют не просто последовательность ситуаций репродуктивного цикла, но и социальный контекст, то, как определяются ситуации, способствующие/препятствующие осуществлению зачатия, развитию беременности и рождению ребенка.

² Демографические исследования / Отв. ред. А.И. Антонов. М.: КДУ, 2009. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004341919/?ysclid=lugnkstzi8704872437 (дата обращения: 20.02.2024).

Исследователи обращались к изучению репродуктивных историй и линий репродуктивного поведения, в том числе многодетных семей. Наиболее ранние исследования проходили в прошлом веке в рамках опросов двухдетных семей и изучения линий репродуктивного поведения перед рождением первого и второго ребенка [Семья и дети..., 1982; Антонов, Медков, 1987]. В современных исследованиях, основанных на количественных данных, чаще внимание уделяется линиям поведения однодетных и двухдетных семей [Архангельский, Зайко, 2021], так как доля многодетных крайне мала при выборочных исследованиях и недостаточна для анализа. Проведение исследований, имеющих предметом многодетные семьи, обычно ограничивается вопросами об исходах беременности [Антонов, 2009]. В качестве альтернативы можно отметить исследования на основе биографических интервью с многодетными семьями, которые позволяют глубже погрузиться в изучение образа жизни и процесса формирования семей [Павлюткин и др., 2021]. Получение детальной информации о репродуктивной истории связано с большим количеством однотипных и сенситивных вопросов (контрацепция, исходы беременности), которые не используются в массовых опросах, либо представлены в сокращенном виде (вопросы только об исходах беременности).

Среди зарубежных исследований репродуктивной истории можно упомянуть ряд работ, основывающихся на анализе данных демографических и медицинских исследований (DHS – Demographic and Health Surveys)³, – сборе данных о репродуктивных событиях и последовательности рождении детей. Зачастую темами анализа становятся вопросы прерывания беременности [Zahan, Feng, 2020; Mehata et al., 2019], контрацепции [Bakibinga et al., 2016; Bwalya et al., 2023] и репродуктивного здоровья [Darteh et al., 2019], но социологический анализ репродуктивных историй, поиск факторов увеличения рождаемости отсутствует.

Эмпирическая база и метод исследования. В данной работе представлены результаты анализа блока вопросов об исходах беременностей, полученные в рамках исследования СеДОЖ-2019⁴. Исследование проводилось в 2018–2019 гг. под руководством сотрудников кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, совокупная выборка исследования составила 1180 супружеских пар, возраст супругов от 18 до 71 лет (медианный возраст мужчин – 46 лет, женщин – 43 года, возрастное распределение соответствует распределению семей по возрасту супругов по данным микропереписи 2015 г.), подавляющее большинство которых (90,0%) состоят в зарегистрированном браке. В связи со спецификой целевой аудитории исследования у большинства респондентов есть дети (87,7%), практически у половины (43,7%) – младше 18 лет. Всего в исследовании СеДОЖ-2019 были представлены 1005 ответов женщин об истории беременностей (из 1180 опрошенных были исключены те, у кого не было беременностей (117 человек, 9,9%), и отказавшиеся отвечать на вопросы об истории беременностей (58 человек, 5,0%). Расчеты проводились на совокупности из 1005 респондентов. Опрос проводился среди городского населения ряда регионов России: в Москве и Московской области, Краснодарском крае, Владимирской и Курской областях, Свердловской области и в Башкортостане. Основной массив опрошенных приходился на соответствующие областные центры, однако были представлены и менее крупные города перечисленных регионов. Изначально СеДОЖ-2019 проводилось как межрегиональное исследование семейно-детного образа жизни, однако благодаря наличию в анкете подробного блока вопросов о полной истории беременностей было принято решение о возможном использовании полученных данных для изучения многообразия и распространенности линий репродуктивного поведения.

³ The Demographic and Health Surveys (DHS) Program. URL: <https://dhsprogram.com/> (дата обращения: 28.04.2024).

⁴ Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / Под ред. А.И. Антонова. М.: МАКС Пресс, 2020.

Процедура опроса супружеских пар была организована при помощи CAPI, анкетирование каждого из супругов проводилось отдельно, чтобы избежать искажения ответов, вызванного присутствием супруга. Для этого общение происходило с двумя интервьюерами одновременно (в разных помещениях), либо один интервьюер беседовал последовательно с каждым из супругов.

Для анализа данных применялся статистический метод. Рассматривались абсолютные и относительные показатели распространенности линий репродуктивного поведения. При сравнении социально-демографических групп населения использовался метод Хи-квадрат, попарные сравнения делались на основе z-теста с применением поправки Бонферрони на множественные сравнения и при помощи t-теста для независимых выборок при анализе средних значений. Пороговое р-значение для определения статистически значимых отличий принято за 0,05.

Результаты и обсуждение. В ходе анализа данных была проведена классификация возникающих ситуаций репродуктивного цикла в зависимости от применения контрацепции и исходов беременности. Всего было выделено 6 типов ситуаций репродуктивного цикла (табл. 1). Логика выделения типов репродуктивного цикла основывалась на интенсивности вмешательства в естественный ход событий в цикл «коитус – зачатие – роды». Здесь возможно выделить три уровня: 1) от естественного хода, то есть полного невмешательства, выраженного в отсутствии применения контрацепции и искусственного аборта, через 2) применение контрацепции, но в случае беременности аборт не совершается и до 3) ситуации, когда в случае наступления беременности совершается искусственный аборт. Опираясь на типологию рутинных и проблемных ситуаций репродуктивного цикла [Социология семьи, 2015: 399–402], последнюю группу можно разделить на две подгруппы: рутинным будет совершение аборта после контрацептивной осечки, проблемной ситуацией будет совершение аборта при неприменении контрацепции. Аналогично рутинными ситуациями репродуктивного цикла будут рождение ребенка без применения контрацепции и отсутствие рождения вследствие естественных причин (выкидыш) после применения контрацепции. Проблемными ситуациями будут отсутствие рождения при неприменении контрацепции и рождение, наступившее после контрацептивной осечки (табл. 1). При работе с реальными данными, учитывая ретроспективный характер исследования (респондентов просили вспомнить все репродуктивные события жизни) некоторые затруднялись с ответом на вопрос о применении контрацепции, однако называли исходы беременности. Таким образом были получены еще три ситуации, которые фиксировали только исход беременности («нет данных о ПК – Р», «нет данных о ПК – ОР» и «нет данных о ПК – ИА»).

Основываясь на этой типологии, можно анализировать последовательности комбинаций репродуктивного цикла, которые в целом составляют репродуктивную историю. Одной из задач исследования было определение и оценка степени распространенности паттернов поведения применительно к социально-демографическим параметрам.

Таблица 1

Типология ситуаций репродуктивного цикла

Комбинации событий и ситуации репродуктивного цикла	Исходы беременности		
	Рождение ребенка	Отсутствие рождения по естественным причинам	Искусственный аборт
Применение контрацепции	ПК-Р	ПК-ОР	ПК-ИА
Неприменение контрацепции	НПК-Р	НПК-ОР	НПК-ИА

Примечание. Серой заливкой отмечены проблемные ситуации репродуктивного цикла, белой – рутинные. Сокращения: «(Н)ПК» – (не)применении контрацепции, «ИА» – искусственный аборт, «Р» – рождение ребенка, «ОР» – отсутствие рождения по естественным причинам.

Поскольку у большинства респондентов в ходе опроса было зафиксировано несколько беременностей, то изначально проводился анализ обобщенной совокупности всех типов репродуктивного цикла ($N = 2264$ на основе 1005 историй беременностей). Наиболее частыми были комбинации репродуктивного цикла, основанные на естественном ходе событий «коитус – зачатие – роды» без вмешательства со стороны женщины (66,7%), причем большинство из них заканчиваются родами (88,1%). Применение контрацепции до наступления беременности отмечалось в 14,8% типов репродуктивного цикла, среди которых 86,0% закончились родами. Совершение аборта после неприменения контрацепции происходило в 7,9% комбинаций репродуктивного цикла, 3,2% типов цикла были классифицированы как рутинное определение ситуации (аборт после контрацептивной осечки). Еще 7,4% комбинаций репродуктивного цикла невозможно строго классифицировать в связи с отсутствием информации о применении контрацепции, однако 5,5% закончились родами, 1,4% искусственным абортом и 0,5% отсутствием рождения по естественным причинам.

Если говорить о репродуктивной истории в целом, то можно отметить, что среди всех 1005 историй беременности в 82,0% не встречалось искусственных абортов. Стратегия полного невмешательства, то есть неприменения контрацепции и абортов наблюдается у 57,2% респонденток, а 16,9% хотя бы раз применяли контрацепцию перед наступлением беременности. Следует оговориться, что при анкетировании задавался вопрос о факте применения контрацепции непосредственно перед наступлением беременности, что не исключает применения контрацепции ранее, которое могло прекратиться в связи с желанием родить ребенка.

Менее пятой части респондентов (18%) имеют опыт искусственных абортов, причем ситуация «применение контрацепции – зачатие (контрацептивная осечка) – искусственный аборт» характерна для 8,0% случаев, а проблемная ситуация «неприменение контрацепции – искусственный аборт» встречалась у 9,1%. 8,7% опрошенных не указали данных о применении контрацепции и поэтому точная классификация невозможна, но 89,5% не прибегали к искусственным абортам.

Сравнение репродуктивной истории в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов выявило незначительные отличия. Так, репродуктивные истории без совершения абортов с применением контрацепции более распространены среди женщин 30–39 лет (21,0%) по сравнению со старшими (15,3%) ($p = 0,04$), с высшим образованием (19,7%) по сравнению со средним (11,2%) ($p = 0,001$) и не придерживающихся никакой религиозной ориентации (23,1%) по сравнению с теми, кто ответили, что принадлежат к одной из религий (15,8%) ($p = 0,023$). Для респонденток старше 40 лет и со средним образованием чаще, чем среди более молодых и с высшим образованием, встречается стратегия применения абортов при неприменении контрацепции (11,5% по сравнению с 6,2% в младших возрастных группах ($p = 0,018$); 13,3% по сравнению с 7,1% ($p = 0,001$) среди женщин со средним и высшим образованием соответственно). Сравнение репродуктивных историй по уровню дохода, занятости и жилищным условиям не проводилось, так как эти показатели могли существенно меняться на протяжении жизни респондента.

В исследовании требовалось понять, как происходит переход от бездетного образа жизни к рождению первого, второго и третьего ребенка. Среди рассмотренных историй беременностей в 98,4% случаев был рожден хотя бы один ребенок, при этом число респондентов, у которых рожден ровно один ребенок, составило 418 (41,6%), число двухдетных 423 (42,1%), трехдетных 116 (11,5%) и у 29 респондентов рождено 4 и более детей. Таким образом, база респондентов достаточна для прослеживания переходов от бездетности к однодетности ($N = 987$), двухдетности ($N = 568$) и трехдетности ($N = 145$).

Для анализа переходов каждое рождение рассматривалось в трех аспектах: какое поведение предшествовало рождению (были ли другие беременности, рождались ли

дети), как происходило рождение (применялась ли контрацепция перед ним), что происходило после рождения (продолжалась ли репродуктивная история).

Рождение первого ребенка происходило в большинстве случаев (88,0%) в первую беременность (табл. 2). Если этого не случалось, причины чаще всего были естественными (56,5% – случаи выкидышей, мертворождений). Средний возраст рождения первенца в представленном исследовании составил 24,2 лет, что соответствует среднему возрасту рождения первенца среди городского населения по данным переписи 2020 г. (24,4 лет)⁵. Половина ответов респондентов о возрасте рождения первенца была в рамках 21–27 лет. Если говорить о периоде непосредственно перед беременностью, то в 76,4% случаев респонденты говорили о естественном ходе репродуктивного цикла («коитус – зачатие – роды»), то есть контрацепция не применялась. 15,9% комбинаций относится к рождению первенца после контрацептивной осечки; для 7,7% не удалось получить информацию о применении контрацепции. В большинстве случаев родоразрешение проходило естественным образом (65,6%), а доля кесаревых сечений – 34,4%, причем зависимости от практики применения контрацепции до беременности не наблюдается ($\chi^2(1) = 2,731$, $p = 0,098$).

Для респондентов, у которых все дети родились в последнем браке⁶ был рассчитан протогенетический интервал, который составил в среднем 2,08 лет, что также хорошо соответствует данным, полученным в рамках Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2022 г. (РПН-2022)⁷, где для интервала 2018–2022 годов средний протогенетический интервал составил 25 месяцев.

Первый интергенетический интервал в половине случаев длится от 3 до 7 лет (среднее 5,18 лет)⁸ и в подавляющем большинстве случаев за это время других беременностей не происходит (86,9%). По сравнению с историей беременностей, предшествующей первым родам, между 1 и 2 рождением возрастает доля тех, кто совершал искусственные аборты – с 36,5 до 51,3%.

Средний возраст рождения второго ребенка 28,6 лет, половина вторых рождений происходит в интервале от 26 до 32 лет. Рождение второго ребенка, как и рождение первого, в 76,1% случаев происходит в рамках естественного репродуктивного цикла без применения контрацепции и оперативного вмешательства (65,2%). Прослеживается однозначная связь способов родоразрешения: наличие кесарева сечения в первых родах практически предопределяет операцию во вторых родах – в представленном исследовании в 2 случаях (1,1%) после первого кесарева произошли роды естественным путем. Современные медицинские исследования показывают гораздо более высокий потенциал родоразрешения путем вагинальных родов при наличии кесарева сечения в анамнезе (до 26,9%) [Вученович и др., 2020], однако по всей видимости в масштабах страны такая практика пока мало распространена.

Второй интергенетический интервал во многом похож на первый: он длится в половине случаев от 3 до 7 лет (среднее 5,48) и в большинстве случаев (83,8%) беременностей не происходит. Доля тех, кто родил троих детей и у кого между 2 и 3 рождением были другие беременности, в данном исследовании слишком мала для полноценного анализа, однако в этой группе существенно выше доля совершавших искусственные аборты (77,8%). Возможны две причины увеличения: во-первых, оно может быть не более чем статистическим артефактом, вызванным низким числом респондентов ($N = 24$), имевших беременности между вторым и третьим рождением. Во-вторых, несмотря на совершенные искусственные аборты, данные респонденты впоследствии родили третьего ребенка.

⁵ Всероссийская перепись населения – 2020. Т. 9. Рождаемость. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost (дата обращения: 10.02.2024).

⁶ Аналогичная методология применяется при расчетах протогенетического интервала в Выборочном наблюдении репродуктивных планов населения в 2022.

⁷ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 г. (РПН-2022). Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 10.02.2024).

⁸ По данным РПН-2022 – 5,3 лет.

То есть их изначальные репродуктивные установки предполагали рождение последующих детей, однако определение жизненной ситуации, состояние здоровья или желаемых сроков рождения в момент наступления беременности привело к откладыванию рождения.

Рождение третьего ребенка происходило в среднем в возрасте 32,5 лет, в половине случаев оно приходилось на интервал 29–36 лет. Обращает на себя внимание, что доля тех, кто не применял контрацепцию перед третьими родами, практически совпадает с предыдущими рождениями (79,9%), но снижается доля тех, кто родил ребенка посредством вагинальных родов (56,0%), так как за первые двое родов накопилось число имеющих опыт родоразрешения посредством кесарева сечения, что не позволило реализовать третьи роды «естественным путем».

Отдельного внимания с точки зрения продумывания мер демографической политики требует изучение репродуктивной истории *после* каждого из рождений. Именно в период *после* рождения первого, второго, третьего ребенка решается вопрос, будет ли следующее рождение. Как показали данные нашего исследования, репродуктивное поведение *после* рождения первого и последующих детей существенно различается (табл. 3). Если *после* первых родов в 63,5% случаев наступает новая беременность (которая в 57,7% случаев приводит к рождению второго ребенка), то *после* вторых родов распределение практически обратное: в 62,8% новая беременность не наступает. Среди возможных причин, из-за которых не наступает беременность, может быть возраст респондента или слишком небольшой интервал времени, который прошел между рождением ребенка и фактом интервью. Поэтому среди всех случаев отсутствия беременности *после* последнего рождения были выделены соответствующие подгруппы. Доли тех, у кого не было беременностей *после* последнего рождения из-за возраста (старше 40 лет) или из-за того, что интервью произошло в течение двух лет *после* последнего рождения, оказались малы (в сумме не более 3–4%). Основной прирост происходит за счет причин, которые наиболее вероятно заключаются в том или ином способе предохранения от беременности. К сожалению, инструментарий данного и многих схожих исследований^{9,10} не позволяет узнать, практиковалось ли применение контрацепции *после* последних родов, и если да, какое именно. Однако рост доли «других причин» отсутствия беременности *после* рождения второго ребенка с последующей стабилизацией *после* рождения третьего говорит о том, что «нежелательные» беременности просто не наступают.

Отдельный интерес представляют случаи, когда беременности наступают, но рождения нового ребенка не происходит: доля таких историй растет с 5,9% *после* первого рождения до 10–11% *после* второго и третьего. Любопытно, что меняется структура причин ненаступления рождения *внутри* этих групп: если *после* первого и второго ребенка в случае беременности, которая не оканчивается родами, искусственный аборт является причиной в 2/3 случаев, то *после* третьего рождения практически все беременности, которые не привели к рождению ребенка, были прерваны искусственно.

Сравнение линий репродуктивного поведения в зависимости от социально-демографических характеристик женщин проводилось в разрезе возраста (что позволяло сравнить поведение различных поколений), уровня образования и религиозности. Другие показатели социально-демографического положения могли сильно меняться от одной беременности к другой, и знание их состояния на момент интервью не позволяет корректно проследить влияние таких факторов, как материальное положение, занятость, самооценка уровня дохода, жилищные условия, место проживания.

Для проведения сравнительного анализа все ситуации репродуктивного цикла были объединены в последовательность и затем классифицированы в зависимости от наличия

⁹ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 г. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 10.02.2024).

¹⁰ Репродуктивное здоровье населения 2011: резюме отчета. Росстат. Министерство здравоохранения РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/zdravo-2011.pdf> (дата обращения: 10.02.2024).

Таблица 2

Линии репродуктивного поведения и ситуации репродуктивного цикла

	Линии репродуктивного поведения					
	Перед 1 рождением	1 рождение	Между 1 и 2 рождением	2 рождение	Между 2 и 3 рождением	3 рождение
	N = 987	N = 987	N = 987	N = 568	N = 568	N = 145
Линии репродуктивного поведения						
Нет других беременностей	88,0%	Средний возраст рождения (лет)	24,2	86,9%	Средний возраст рождения (лет)	28,6
Есть другие беременности	12,0%	Первый/Третий квартал (лет)	21/27	13,1%	Первый/Третий квартал (лет)	26/32
Средний протогенетический интервал (лет)*	2,08			5,18	Средний интергенетический интервал (лет)	5,48
Первый/Третий квартал (лет)	0/3			3/7	Первый/Третий квартал (лет)	3/7
					Нет беременностей между 2 и 3 рождением	83,8%
					Есть беременности между 1 и 2 рождением	16,2%
					Средний интергенетический интервал (лет)	5,48
					Первый/Третий квартал (лет)	3/7
					Средний возраст рождения (лет)	32,5
					Первый/Третий квартал (лет)	29/36
Ситуации репродуктивного цикла						
	В случае если перед рождением есть беременности (N = 119)**		В случае если между рождениями есть беременности (N = 75)**		В случае если между рождениями есть беременности (N = 24)**	
НПК-ОР	56,5%	НПК-Р	76,4%	НПК-ОР	39,4%	НПК-Р
ПК-ОР	8,1%	ПК-Р	15,9%	ПК-ОР	12,0%	ПК-Р
ПК-ИА	10,6%	НД	7,7%	ПК-ИА	13,2%	НД
НПК-ИА	25,9%			НПК-ИА	38,3%	
НД	3,9%			НД	3,5%	
Среднее число беременностей	1,23			Среднее число беременностей	1,29	
					НПК-ОР	18,9%
					ПК-ОР	3,1%
					ПК-ИА	19,8%
					НПК-ИА	60,2%
					НД	0%
					Среднее число беременностей	1,42
					НПК-Р	79,9%
					ПК-Р	14,3%
					НД	5,8%

Примечание. Сокращения, принятые в таблице: «(Н)ПК-ОР» – (не)применение контрацепции, отсутствие рождения (выкидыш, мертворождение); «(Н)ПК-Р» – (не)применение контрацепции, рождение ребенка; «(НПК)-ИА» – (не)применение контрацепции, искусственный аборт; «НД» – нет данных о применении контрацепции. * средний протогенетический интервал рассчитан для тех, у кого все дети родились в единственном браке; ** сумма может превышать 100%, так могло произойти несколько беременностей.

Источник: расчеты авторов на основе массива СеДОЖ-2019.

Таблица 3

Линии репродуктивного поведения после рождения ребенка, в %

	После рождения 1-го ребенка (N = 987)	После рождения 2-го ребенка (N = 568)	После рождения 3-го ребенка (N = 145)
Не было беременностей	36,5	62,8	69,2
В том числе:			
После рождения до момента интервью прошло менее 2 лет	2,5	2,4	1,9
Возраст рождения последнего ребенка 40+	0,2	0,7	11,2
Другие причины	33,8	59,6	56,0
Были беременности	63,5	37,2	30,8
В том числе			
Рождение последующего ребенка сразу	50,1	21,4	19,2
Рождение последующего ребенка через 1+ беременность	7,6	4,1	0,9
Были беременности, не было рождений	5,9	11,7	10,7
Из них			
закончились ИА	3,7	7,7	10,3
закончились ОР	2,6	4,4	0,4

Источник: расчеты авторов на основе массива СеДОЖ-2019.

в репродуктивной истории тех или иных событий. Были выделены единообразные репродуктивные истории, которые состояли из последовательности одинаковых ситуаций репродуктивного цикла (например, трое детей рождено в результате трех родов без применения контрацепции), а также выделены важные характеристики репродуктивной истории: применение/неприменение контрацепции, совершение/несовершение искусственных аборт. Было выявлено 47 комбинаций репродуктивного цикла. Число теоретически возможных комбинаций существенно больше, однако, как показали результаты, распространены далеко не все возможные варианты и репродуктивное поведение можно охарактеризовать как достаточно единообразное.

Так, 58,4% репродуктивных историй состоит из одинаковых типов репродуктивного цикла; в целом единообразного поведения (неприменение контрацепции, несовершенные аборт) придерживаются 68,9% респондентов. Их доля снижается с увеличением числа репродуктивных событий, но даже в группе с наличием трех беременностей она превышает половину (52,5%). Число репродуктивных событий существенно увеличивает разнообразие репродуктивной истории: если среди женщин, имевших единственную беременность, доля тех, у кого это был тип цикла «НПК-Р» (неприменение «контрацепции – роды»), составляет 70,1%, то в группе женщин с тремя беременностями комбинация из трех типов цикла «НПК-Р» падает до 24,2%. Это падение происходит за счет роста числа беременностей, закончившихся выкидышем или мертворождением («НПК-ОР»), а суммарное число циклов неприменения контрацепции и аборт составляет 48,4%.

Сравнение линий репродуктивного поведения женщин разного возраста осуществлялось в рамках одинаковой по длине репродуктивной истории, так как число репродуктивных событий влияло на их разнообразие и распространенность. Значимых отличий практически не выявлено, так как наиболее распространенным (свыше двух третей ответов) во всех возрастах остается поведение неприменения контрацепции и избегания искусственных аборт (сравнение проводилось попарно для 10-летних возрастных групп при помощи z-теста с поправкой Бонферрони на множественные сравнения). Для женщин 30–39 лет по сравнению с теми, кто старше 40 лет, в случае единственной беременности

более характерно рождение ребенка в результате контрацептивной осечки (26,1% против 7,6% в группе 40–49 лет ($p = 0,013$) и 9,5% среди женщин старше 50 лет ($p = 0,015$).

Сравнение зависимостей от уровня образования выявило, что линия поведения на применение контрацепции во избежание аборта более характерна для респондентов, имеющих высшее образование (19,5% в группе с высшим образованием по сравнению с 8,8% в группе со средним образованием ($p = 0,022$), если была единственная беременность). Наблюдается предпочтение подобной линии поведения среди не религиозных респондентов (их число невелико и отсутствие статистически значимых отличий может быть вызвано недостаточностью выборочной совокупности). Среди религиозных респондентов по сравнению с нерелигиозными, имеющими две и более беременностей, выше доля тех, кто выбирает стратегию неприменения контрацепции и абортов (79,5% по сравнению с 58,6% при двух беременностях ($p = 0,011$) и 88,2% по сравнению с 78,1% при трех и более беременностях ($p = 0,028$)).

Наибольший интерес представляет анализ репродуктивного поведения в зависимости от репродуктивных установок респондентов, которые могут выступать как наиболее четкое отражение ценностных ориентаций в отношении рождаемости (табл. 4). Для оценки установок использовался показатель желаемого числа детей. В первую очередь проводилось сравнение всех типов репродуктивного цикла. Оно выявило, что женщины с установками на 3–4 детей чаще, чем женщины с меньшими репродуктивными установками, имеют в репродуктивной истории цикл «НПК-Р». При высоких репродуктивных установках

Таблица 4

**Распространенность типов репродуктивного цикла
в зависимости от репродуктивных установок, в %**

Типы репродуктивного цикла	Всего	Желаемое число детей			
		1 и менее (А)	2 ребенка (В)	3 ребенка (С)	4+ детей (D)
Без ИА без ПК	79,1	63,8	76,2	84,1 А (<0,001), В (0,033)	81,1 А (0,029)
Без ИА с ПК	20,3	17,3	18,7	19,3	30,7 В (0,02), С (0,03)
Без ИА (нет данных о ПК)	8,9	15,2 С (0,016)	12,1 С (0,009)	5,6	5,7
Всего без ИА	99,5	96,3	99,8 А (0,004)	99,7 А (0,006)	100,0
С ИА без ПК	11,5	2,8	6,9	16,3 А (0,01), В (<0,001)	13,6
С ИА с ПК	6,4	10,6 В (0,003)	2,3	9,0 В (<0,001)	7,9 В (0,019)
С ИА (нет данных о ПК)	2,0	0,0	0,5	4,5 В (<0,001)	0,0
Всего с ИА	18,0	12,4	9,1	26,2 В (<0,001)	20,3 В (0,003)
Число респондентов	1005	78	374	401	140

Примечание. Сокращения, принятые в таблице: «ПК» – применение контрацепции, «ИА» – искусственный аборт. Буквами отмечены группы, в которых есть статистически значимые отличия в частоте репродуктивного цикла (в скобках указаны р-значения попарного z-теста с поправкой Бонферрони на множественные сравнения).

Источник: расчеты авторов на основе массива СеДОЖ-2019.

растет доля типов «ПК-Р» (до 30,7% в группе с желаемым числом детей четыре и более), что может говорить о том, что сильная потребность в детях может служить фактором выбора рождения ребенка в случае контрацептивной осечки.

Для анализа репродуктивного поведения в зависимости от репродуктивных установок наряду с показателем желаемого числа детей использовался показатель степени удовлетворения потребности в детях, который рассчитывался для каждого рождения. Потребность считалась удовлетворенной, если число рожденных детей было больше или равнялось желаемому числу детей, и неудовлетворенной, если было меньше желаемого (табл. 5).

Как показали результаты, линии репродуктивного поведения до рождения ребенка мало зависят от того, будет ли рожден ребенок, который реализует потребность в детях (например, второй при потребности в двух детях), или еще нет. Несмотря на некоторое преобладание комбинаций «НПК-З-Р» в случае более высоких репродуктивных установок, отличия не являются статически значимыми. В связи с тем, что случаи рождения числа детей больше желаемого практически отсутствуют, говорить о характеристиках репродуктивного поведения в этом случае невозможно.

Таблица 5

Линии репродуктивного поведения в зависимости от удовлетворения потребности в детях

Линии репродуктивного поведения и комбинации РЦ перед и после рождения	Первый ребенок		Второй ребенок		Третий ребенок	
	ПВД удовлетворена (1-)	ПВД не удовлетворена (2+)	ПВД удовлетворена (2-)	ПВД не удовлетворена (3+)	ПВД удовлетворена (3-)	ПВД не удовлетворена (4+)
Предфертильное поведение (до рождения)						
НПК-Р	65,8%	77,2%*	70,7%	78,5%*	76,7%	82,9%
ПК-Р	17,9%	15,9%	17,9%	17,1%	15,8%	13,3%
Нет данных о ПК	16,3%*	6,9%	11,4%*	4,4%	7,5%	3,7%
Прото / Интергенетический интервал (лет)	2,7*	2,0	4,7	5,3	6,3*	4,4
Средний возраст рождения (лет)	23,8	24,3	28,5	28,6	32,7	32,1
Отсутствие РЦ перед данным рождением	90,1%	87,8%	89,5%	86,4%	80,5%	87,2%
Постфертильное поведение (после рождения)						
Нет беременностей после рождения	88,5%***	32,3%	86,3%***	52,1%	85,5%***	48,7%
Есть беременности, но нет рождения	1,5%	6,2%	3,5%	15,8%***	5,3%	19,5%**
Есть последующее рождение	10,0%	61,5%***	10,1%	32,1%***	9,1%	31,8%**

Примечание. Сокращения, принятые в таблице: «РЦ» – репродуктивный цикл, «ПВД» – потребность в детях. Звездочкой в таблице отмечены статистически значимые отличия: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Источник: расчеты авторов на основе массива СеДОЖ-2019.

Протогенетический интервал несколько выше среди тех, кто имеет установку на 1 ребенка, по сравнению с остальными, а сравнение интергенетических интервалов выявило статистически значимые отличия лишь для интервала между рождением 2 и 3 ребенка: он выше при более низкой потребности в детях (не более 3). Аналогично нет отличий в характере поведения между родами – в большинстве случаев рождение следующего ребенка происходит без промежуточных беременностей. Нет отличий в среднем возрасте рождения детей ни в зависимости от степени удовлетворения потребности в детях, ни в зависимости от величины потребности. Так, возраст рождения первого ребенка колеблется от 23,7 до 24,8 в зависимости от желаемого числа детей, возраст рождения второго ребенка в интервале 28,3 до 29,4, третьего 32,1 до 33,4 лет. В данных расчетах не учитывались случаи, когда число рожденных детей было больше, чем потребность в детях, так как эти совокупности малы для корректного анализа (менее 10 респондентов). При этом сравнение возрастов рождения детей в зависимости от их общего числа полностью соответствует закономерностям, полученным в аналогичных исследованиях: чем больше число рожденных детей, тем раньше происходит рождение каждого из них.

Значимые отличия наблюдаются в поведении респондентов после рождения ребенка в зависимости от того, была ли реализована потребность в детях. Так, в случае полного удовлетворения потребности значимо возрастает доля тех, у кого больше не происходит беременностей (свыше 80% для каждого числа детей). Также обращает на себя внимание, что доля новых беременностей среди тех, кто не реализовал потребность в детях, снижается в зависимости от имеющегося числа детей: если среди однопородных при более высоких репродуктивных установках 61,5% родили последующих детей, то среди трехдетных соответствующая группа сокращается до 31,8%. Такой феномен может объясняться различной интерпретацией людьми условий жизни, состояния здоровья и других жизненных ситуаций, которые не позволили реализовать имеющуюся потребность в детях. В целом полученные закономерности говорят о преимущественном влиянии именно потребности в детях на репродуктивное поведение: если потребность удовлетворена – новая беременность не наступает, если нет, то при благоприятных условиях новая беременность может наступить и закончиться рождением ребенка.

Несмотря на большой объем разнообразной информации, которую можно почерпнуть из представленного исследования, она имеет ряд ограничений. Так, анализ результатов показал, что для полного исследования репродуктивного поведения недостаточно только задавать вопросы о применении контрацепции непосредственно перед наступлением каждой из беременностей, необходимо получать более подробную информацию о контрацептивном поведении в промежутке между беременностями. Также необходимо дополнить привычный инструментальный вопросами о поведении после последней беременности, что позволит понимать, почему не происходит рождение большего числа детей. Важно, как в семьях интерпретируются возникающие ситуации, как эти определения ситуаций согласуются в супружеских парах.

Отдельное внимание следует обратить на формулировку вопроса о применении контрацепции, так как многие респонденты под «контрацепцией» подразумевают исключительно прием оральных средств контрацепции [Beall, Leslie, 2014]. Здесь будет полезным предварительно расспросить респондента об известных способах контрацепции, об опыте их применения в течении жизни, а в вопросах о репродуктивной истории использовать формулировку «Предохранялись ли вы перед наступлением беременности?» с уточнением «Как именно?».

Выводы. Результаты исследования показывают основные паттерны репродуктивного поведения: большинство женщин, выбирая некоторую стратегию поведения, практикуют ее в течение всей жизни. Более распространенной стратегией является неприменение контрацепции ради рождения детей (57,2% всех линий репродуктивного поведения). 16,9% сочетают стратегию естественного репродуктивного цикла и рождения детей в результате контрацептивной осечки, что может говорить о высокой ценности детей и недопустимости искусственного аборта для значимой доли респондентов. Здесь

недопустимость аборт является фактической, не только заявленной, так как при контрацептивной осечке происходит рождение ребенка.

Сравнение линий репродуктивного поведения выявило доминирующую роль потребности в детях и степени ее удовлетворения. Проявляется это влияние в первую очередь в отказе от беременностей после рождения определенного числа детей. В случае неудовлетворенной потребности в детях на рождение третьих и последующих детей влияют внешние факторы (условия жизни, состояние здоровья, материальное положение) гораздо сильнее, чем на рождение первого и второго ребенка.

Таким образом, при подготовке программ демографической политики необходимо особо обращать внимание на расширение экономических возможностей семьи при рождении третьих и последующих детей, так как в этих группах снижается доля новых рождений даже при неудовлетворенной потребности в детях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок. М.: Мысль, 1987.
- Антонов А.И. Всероссийское исследование репродуктивного здоровья российских женщин // Семейно-демографические исследования. Миллион мнений о семье и о себе. М.: КДУ, 2009. Т. 2. С. 293–339.
- Аргунова Е.В. Динамика репродуктивных установок петербурженок фертильного возраста (2011–2021) // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 31–39. DOI: 10.31857/S013216250022671-1.
- Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006.
- Архангельский В.Н., Зайко Е.С. Линии репродуктивного поведения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. № 29. С. 1374–1380. DOI:10.32687/0869-866X-2020-29-s2-1374-1380.
- Архангельский В.Н., Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В. Репродуктивное поведение российских женщин в зависимости от образовательного статуса // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2020. № 3. С. 546–559.
- Вученович Ю.Д., Новикова В.А., Радзинский В.Е. Альтернатива повторному кесареву сечению // Доктор.Ру. 2020. № 6. С. 15–22.
- Калабихина И.Е., Абдуселимова И.А., Клименко Г.А. Влияние высокоскоростного интернета на репродуктивное поведение в России // Вестник Московского ун-та. Сер. 6. Экономика. 2020. № 6. С. 90–103.
- Калачикова О.Н., Короленко А.В. Модели репродуктивного поведения населения (на материалах Вологодской области) // Народонаселение. 2018. № 4. С. 109–121.
- Павлюткин И.В., Голева М.А., Борисова О.Н. Море жизни: Как рождаются многодетные семьи в современной России. М.: ПСТГУ, 2021.
- Семья и дети: Сборник / Под ред. А.И. Антонова. М.: МГУ, 1982.
- Синельников А.Б. Социально-демографическая дифференциация рождаемости в России // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 95–107. DOI 10.31857/S013216250029340-7.
- Социология семьи. М.: Инфра-М, 2015.
- Филимонова И.В., Ивершин А.В., Комарова А.В., Кривошеева О.И. Факторы влияния на решение о рождении ребенка и количестве детей у женщин в России // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 1. С. 55–69. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.5.
- Bakibinga P., Matanda D.J., Ayiko R. et al. Pregnancy history and current use of contraception among women of reproductive age in Burundi, Kenya, Rwanda, Tanzania and Uganda: analysis of demographic and health survey data // BMJ Open. 2016. Vol. 6(3). P. 1–10. DOI: 10.1136/bmjopen-2015-009991.
- Beall C.M., Leslie P.W. Collecting women's reproductive histories // American Journal of Human Biology. 2014. Vol. 26. P. 577–89. DOI: https://doi.org/10.1002/ajhb.22543.
- Bwalya B.B., Kasonde M.E., Mulenga J.N. et al. The association between contraceptive use and desired number of children among sexually active men in Zambia // BMC Public Health. 2023. Vol. 23. No. 1833. P. 1–12. DOI: 10.1186/s12889-023-16750-0.
- Darteh E.K.M., Dickson K.S., Doku D.T. Women's reproductive health decision-making: A multi-country analysis of demographic and health surveys in sub-Saharan Africa // PLOS ONE. 2019. No. 14(1). P. 1–12. DOI: 10.1371/journal.pone.0209985.

Mehata S., Menzel J., Bhattarai N. et al. Retracted article: factors associated with induced abortion in Nepal: data from a nationally representative population-based cross-sectional survey // *Reproductive Health*. 2019. Vol. 16. No. 68. P. 1–8. DOI: 10.1186/s12978-019-0732-7.

Zahan R., Feng C.X. Bayesian spatial analysis of socio-demographic factors influencing pregnancy termination and its residual geographic variation among ever-married women of reproductive age in Bangladesh // *BMC Public Health*. 2020. Vol. 20. No. 1348. P. 1–18. DOI: 10.1186/s12889-020-09401-1.

Статья поступила: 17.01.24. Финальная версия: 29.03.24. Статья принята к публикации: 09.04.24.

VARIATION OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR LINES AND REPRODUCTIVE CYCLE TYPES

ANTONOV A.I.*, KARPOVA V.M.*

*Lomonosov MSU, Russia

Anatoly I. ANTONOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of Family Sociology and Demography (antonov_ai@mail.ru); Vera M. KARPOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Lecturer of the same Department (wmkarpova@yandex.ru). Both – Lomonosov MSU, Moscow, Russia.

Acknowledgements. The study was supported by the RSF grant, project No. 23-28-00518.

Abstract. The article analyzes the reproductive behavior lines, traced on the basis of pregnancy history, and proposes a classification of the reproductive cycle types. The article is based on both theoretical constructs of typologization and an assessment of the prevalence of various reproductive behavior lines obtained based on the data from a representative sociological study SeDOZH-2019. A pregnancy history study of 1005 participants shows a fairly high homogeneity of reproductive behavior lines; patterns of repetition of the same reproductive cycles types (more often corresponding to the natural course without the use of contraception and induced abortions) can be traced. An analysis of behavior after the birth of the last child was carried out and after the second child birth a statistically significant predominance of the strategy consisting of avoiding new pregnancies was shown. There is also a correlation between the preference for this strategy and the degree of satisfying of the need for children: if the need is fully satisfied, in most cases (more than 80%), a new pregnancy does not occur, which indicates the leading role of the value component in the regulation of reproductive behavior. A comparison of the behavior of various socio-demographic groups of respondents showed only slight differences: younger and more educated women more often choose strategies that include the use of contraception and avoidance of abortion. The results obtained were analyzed from the point of view of recommendations for designing demographic policy measures.

Keywords: reproductive behavior lines, reproductive cycle types, need for children, fertility.

REFERENCES

- Antonov A.I. (2009) All-Russian study of the reproductive health of Russian women. In: *Familisticheskie issledovaniya. Million mnenij o sem'e i o sebe*. Moscow: KDU. Vol. 2: 293–339. (In Russ.)
- Antonov A.I., Medkov V.M. (1987) *Second child*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Argunova E.V. (2023) Dynamics of Reproductive Attitudes of Adult Fertile Women in St. Petersburg (2011–2021). *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 31–39. DOI: 10.31857/S013216250022671-1. (In Russ.)
- Arkhangelskiy V.N. (2006) *Fertility factors*. Moscow: TEIS. (In Russ.)
- Arkhangelskiy V.N., Shul'gin S.G., Zin'kina Yu.V. (2020) Reproductive behavior of Russian women as depending on their level of education. *Vestnik RUDN. Ser. Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology]. No. 3: 546–559. (In Russ.)
- Arkhangelskiy V.N., Zayko E.S. (2021) Lines of reproductive behavior. *Problemi socialnoi gigieni, zdravookhraneniya i istorii meditsini* [Problems of social hygiene, public health and history of medicine]. Vol. 29: 1374–1380. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-s2-1374-1380. (In Russ.)
- Bakibinga P, Matanda DJ, Ayiko R, et al. (2016) Pregnancy history and current use of contraception among women of reproductive age in Burundi, Kenya, Rwanda, Tanzania and Uganda: analysis of demographic and health survey data. *BMJ Open*. Vol. 6(3): 1–10. DOI: 10.1136/bmjopen-2015-009991.

- Beall C.M., Leslie P.W. (2014) Collecting women's reproductive histories. *American Journal of Human Biology*. Vol. 26: 577–89. DOI: 10.1002/ajhb.22543.
- Bwalya B.B., Kasonde M.E., Mulenga J.N. et al. (2023) The association between contraceptive use and desired number of children among sexually active men in Zambia. *BMC Public Health*. Vol. 23. No. 1833: 1–12. DOI: 10.1186/s12889-023-16750-0.
- Darteh EKM, Dickson KS, Doku DT (2019) Women's reproductive health decision-making: A multi-country analysis of demographic and health surveys in sub-Saharan Africa. *PLOS ONE*. No. 14(1): 1–12. DOI:10.1371/journal.pone.0209985.
- Family and children* (1982) / Ed. by A.I. Antonov. Moscow: Msupress. (In Russ.)
- Family sociology*. (2015) Moscow: Infra-M. (In Russ.)
- Filimonova I.V., Ivershin A.V., Komarova A.V., Krivosheeva O.I. (2023) Factors affecting the decision about having a child and the number of children by women in Russia. *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 26. No. 1: 55–69. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.5. (In Russ.)
- Kalabikhina I.E., Abduselimova I.A., Klimenko G.A. (2020) The impact of high speed internet on reproductive behavior in Russia. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 6. Ekonomika* [Moscow University Economic Bulletin]. No. 6: 90–103. (In Russ.)
- Kalachikova O.N., Korolenko A.V. (2018) Patterns of reproductive behavior of population (on the materials of Vologda oblast). *Narodonaselenie* [Population]. No. 4: 109–121. (In Russ.)
- Mehata S., Menzel J., Bhattarai N. et al. (2019) RETRACTED ARTICLE: Factors associated with induced abortion in Nepal: data from a nationally representative population-based cross-sectional survey. *Reproductive Health*. Vol. 16. No. 68: 1–8. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.5.
- Pavljutkin I.V., Goleva M.A., Borisova O.N. (2021) *Sea of life: How large families are born in modern Russia*. Moscow: Izdatel'stvo PSTGU. (In Russ.)
- Sinel'nikov A.B. (2023) Socio-demographic differentiation of fertility in Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 95–107. DOI: 10.31857/S013216250029340-7. (In Russ.)
- Vuchonovich Yu.D., Novikova V.A., Radzinsky V.E. (2020) An Alternative to Repeat Cesarean Section. *Doctor.Ru*. No. 19(6): 15–22. (In Russ.)
- Zahan R., Feng C.X. (2020) Bayesian spatial analysis of socio-demographic factors influencing pregnancy termination and its residual geographic variation among ever-married women of reproductive age in Bangladesh. *BMC Public Health*. Vol. 20. No. 1348: 1–18. DOI: 10.1186/s12889-020-09401-1.

Received: 17.01.24. Final version: 29.03.24. Accepted: 09.04.24.

А.Б. СИНЕЛЬНИКОВ

СВЯЗЬ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ С БРАЧНЫМ СТАТУСОМ И КОЛИЧЕСТВОМ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ

СИНЕЛЬНИКОВ Александр Борисович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (sinalexander@yandex.ru).

Аннотация. Связь миграционного поведения с брачным статусом и количеством детей у мужчин и женщин в репродуктивных возрастах изучается на основе анализа данных 30-го раунда РМЭЗ НИУ ВШЭ. Установлено, что мигранты¹ реже остаются безбрачными и бездетными, но чаще имеют трех и более детей, чем местные уроженцы. Формированию различий предположительно способствует то, что люди, которые самостоятельно сменили место жительства, отличаются от людей, которые живут там, где родились, большей готовностью к трудностям, связанным как с адаптацией к условиям жизни на новом месте, так и с созданием, увеличением и сохранением семьи. Различия между мигрантами и местными уроженцами среди мужчин больше, чем среди женщин. Кроме того, результаты исследования ценностей семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019), проведенного кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ показывают, что мужчины, чьи родители имели более двух детей, значительно чаще сами имеют трех и более детей, чем женщины, которые выросли в таких же больших семьях. Поэтому следует применять такие меры демографической политики по повышению рождаемости, которые могут повлиять не только на матерей, но и на отцов. Необходимо учитывать данные социологических исследований об условиях, необходимых для рождения детей, по мнению обоих супругов, а не только женщин.

Ключевые слова: мужчины • женщины • миграционное поведение • миграционная история • брачный статус • законный брак • сожительство • семья • количество детей

DOI: 10.31857/50132162524040087

Постановка проблемы. В демографической литературе идет дискуссия о том, следует ли решать проблему депопуляции с помощью льгот и пособий семьям с детьми [Синельников, 2022: 328–345] или повышение рождаемости до уровня полного замещения поколений нереалистично, а компенсировать естественную убыль населения можно лишь за счет миграционного прироста [Вишневский, 2019: 196–199, 301–305]. Миграция чаще идет из бедных стран и регионов с более высокой рождаемостью в богатые страны и регионы, где уровень рождаемости ниже [Казенин, 2018]. В семьях мигрантов среднее количество детей обычно больше, чем в семьях коренных жителей. Рост доли мигрантов среди жителей страны способствует повышению общих и суммарных коэффициентов рождаемости для населения в целом [Волян и др., 2020].

Влияние миграции на рождаемость обычно рассматривается лишь тогда, когда речь идет о миграции из одних стран в другие. Миграция внутри страны, как правило, изучается только в экономическом, но не в демографическом аспекте. Разумеется, внутренняя миграция повышает общие коэффициенты рождаемости в тех местностях, куда

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 23-28-00518.

¹ В настоящей статье рассматриваются данные только по мигрантам, которые считают себя русскими по национальности. Миграционная история респондентов определялась на основании ответа на вопрос о годе прибытия в населенные пункты, где они проживали на момент опроса.

переселяются мигранты, большинство из которых составляют люди в активных репродуктивных возрастах, и понижает общие коэффициенты рождаемости в покинутых ими регионах. Но влияет ли это на уровень рождаемости по стране в целом?

Далеко не все жители неблагополучных регионов, даже представители молодежи, покидают родные края. Для переселения в другой город или регион надо быть готовым к бытовым неудобствам, к решению сложной жилищной проблемы, нередко и к тяжелой, непрестижной, малооплачиваемой работе (например, в жилищно-коммунальном хозяйстве), на которую, как правило, не идут местные жители, а в некоторых случаях и к негативному отношению к себе со стороны многих из них. В советское время так называемые коренные москвичи зачастую свысока смотрели на «понаехавших» в столицу из глубинки «лимитчиков», забыв о том, что их родители когда-то тоже были «лимитчиками».

Многие люди не хотят никаких изменений, чтобы не осложнять себе жизнь. Нежелание покидать родные места нередко сочетается с нежеланием создавать основанную на законном браке семью, особенно с детьми и (или) с неспособностью ее сохранить в случае супружеских конфликтов.

Целью этой статьи является изучение связи между миграционным поведением и семейным положением мужчин и женщин. Различия между семейным положением местных уроженцев и мигрантов зависят и от того, что многие из приезжих родились и выросли в странах Центральной Азии и Закавказья или в республиках Северного Кавказа, где образ семейной жизни большинства населения иной, чем там, где они живут сейчас. Поэтому в настоящей статье рассматриваются данные только по мигрантам, которые считают себя русскими по национальности, 88% из них родились в России. Между регионами Российской Федерации с преимущественно русским населением нет больших различий по показателям рождаемости [Кишенин, 2023]. Сравнение русских переселенцев с русскими же местными уроженцами позволяет определить то, как влияют на создание семьи психологические особенности личности мигрантов, а не религиозно-этнические различия между местным и пришлым населением. В этой связи были выдвинуты три гипотезы.

Гипотеза № 1. Распределение по семейному положению, т.е. по брачному статусу и числу детей среди мигрантов должно быть иным, чем среди их ровесников, проживающих в тех населенных пунктах, где они родились.

Гипотеза № 2. Люди, переселившиеся в детстве на новое место жительства вместе с родителями, ближе по семейному положению к местными уроженцам, чем к мигрантам, которые, будучи уже взрослыми, сами приняли и реализовали решение о переезде в другой населенный пункт.

Гипотеза № 3. Миграционная история по-разному влияет на семейное положение мужчин и женщин.

Исходные данные. Исследование выполнено на данных 30-го раунда РМЭЗ НИУ ВШЭ, проведенного в 2021 г.² Для авторских расчетов отобраны респонденты обоего пола в репродуктивном возрасте от 18 до 49 лет, считающие себя русскими и ответившие на вопросы о семейном положении и годе прибытия в населенные пункты, где они проживали на момент опроса, $N = 3321$ чел.

При обработке данных выделено три группы респондентов. Группа 1 состоит из местных уроженцев, проживающих в тех же населенных пунктах, где они родились. Группа 2 состоит из мигрантов, прибывших на свои нынешние места жительства до того, как им исполнилось 16 лет, группа 3 – из тех, которые уже после достижения этого возраста поселились там, где живут сейчас. Чаще всего это было связано с поступлением на работу

² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый НИУ «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН. Выборка построена по методу многоступенчатого территориального вероятностного отбора. В статье используются данные 30-й волны (раунда) RLMS–HSE, проведенного в 2021 г. URL: <https://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 14.01.2023).

или на учебу в другом городе. В отличие от детей, они, как правило, самостоятельно принимали решение о переезде. К группе 1 принадлежит 63% из 3321 респондентов, к группе 2–22%, к группе 3–15%.

В областных центрах на момент опроса проживали 41,4% респондентов, в прочих городах – 25,2%, в поселках городского типа – 7%, в селах – 26,4%.

Влияние миграции на брачный статус и число детей. Семейное положение респондентов 18–39 лет представлено на рис. 1.

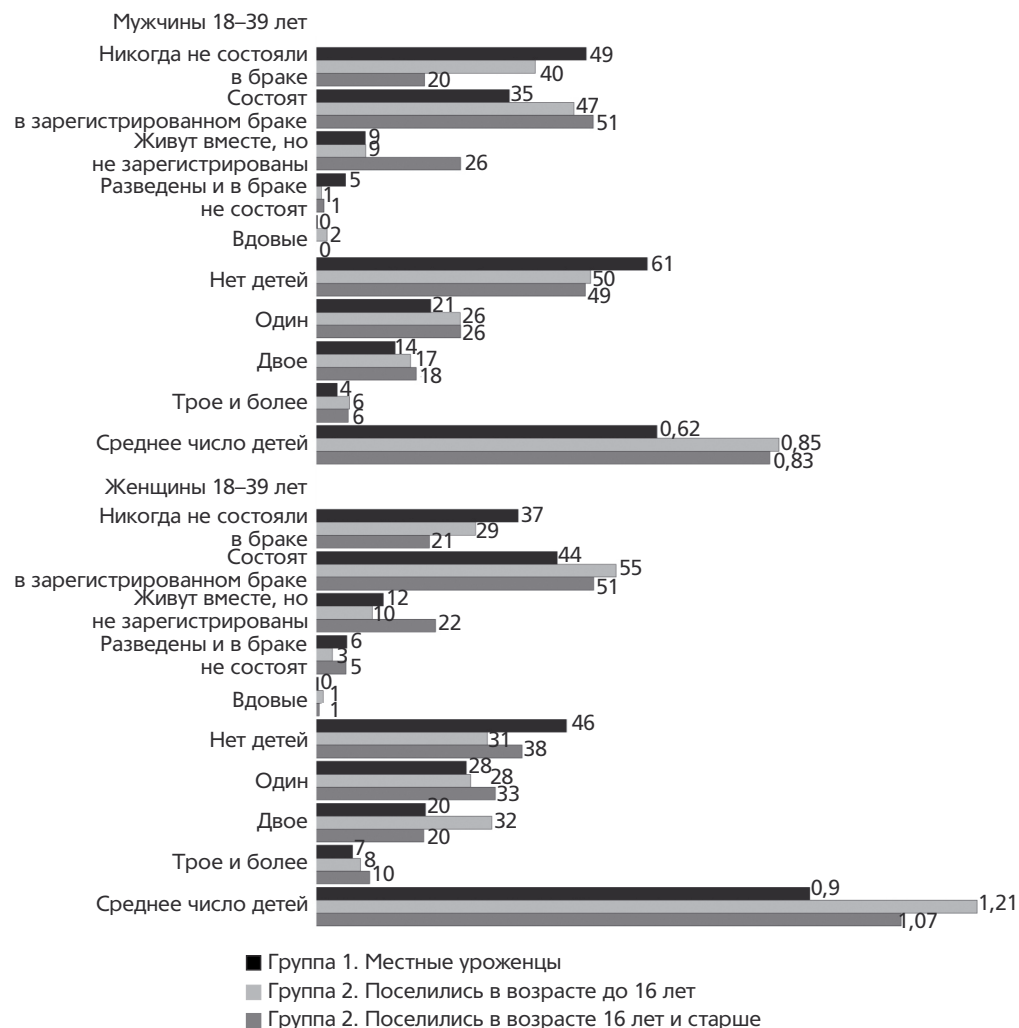

Рис. 1. Распределение мужчин и женщин 18–39 лет с разной миграционной историей по брачному статусу и числу детей, в % к численности респондентов в группе

Примечание. Здесь и далее в рис. 2–4 данные об указавших иной брачный статус или не указавших его, не приведены из-за их малочисленности. Поэтому, а также из-за округлений, сумма долевых показателей не всегда равна 100%.

К возрастному интервалу 18–39 лет принадлежит 95% матерей, родивших детей в 2022 г.³ Среди отцов доля лиц в этих возрастах несколько меньше, чем среди матерей, но тоже составляет подавляющее большинство, поскольку мужья в среднем старше жен только на два года. Однако в группе 1, к которой принадлежит почти две трети респондентов, половина (49%) мужчин и более трети (37%) женщин 18–39 лет никогда не состояли в браке. В зарегистрированном браке состоят лишь 35% мужчин и 44% женщин из этой группы. Даже если прибавить к ним 9% мужчин и 12% женщин, сожительствующих без регистрации брака, то суммарная доля состоящих в брачно-партнерских отношениях составит только 43% среди мужчин и 56% среди женщин из первой группы. Однако это суммирование не целесообразно. Сожители значительно реже имеют детей, чем законные супруги (см. рис. 3).

В группе 2 никогда не состояли в браке 40% мужчин и 29% женщин, а в группе 3–20 и 21%. Состоят в законном браке 47% мужчин и 55% женщин из группы 2 и 51% как мужчины, так и женщины из группы 3. Доля сожительствующих среди мужчин и женщин в группе 2 примерно такая же, как в группе 1 (9–10%). Но в группе 3 эти показатели намного выше – 26% у мужчин и 22% – у женщин.

Развод в наше время – это массовое явление. Но большинство разведенных, особенно в возрастах моложе 40 лет, создают новые полные семьи. Но при этом многие из них не регистрируют новый брак, т.е. становятся сожителями. Те же, которые остались одиночками, составляют в разных группах от 1 до 5%. В группе 1 их больше, чем в других группах, среди женщин – больше, чем среди мужчин. Вдовство же в этих возрастах имеет место очень редко.

В группе 1 у 61% мужчин и 46% женщин нет ни одного ребенка. Но и в группе 2 половина (50%) мужчин и треть женщин (31%) не имеют детей, а в группе 3–49% и 38% соответственно. Доля не имеющих детей значительно больше доли никогда не состоявших в браке, поскольку бездетность имеет место также среди состоящих в браке и особенно среди сожительствующих.

Если бездетность распространена очень широко, то многодетность встречается значительно реже. Имеют трех и более детей, что в современной России официально признается многодетностью, лишь от 4 до 6% мужчин и от 7 до 10% женщин в разных группах.

Среднее число детей во всех трех группах у мужчин и в группе 1 у женщин – меньше одного ребенка. В женских группах 2 и 3 показатели несколько выше единицы, но тоже очень низкие. Из-за более раннего вступления в брак и, соответственно, несколько большей продолжительности пребывания в браке, эти показатели у женщин несколько выше, чем у мужчин.

Различия в структурах по семейному положению (брачный статус, число детей) между группами респондентов с той или иной миграционной историей, а также между мужчинами и женщинами внутри каждой из этих групп могут быть вызваны различиями в возрасте при вступлении в брак и рождении детей.

Однако для мужчин, и особенно для женщин, которые ни разу не вступили в брак к 40 и тем более к 50 годам, вероятность создать семью весьма невелика, а число детей уже очень близко к итоговому за всю жизнь. Структура респондентов в возрасте от 40 до 49 лет по брачному статусу и числу детей представлена на рис. 2.

Каждый седьмой мужчина из группы 1 даже в этом возрасте все еще остается холостым, в то время как в группах 2 и 3 таких лишь 5–6%. Среди женщин из этой же группы никогда не состояли в браке 9%. Это значительно меньше, чем среди мужчин из той же группы, но намного больше, чем среди женщин из групп 2 и 3 (3–5%).

³ Рассчитано по: Естественное движение населения Российской Федерации за 2021 год. Табл. 6. / Стат. бюллетень. Росстат, 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269> (дата обращения: 26.02.2024).

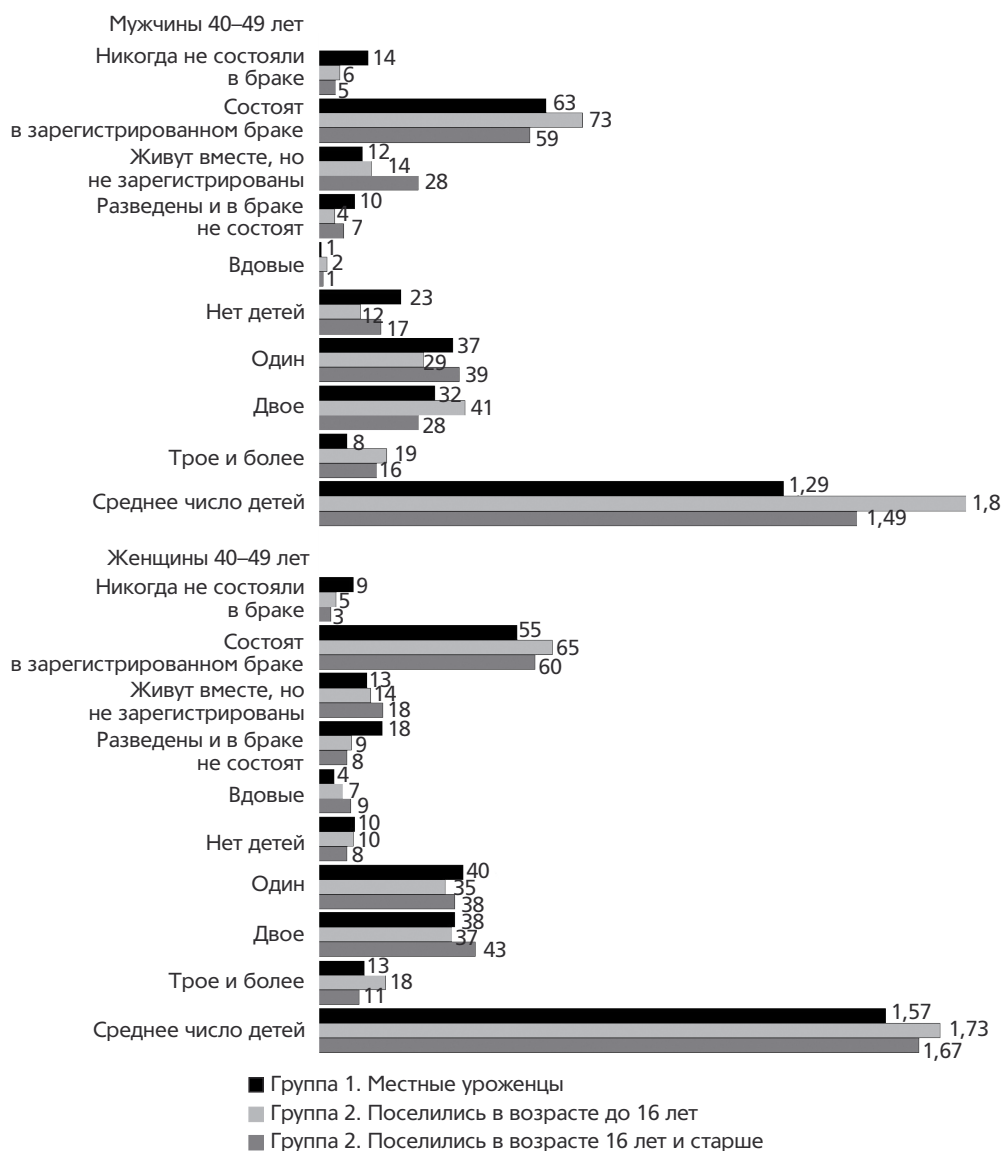

Рис. 2. Распределение мужчин и женщин 40–49 лет с разной миграционной историей по брачному статусу и числу детей, в % к численности респондентов в группе

Как среди мужчин, так и среди женщин доля состоящих в законном браке больше всего в группе 2 (соответственно 73 и 63%). Но у мужчин эта группа по данному показателю заметно опережает как группу 1 (на 10%), так и группу 3 (на 14%). А у женщин это опережение не столь значительно (на 8 и 3%).

Доля сожительствующих в группах 1 и 2 как среди мужчин, так и среди женщин составляет от 12 до 14%. Но в группе 3 она достигает 28% у мужчин, что на 14–16% больше, чем в других мужских группах и на 10% больше, чем у женщин из той же группы 3.

Доля разведенных заметно больше, чем в более молодых возрастах. В группе 1 она составляет 10% у мужчин и 18% – у женщин, в группах 2 и 3 соответственно 4–7% и

8–9%. После 40 лет находить себе новых супругов или сожителей становится более затруднительным, особенно для женщин, в том числе и потому, что против этого могут возражать их дети, ставшие уже взрослыми.

Вдовство и в этом возрасте крайне нетипично для мужчин, но среди женщин оно встречается уже весьма нередко. Правда, в группе 1 вдовы, не считая тех, у которых появились новые супруги или сожители, составляют только 4%, но в группе 2 их уже 7%, а в группе 3 даже 9%, т.е. почти каждая десятая. Смертность среди мужчин в этом возрасте, особенно в регионах с неблагоприятными для нормальной жизни условиями, откуда уезжают мигранты, весьма высока. Еще чаще умирают мужья, которые старше жен. Вдовы нередко переселяются поближе к своим детям, которые в свое время уехали в другие города и регионы.

В группе 1 каждый четвертый мужчина (23%) даже в столь солидном возрасте так и не стал отцом. Это в два раза больше, чем в группе 2 (12%). В группе 3 бездетные составляют 17%.

Среди женщин этого возраста доля бездетных составляет от 8 до 10% в разных группах. По сравнению с мужчинами это на 13% меньше, чем в группе 1, на 9% меньше, чем в группе 3, но лишь на 2% ниже, чем в группе 2.

Доля многодетных среди мужчин в группе 1 составляет лишь 8%. Это в два раза меньше, чем в группе 2 (19%) и в группе 3 (16%).

Среди женщин доля многодетных тоже достигает максимума в группе 2 (18%). Но это не так уж сильно отличается от группы 1 (13%) и группы 3 (11%).

Среднее число детей максимально в группе 2 (1,80 – у мужчин и 1,73 у женщин. Для них его уже можно считать итоговым, но этот итог значительно меньше уровня простого замещения поколений (2,1 ребенка на одну женщину). Однако у мужчин из группы 2 это среднее число на 0,51 пункта больше, чем в группе 1 и на 0,31 пункт больше, чем в группе 2. А у женщин из группы 2 различия с группой 1 составляют лишь 0,16 пункта, а с группой 3 – 0,07 пункта, что значительно меньше статистической погрешности.

Дифференциация итоговых или близких к итоговым показателей детности в зависимости от миграционной истории у мужчин весьма значительна, а у женщин очень невелика.

На показатели детности влияет и структура по брачному статусу. Более высокий процент бездетных среди мужчин отчасти объясняется повышенной, по сравнению с женщинами, долей никогда не состоявших в браке. Кроме того, почти все (89%) холостые мужчины 40–49 лет не имеют детей. Среди их незамужних ровесниц бездетные составляют только половину (49%).

Кроме того, многие мужчины этого возраста, особенно если они являются мигрантами из группы 3, сожительствуют с женщинами без регистрации брака. Далеко не во всех таких союзах рождаются общие дети.

Бездетность в законном браке и в сожительстве. Как правило, доля бездетных среди мужчин больше, чем среди женщин того же возраста (рис. 3).

Холостые и разведенные мужчины, не имеющие родных детей, довольно часто вступают в брак или сожительствуют с женщинами, у которых уже есть дети от бывших мужей или партнеров. Далеко не все отчимы считают этих детей своими. Вероятность рождения общего ребенка далека от 100%.

В частности, это зависит от того, есть ли у женщины хотя бы один родной ребенок, от состояния общего и репродуктивного здоровья, а также от характера супружеских или партнерских отношений, и, в очень большой степени от того, зарегистрирован ли брак. Во всех группах как у мужчин, так и у женщин доля бездетных среди сожительствующих многократно больше, чем среди состоящих в законном браке.

В группе 1 среди мужчин в возрасте от 18 до 39 лет не имеют детей 15% женатых и 55% сожительствующих, в группе 2 – 10% и 44%, в группе 3 – 23% и 67%.

Рис. 3. Доля не имеющих детей среди мужчин и женщин 18-39 и 40-49 лет, состоящих в зарегистрированном браке и проживающих совместно без регистрации, в % к численности респондентов в группе

Среди женщин эти показатели несколько меньше, но тоже очень велики. Различия между сожительствующими и состоящими в законном браке очень значительны и статистически достоверны ($p < 0,01$).

Среди сожительствующих мужчин из мигрантской группы 3 не имеют детей 67%, т.е. две трети, а среди сожительствующих женщин из той группы – 38%, т.е. немногим более одной трети. Разница составляет 29% и является статистически значимой ($p < 0,05$).

В поздних, практически уже финальных, репродуктивных возрастах от 40 до 49 лет доля бездетных среди женатых мужчин и замужних женщин невелика (от 2 до 8%), но среди сожительствующих она очень значительна, хотя и меньше, чем в более молодых возрастах (30–33% в разных группах мужчин и 15–19% в соответствующих группах женщин). С учетом того, что речь идет об отсутствии детей вообще, а не только от данного партнера, это очень высокие показатели.

В возрасте 40–49 лет основная причина высокой доли бездетных (23%) среди мужчин из группы 1, которые являются местными уроженцами, состоит в том, что 14% из них никогда не были женаты. Однако среди мужчин из группы 3, т.е. среди мигрантов, которые были уже взрослыми на момент переезда на нынешнее место жительства, холостяки составляют только 5%, а бездетных тоже немало (17%).

Столь значительная частота бездетности объясняется главным образом тем, что 28% мужчин из этой группы являются сожительствующими (рис. 2), а каждый третий из сожителей не имеет детей.

Многодетность и среднее число детей у состоящих в законном браке. Миграционная история влияет на распределение мужчин и женщин по брачному статусу и числу детей. Среднее число детей у состоящих в законном браке и доля многодетных среди них представлены на рис. 4. Эти показатели среди женатых мужчин и замужних женщин выше, чем среди всех их ровесников и ровесниц вместе взятых (см. рис. 1 и 2).

Среди женатых мужчин и замужних женщин в активных репродуктивных возрастах (18–39 лет) многодетных очень мало. Различия между группами тоже невелики. У женщин эти различия остаются весьма небольшими и не являются статистически значимыми даже в финальных репродуктивных возрастах (40–49 лет). Но среди мужчин этих возрастов

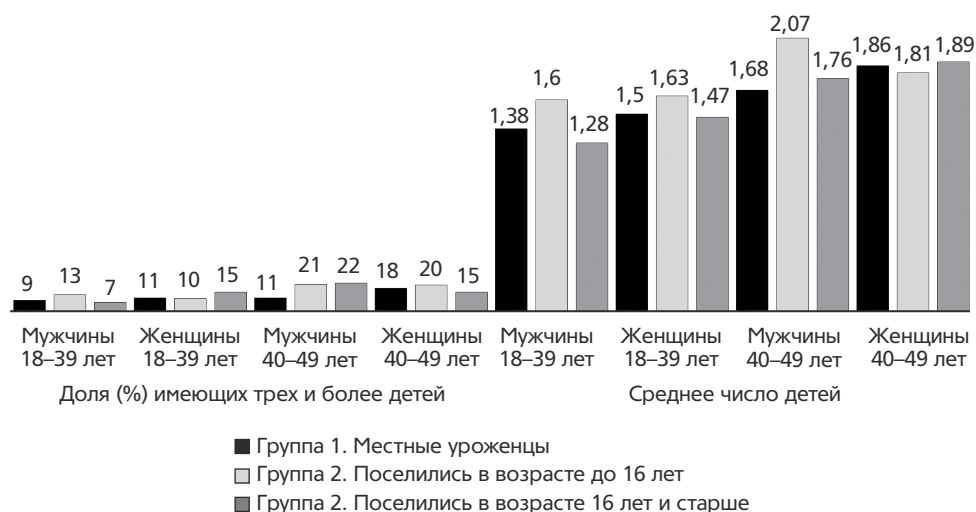

Рис. 4. Доля (%) многодетных и среднее число детей у мужчин и женщин 18–39 и 40–49 лет, состоящих в зарегистрированном браке и принадлежащих к группам с той или иной миграционной историей

доля многодетных в мигрантских группах 1 и 2 составляет 21–22%. Это вдвое больше, чем в группе 1, состоящей из местных уроженцев (11%).

Среднее число детей у женатых мужчин в группе 2 заметно больше чем в группах 1 и 2, различия между которыми невелики и статистически незначимы. В возрасте 40–49 лет среднее число детей у мужчин из группы 2 даже несколько больше двух (2,07). Это на 0,39 пункта больше, чем в группе 1, и на 0,31 пункт больше, чем в группе 3. Оба различия значимы ($p < 0,05$). Однако у женщин различия между средними числами детей во всех группах незначительны, особенно в возрастах от 40 до 49 лет, в которых, они, по сути, уже являются финальными.

Обсуждение результатов. Гипотеза № 1 о различиях по семейному положению между мигрантами и местными уроженцами подтвердилась. Различия по брачному статусу оказались более значительными, чем по числу детей. Мигрантами становятся люди, которые не боятся трудностей. Как среди их земляков, которые никуда не уезжали, так и среди коренных жителей стран и регионов, куда они переехали на постоянное место жительства, есть много людей, не желающих ничего менять в своей жизни, поскольку изменения (в том числе вступление в брак и рождение детей) часто связаны с весьма серьезными неудобствами.

Многие люди, для которых очень важно делать только то, что им хочется, не считаясь с интересами других, даже самых близких людей, либо вообще не вступают в брак, либо создают семью без детей, либо их семьи распадаются. Не все местные уроженцы и даже не большинство из них ведут себя таким образом, но они поступают так чаще, чем мигранты, которые не боятся трудностей.

Мужчины, которые являются местными уроженцами, чаще остаются холостыми, так происходит как в сельской местности, откуда уезжают наиболее социально активные жители, так и в больших городах. Но если о многих из людей, оставшихся на селе, можно говорить как о социально пассивных личностях, то в больших городах социальную активность проявляют не только приезжие, но и местные уроженцы. Они не уезжают в другие российские города и регионы не из-за своей социальной пассивности, а потому, что

живут в намного более благоприятных условиях и имеют гораздо больше возможностей для самореализации, чем в деревнях, поселках городского типа и малых городах.

Среди респондентов 40–49 лет, проживающих в тех же селах, где они родились, 15% мужчин и 13% женщин никогда не состояли в браке, а среди уроженцев областных центров, которые живут в этих же городах – 16% мужчин и 9% женщин. Однако в селах высокий уровень безбрачия, особенно среди мужчин, может быть отчасти связан с социальной пассивностью тех, кто не покидает родных мест, а в больших городах – также и с давно сложившимся там укладом жизни, в котором семейные ценности имеют гораздо меньше значения, чем в сельской местности. Но если это так, то отход от семейных ценностей происходит очень медленно, в процессе смены поколений. Среди мигрантов, переселившихся в эти же областные центры в возрасте до 16 лет, к 40–49 годам ни разу не вступили в брак только 6% мужчин и 2% женщин, а среди прибывших в более старших возрастах – лишь 3% и 5% соответственно.

Гипотеза № 2 подтвердилась частично, причем только в отношении брачного статуса, но не числа детей. Люди, которые в детстве переселились в другие населенные пункты вместе с родителями, по некоторым из показателей семейного положения оказались либо ближе к тем, которые, будучи уже взрослыми, сами приняли и реализовали решение о миграции, чем к местным уроженцам, либо резко отличаются и от тех, и от других.

Гипотеза № 3 подтвердилась. Миграция намного сильнее влияет на брачное и репродуктивное поведение у мужчин, чем у женщин. Когда мигрируют люди, не состоящие в браке и не имеющие детей, многие из них образуют пары с местными жителями. Это очень важно для них, особенно для решения жилищной проблемы. Поэтому большая разница в возрасте и наличие детей у местных далеко не всегда мешает приезжим создавать семьи с ними. В наше время законному браку часто предшествует сожителство, которое может продолжаться годами [Вовк, 2006; Население России 2019, 2022: 50–78]. Многие сожители вообще никогда не узаконивают свой союз в ЗАГСе. Другие откладывают регистрацию брака до тех пор, пока не убедятся в том, что другой стороне можно доверять. В число задач, поставленных перед собой автором этой статьи, не входило изучение проблемы сожительства. Однако анализ данных показало, что миграция представляет собой один из очень важных факторов, способствующих росту масштабов этого явления.

Местные уроженцы нередко подозревают приезжих в корыстных намерениях, особенно в отношении жилья, из-за чего не хотят регистрировать брак и (или) иметь общих детей, даже если брак уже заключен. Поэтому у приезжих мужчин по сравнению с местными больше шансов так и остаться на положении сожителей и (или) вступить в брак, но не иметь родных детей ни в том, ни в другом случае (см. рис. 1, 2 и 3).

У приезжих женщин первым этапом создания семьи тоже часто является сожителство с местными мужчинами, которые не всегда им доверяют. Но эти женщины нередко рожают детей и без согласия партнеров, многим из которых приходится регистрировать брак с ними из-за беременности либо продолжать сожителство после рождения ребенка. Среди сожительствовавших мужчин от 18 до 39 лет из группы 3 более половины (53%) не имеют детей, а среди сожительствовавших женщин в тех же возрастах – только треть (32%). Различия статистически значимо ($p = 0,02$). Доля бездетных среди сожителей из группы 3 в возрасте от 40 до 49 лет составляет 33% у мужчин и 19% у женщин. Показатели по группам 1 и 2 примерно такие же, но доля сожительствовавших среди мужчин и женщин из этих групп во всех возрастах заметно меньше, чем в группе 3 (см. рис. 1 и 2). Группа 2 состоит из людей, которые еще были детьми, когда их родители поселились там, где живут сейчас. С тех пор прошло много лет, их семьи решили свои проблемы, а местные уроженцы уже не считают их приезжими «чужаками».

И при наличии общих детей неофициальные союзы распадаются еще чаще, чем законные браки с детьми, но реже, чем законные браки без общих детей. По данным исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проведенного в России с 2004 по 2011 гг. в рамках международной программы *Generation and Gender*,

среди брачно-партнерских союзов, возникших в 1990–1999 гг., распались до момента опроса (независимо от оформления развода) 68% законных браков без детей и 28% – с детьми, а среди сожительствующих пар соответственно 88% и 44% [Население России 2019, 2022: 106]. Дети удерживают своих родителей от разрыва отношений сильнее, чем штамп о браке в паспорте. По данным опроса ВЦИОМ, проведенного в 2021 г., на вопрос «Представьте себе пару, которая решила развестись. На Ваш взгляд, что может им помешать это сделать?» респонденты чаще всего (в 31% случаев) отвечали: «Невозможность “поделить” детей между родителями»⁴.

Когда приезжают мужчины и женщины, не состоящие в браке, то и тем и другим приходится самостоятельно адаптироваться к условиям жизни на новом месте. Но если речь идет о миграции семей, то мужа чаще, чем жены, решают основные проблемы, связанные с переселением в другой город или регион. Многие мужчины сперва приезжают одни, устраиваются на работу и снимают жилье для всей семьи, после чего жены и дети присоединяются к ним.

Местные уроженцы не сталкиваются с такими затруднениями. Те из них, которые не хотят осложнять себе жизнь, либо не создают семью, либо вступают в брак, но отказываются иметь детей, либо разводятся и не вступают в новый брак, чтобы вернуть и сохранить былую свободу. Такое брачное, бракоразводное и репродуктивное поведение характерно для местных больше, чем для приезжих, но различия между местными и приезжими среди мужчин больше, чем среди женщин. Это тоже подтверждает гипотезу № 3.

Среди всех национальностей, вместе взятых, приезжие отличаются от местных уроженцев не только меньшим процентом бездетных, но и более высокой долей имеющих трех и более детей, в том числе и потому, что многие мигранты являются выходцами из государств Центральной Азии и северокавказских республик РФ, где широко распространена многодетность. Однако и у русских мигрантов доля многодетных среди женатых респондентов тоже больше, чем среди местных уроженцев. Но даже среди мигрантов слишком мало многодетных для полного замещения поколений. Во всех регионах РФ с преимущественно русским населением среднее число детей в расчете на одну женщину меньше двух [Кишенин, 2023; Синельников, 2023]. Миграция из одних этих регионов в другие мало влияет на рождаемость по стране в целом. Однако и внутри России мигрантами часто становятся жители сел, поселков городского типа и небольших городов, где рождаемость выше, а образ семейной жизни более традиционный, чем в больших городах, куда они переселяются.

Люди, прибывшие на новое место в детском и подростковом возрасте вместе с родителями, находятся под влиянием социального окружения, состоящего в основном из местных уроженцев. Поэтому они в меньшей степени воспроизводят установки своих родителей на семейный образ жизни, включая рождение нескольких детей, но имеют более благоприятные условия для реализации этих установок, чем мигранты, которые переселились, будучи уже взрослыми. Представители группы 3 могут иметь более высокие репродуктивные установки, чем представители группы 2, но трудности адаптации на новом месте мешают им реализовать эти установки.

В результате взаимодействия этих противоположных факторов, доля многодетных среди женатых мужчин от 40 до 49 лет, прибывших на нынешнее место жительства в детстве вместе с родителями, примерно такая же, как среди их ровесников, которые переселились, уже будучи взрослыми (см. рис. 4).

По данным исследования ценностей семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019), проведенного в 2018–2019 гг. кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ при участии автора этой статьи путем опроса обоих супругов и охватившего почти 2500 респондентов [Ценности семейно-детного образа жизни, 2020],

⁴ ВЦИОМ. От брака до развода: 1990–2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/ot-braka-do-razvoda-1990-2021> (дата обращения: 17.01.2024).

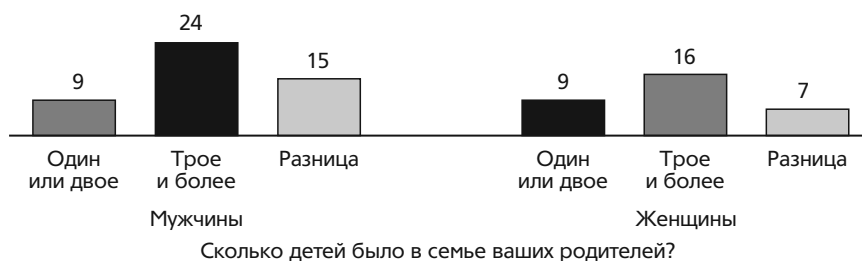

Рис. 5. Доля (%) имеющих трех и более детей от данного брака среди мужчин и женщин в возрасте от 46 до 60 лет, состоящих в первом зарегистрированном браке в зависимости от числа детей у их родителей

Источник: расчеты автора по базе данных СеДОЖ-2019.

среди состоящих в первом законном браке мужчин в возрасте от 46 до 60 лет, которые родились и выросли в семьях с одним или двумя детьми, только 9% сами имеют трех и более детей от данного брака. А среди мужчин, чьи родители имели трех и более детей, многодетными отцами стали 24%. Среди женщин того же возраста и брачного статуса, происходящих из малодетных семей тоже лишь 9% стали матерями трех и более детей стали тоже лишь 9%, а среди выросших в многодетных семьях – 16% (рис. 5).

Различие шансов на то, чтобы стать многодетными родителями между выходцами из малодетных и многодетных семей у мужчин составляет 15%, а его статистическая значимость не вызывает никаких сомнений ($p = 0,001$). У женщин это различие составляет лишь 7%, что в два раза меньше, чем у мужчин. Его статистическая значимость не бесспорна ($p = 0,1$). Эти данные показывают, что традиции многодетности передаются от поколения к поколению по мужской линии чаще, чем по женской.

Однако не следует преувеличивать степень этой преемственности. По данным СеДОЖ – 2019, даже среди людей, которые родились и выросли в многодетных семьях, подавляющее большинство (76% мужчин и 84% женщин) имеют не более двух детей. Правда, у некоторых мужчин этого возраста еще могут быть дети, если их жены значительно моложе их. Но такие возможности есть как у малодетных, так и у многодетных, а также у бездетных. Это не отменяет факта существенных различий в вероятности стать многодетными родителями между мужчинами, происходящими из многодетных и малодетных семей. У женщин эти различия меньше.

Вероятность стать многодетными отцами и матерями зависит не только от числа детей в родительских семьях, но и от других факторов, которые еще предстоит установить в процессе дальнейших социологических исследований. В том числе и от готовности к преодолению затруднений, включая и проблемы, связанные с миграцией.

Заключение. С одной стороны, чем больше та часть населения страны, которая живет в значительно худших условиях, чем жители столиц и других наиболее благоустроенных городов и регионов, тем больше людей, которые переселяются в эти города и регионы. С другой стороны, чем больше масштабы внутренней миграции, тем больше в стране людей, морально и психологически готовых к решению сложных проблем адаптации к условиям жизни на новом месте.

Многие из них не боятся и других изменений в своей жизни, включая создание, увеличение и сохранение семьи, хотя это создает для них немало проблем. Анализ данных исследований показал, что приезжие реже остаются безбрачными и бездетными, но чаще создают многодетные семьи, чем местные уроженцы. Различия по числу детей между местными и приезжими среди мужчин больше, чем среди женщин. Эти особенности демографического поведения мигрантов часто наследуются их сыновьями, но не теми, которые родились на новом месте, когда семья уже адаптировалась к местным условиям,

а теми, кого родители привезли с собой в том возрасте, когда формируются установки на то или иное поведение во взрослой жизни.

Если масштабы внутренней миграции увеличатся, это может быть симптомом роста готовности людей к изменениям в своей жизни. При этом возможно и некоторое повышение рождаемости, но не до уровня простого замещения поколений. Среднее число детей у внутренних переселенцев больше, чем у местных уроженцев, но намного меньше того уровня, который может быть достигнут, если многодетных семей станет в несколько раз больше.

Основные меры демографической политики в Российской Федерации – это помощь матерям с детьми, а не семьям в полном составе. Это основано на убеждении, что создание многодетных семей зависит почти исключительно от жен и матерей, а роль мужей и отцов второстепенна. Согласно закону о материнском (семейном) капитале, распоряжаться им могут лишь женщины.

Однако, судя по приведенным выше данным, формирование многодетных семей зависит от отцов не меньше, чем от матерей. Следует найти такие стимулы, которые могут повлиять на решения мужчин о том, сколько детей должно быть в их семьях. Если дети рождены в законном браке, а их родители потом не развелись, то надо дать отцам право распоряжаться материнским капиталом наряду с матерями, чтобы повысить авторитет мужей и отцов в семьях, а мужчин – в обществе [Синельников, 2022: 363–365].

Важно создать для родителей возможность самим лучше обеспечивать свои семьи, а не рассчитывать лишь на помощь от государства. Это касается главным образом отцов, поскольку они являются основными кормильцами чаще, чем матери, особенно в многодетных семьях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вишневский А.Г. Демографическая история и демографическая теория: курс лекций. М.: ВШЭ, 2019.
- Вовк Е. Практика сожительства в России: распространенность, смыслы, интерпретации // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 4–60.
- Волан С., Пизон Ж., Эран Ф. Рождаемость во Франции – самая высокая в Европе. Причина в иммигрантах? // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 1. С. 118–126. DOI:10.17323/demreview.v7i1.10823.
- Захаров С.В., Чурилова Е.В., Агаджанян В.С. Рождаемость в повторных союзах в России: позволяет ли вступление в новый супружеский союз достичь идеала двухдетной семьи? // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 1. С. 35–51. DOI:10.17323/demreview.v3i1.1762.
- Казенин К.И. Влияние миграции на рождаемость: сопоставление имеющихся гипотез на материале Северного Кавказа // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 1. С. 48–59.
- Кишенин П.А. Региональная дифференциация рождаемости в Российской Федерации: оптика реальных поколений. Демографическое обозрение. 2023. Т. 10. № 4. С. 86–120. DOI:10.17323/demreview.v10i4.18810.
- Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С.В. Захаров. М.: ВШЭ, 2022.
- Синельников А.Б. Браки и разводы в современном обществе: социологический анализ. М.: Перо, 2022.
- Синельников А.Б. Миграционные процессы и рождаемость // Социология. № 6. 2023. С. 49–62.
- Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / Под. ред. А.И. Антонова. М.: МАКС Пресс, 2020.

Статья поступила: 18.01.24 Финальная версия: 11.03.24. Статья принята к публикации: 31.03.24.

THE RELATIONSHIP OF MIGRATION BEHAVIOR WITH MARITAL STATUS AND THE NUMBER OF CHILDREN IN THE FAMILY

SINELNIKOV A.B.

Lomonosov MSU, Russia

Alexander B. SINELNIKOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. of the Department of Family Sociology and Demography, Lomonosov MSU, Moscow, Russia (sinalexander@yandex.ru).

Acknowledgements. The study was supported by a grant from the RSF, project No. 23-28-00518.

Abstract. Based on the analysis of the database of the 30th round of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the Population (Russian Longitudinal Monitoring Survey – HSE) study in 2021, the relationship between marital status and the children number of men and women in reproductive age with their migration behavior is studied. Migrants are less likely to remain single and childless, but more likely to have three or more children than local natives. These differences are explained, so the author, by the fact that people who have independently changed their place of residence differ from people who live where they were born, more willing to face difficulties related both to living conditions adapting in a new place, and to creating, increasing and maintaining a family. The differences between migrants and natives are greater among men than women. In addition, data from a survey of both spouses in more than 1,200 families conducted by the Department of Family Sociology and Demography of the Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University 2018–2019 study show that men whose parents had more than two children are much more likely to have three or more children themselves than women who grew up in the families of the same size. Therefore, demographic policy measures should be applied to increase the birth rate what can affect not only mothers, but fathers as well. It is necessary to take into account the data of sociological studies on the conditions necessary for the birth of children, according to both spouses, and not only women. Schools and other educational institutions should form an active life position among children, adolescents and young people, the ability to overcome difficulties, including those in family life necessary for the society to survive and develop.

Keywords: men, women, migration behavior, migration history, marital status, legal marriage, cohabitation, family, number of children.

REFERENCES

- Kazenin K.I. (2018) Impact of migration on fertility: key hypotheses facing evidence from North Caucasus. *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 21. No. 1: 48–59. (In Russ.)
- Kishenin P. (2023) Regional differentiation of fertility in the Russian Federation: cohort perspectives. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 10. No. 4: 86–120. DOI:10.17323/demreview.v10i4.18810.
- Russia's Population in 2019: 27th Annual Demographic Report.* (2022) Ed. by S.V. Zakharov. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Sinelnikov A.B. (2022) *Marriages and Divorces in Modern Society: Sociological Analysis.* Moscow: Pero. (In Russ.)
- Sinelnikov A.B. (2023) Migration Processes and Fertility. *Sotsiologiya* [Sociology]. No. 6: 49–62. (In Russ.)
- The family-child lifestyle values (SeDOJ-2019): an analytical report on the results of an interregional sociological and demographic study.* (2020) Ed. by A.I. Antonov. Moscow: MAKSS Press. (In Russ.)
- Vishnevsky A.G. (2019) *Demographic History and Demographic Theory: Course of lectures.* Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Volant S., Pison G., Heran F. (2020) French fertility is the highest in Europe. Because of its immigrants? *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 7. No. 1: 118–126. DOI:10.17323/demreview.v7i1.10823. (In Russ.)
- Vovk E. (2006) The practice of cohabitation in Russia: prevalence, meanings, interpretations. *Sotsialnaya realnost'* [Social reality]. No. 4: 46–60. (In Russ.)
- Zakharov S.V., Churilova E.V., Aghajanyan V.S. (2016) Fertility in Repeated Unions in Russia: Does Joining a New Marital Union Allow to Achieve the Ideal of a Two-Child Family? *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 3. No. 1: 35–51. DOI:10.17323/demreview.v3i1.1762. (In Russ.)

Received: 18.01.24. Final version: 11.03.24. Accepted: 31.03.24.

С.В. РЯЗАНЦЕВ, М.Н. ХРАМОВА

РУССКОЯЗЫЧНАЯ МИГРАЦИЯ В ЛАТИНСКУЮ АМЕРИКУ: НОВЫЕ ТРЕНДЫ

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич – член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией международных демографических исследований Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (riazan@mail.ru); ХРАМОВА Марина Николаевна – кандидат физико-математических наук, директор того же института, Москва, Россия (kh-mari08@yandex.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются новые тенденции миграции из стран бывшего СССР в страны Латинской Америки. Выделяются основные каналы русскоязычной миграции: брачная, фертильная, трудовая, миграция цифровых кочевников, вынужденные мигранты. Анализируются статистические данные стран Латинской Америки и данные социологического опроса русскоговорящих мигрантов в Бразилии и Аргентине. Даны оценки численности русскоговорящего населения в ключевых странах Латинской Америки. Выделяется роль интернет-коммуникаций в адаптации и консолидации русскоязычных мигрантов в контексте идеи формирования «русскоговорящего социального пространства». Также описаны ключевые барьеры (административные, культурные, языковые), с которыми сталкиваются мигранты из стран бывшего СССР в процессе интеграции в принимающие общества стран Латинской Америки.

Ключевые слова: эмиграция • русскоязычные сообщества • Россия • Латинская Америка • адаптация • интеграция

DOI: 10.31857/S0132162524040091

Теоретический аспект. Современные тренды русскоязычной миграции в Латинскую Америку динамично изменяются под влиянием различных факторов, которые лежат не только в социально-экономическом, но и политическом поле. Миграционный коридор между странами бывшего СССР и Латинской Америки хотя не является масштабным, но хорошо укладывается в русло миграционной теории «притяжения и выталкивания» [Lee, 1966]. В данном миграционном коридоре действуют положительные («притягивающие») и отрицательные («выталкивающие») факторы, которые подтверждаются эмпирическими данными (прежде всего, глубинными интервью с русскоговорящими мигрантами в странах Латинской Америки).

Несмотря на существующие объективные барьеры для мобильности в данном миграционном коридоре (значительное расстояние, отсутствие прямого авиасообщения, языковые различия, отсутствие широко разветвленных мигрантских сетей), выталкивающие факторы в странах бывшего СССР в сочетании с социально-демографическими характеристиками (трудоспособный возраст, высокий уровень образования, востребованные на рынке труда квалификации) и личными установками мигрантов (ориентация на комфортные климатические условия жизни, свободное общество, стремление путешествовать и смотреть мир) приводят к расширению географии миграции и постепенному вовлечению стран Латинской Америки в орбиту активной русскоязычной миграции.

Автор теории Э. Ли предположил, что на высокообразованных людей больше влияют «притягивающие» факторы, поскольку миграция чаще всего означает для них карьерный рост и (или) увеличение дохода. Притягивающие факторы в странах Латинской

Америки хорошо «вписались» в систему жизненных ценностей русскоязычных эмигрантов последней волны. Представители среднего класса, молодые профессионалы, имевшие опыт активных путешествий по всему миру, состоявшие в условиях политической свободы, получившие хорошее образование, знающие языки, открытые другим культурам, имеющие сбережения, обнаружили, что страны Латинской Америки представляют собой достаточно интересные и комфортные с их точки зрения места для проживания и приложения их профессиональных навыков. Русскоязычная миграция в страны региона приобретает в последние годы все более целенаправленную форму.

Классические недостатки теории «притяжения-выталкивания», к которым исследователи относили невозможность количественной оценки факторов миграции, а также дифференциацию масштабов миграционных потоков при действии сходных факторов, в случае именно русскоязычной миграции в Латинскую Америку скорее доказывает правило, чем являются исключением. Данный регион не имел масштабной русскоязычной эмиграции в отличие от европейских стран, Израиля, США, Канады, не столько по причине низкого качества жизни, сколько по причине удаленности и недостаточной вовлеченности латиноамериканского региона в российскую информационную повестку. Скорее всего поэтому мы не наблюдаем масштабной русскоязычной миграции в страны Латинской Америки, которые в разное историческое время развивались не менее успешно, чем европейские государства. Экономически успешные в разные эпохи Аргентина, Бразилия, Уругвай, Венесуэла не имели таких объемов русскоязычной миграции как Германия, Израиль или США.

И даже модифицированная версия миграционной теории «притяжения-выталкивания» за счет введения в научный оборот понятий «мягких» (бедность, социальное неравенство и безработица) и «жестких» (гуманитарные причины, военные конфликты и экологические катастрофы) выталкивающих факторов миграции также подтверждает релевантность данного подхода в случае последней волны русскоговорящей эмиграции из стран бывшего СССР в Латинскую Америку.

Информационная база и методы исследования. Исследование опирается на данные официальной статистики и регистрации въезда и пребывания мигрантов из стран бывшего СССР в государствах Латинской Америки в их национальных системах учета. Также использовались открытые данные министерств иностранных дел Российской Федерации и стран Латинской Америки о режимах пересечения границы и условиях пребывания российских граждан. Социологический метод исследования включал опрос в форме глубинных интервью с русскоязычными мигрантами и экспертами, собранных автором в Бразилии и Аргентине в октябре 2022 г. – феврале 2023 г. В общей сложности на момент написания статьи автором было взято и обработано 47 интервью с русскоговорящими мигрантами и 11 интервью с экспертами. Поиск респондентов осуществлялся методом «снежного кома» через организации и неформальные объединения русскоязычных мигрантов в Аргентине и Бразилии. Отбор респондентов велся с учетом необходимости охвата различных категорий мигрантов (брачных, образовательных, вынужденных, трудовых и др.), а также с учетом социально-демографических параметров (пол и возраст). В качестве экспертов выступали лидеры русскоязычных организаций, миграционные юристы, представители неправительственных организаций, ученые, православные священники. Респонденты проживали в 15 различных городах Бразилии (Бразилиа, Рио-де-Жанейро, Флорианаполис, Сан-Паулу, Кампинас, Сан-Карлос, Сан-Жозе-дус-Кампус, Форталеза, Салвадор, Ресифи, Жуао-Песоа, Куричиба), Аргентины (Буэнос-Айрес, Кордоба) и Мексики (Тихуана). Мигрантам задавались вопросы о переселении, адаптации, работе, получении документов, изучении языка, контактах с местным населением и родственниками на родине, миграционных планах. Экспертам задавались вопросы о социально-демографической структуре русскоязычной миграции, ключевых проблемах мигрантов, их взаимодействии с государственными структурами в стране проживания и российскими консульскими представительствами. С согласия респондентов производилась запись интервью на диктофон

с последующей расшифровкой для анализа информации. В среднем каждое интервью с мигрантом продолжалось от одного до полутора часов, а с экспертом – 35–45 минут.

Факторы «притяжения» русскоязычного населения в странах Латинской Америки. К числу «притягивающих» русскоязычных мигрантов в регионе относятся административные, экономические, климатические, социальные и политические факторы. Рассмотрим их более детально.

Административные факторы. Большинство стран Латинской Америки являются достаточно открытыми с точки зрения въезда – российским гражданам не требуется виза. Этим пользуются многие российские мигранты, приезжая в страны Латинской Америки в качестве туристов, а затем переходя в другие миграционные статусы. На основе анализа официальной информации МИД России можно выделить пять типов миграционных режимов в регионе для российских граждан.

Максимально либеральный режим въезда и пребывания для россиян установлен в островных странах Барбадос и Сент-Люсия, которые в одностороннем порядке ввели безвизовый режим, причем без ограничения срока пребывания в стране.

Либеральным режимом въезда и пребывания для российских граждан отличаются девять Карибских островных государств (Антигуа и Барбуда, Багамы, Белиз, Гренада, Доминика, Доминиканская Республика, Куба, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Китс и Невис, Тринидад и Тобаго, Ямайка). В них россияне – владельцы общегражданских, дипломатических и служебных паспортов, могут въезжать без визы и пребывать 90 дней в течение 180 дней. Несмотря на либеральный режим, массовой миграции россиян в эти страны не наблюдается, поскольку проживание в них достаточно дорогое и рынки труда ограничены. Некоторые состоятельные российские граждане используют инвестиционные программы для получения второго гражданства, вкладывая средства в недвижимость и государственные бумаги островных государств. Паспорта Карибских стран дают россиянам свободу передвижения по миру.

Аналогичный либеральный режим в отношении въезда и пребывания россиян также имеют девятнадцать стран Центральной и Южной Америки (Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гайана, Гватемала, Гондурас, Колумбия, Коста-Рика, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Сальвадор, Суринам, Уругвай, Чили, Эквадор) – владельцы всех видов паспортов могут пребывать без визы до 90 дней в течение 180 дней. В эти государства отмечается более масштабный приток различных категорий мигрантов из стран бывшего СССР по причине наличия больших возможностей для интеграции в общество менее обеспеченных социально-экономических групп населения. Важно отметить, что власти некоторых государств Южной Америки разрешают продление безвизового пребывания российским гражданам после истечения срока 90 дней и изменение миграционного статуса без выезда за пределы страны. Данной возможностью активно пользуются россияне в Бразилии, обращаясь в Федеральную полицию с ходатайством о продлении пребывания (это необходимо сделать за 30 дней до истечения срока) или переходя в другой миграционный статус. В Аргентине некоторые россияне, приезжая как туристы и находясь без визы 90 дней, на месте меняют миграционный статус, не выезжая из страны. В Уругвае россиянам можно получить разрешение на продление пребывания до 180 дней.

Единственная страна региона, которая имеет визовые отношения с Российской Федерацией, – это Гаити.

Предоставление гражданства иностранцам в странах Латинской Америки основано на принципе «права земли» (“jus soli”), когда родившиеся на их территории автоматически получают гражданство. Это стимулирует фертильную миграцию из России и других стран бывшего СССР. Наиболее яркими примерами являются Бразилия и Аргентина, в которых в последнее время активизировалась фертильная миграция – приезд семей и женщин с целью рождения детей. Кроме того, даже вновь прибывшим мигрантам сравнительно просто получить разрешение на временное проживание и вид на жительство во многих государствах региона.

Экономические факторы. Страны Латинской Америки, несмотря на такие экономические проблемы, как безработица и инфляция, привлекают российских мигрантов возможностью достаточно просто открывать и вести бизнес, а также перспективами экономического роста, который в среднем по региону составляет около 5% ВВП ежегодно. Например, большинство переехавших в Аргентину россиян продолжают работать дистанционно на российские компании, получают доход от сдачи недвижимости, имеют сбережения. В Аргентине достаточно просто зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя и открыть малый бизнес. В 2022 г. в Бразилии открыта программа «цифрового кочевника», которая позволяет получить временный вид на жительство (сроком на 1 год). Ранее была открыта возможность получения постоянного вида на жительство через инвестиции в компании и недвижимость. При покупке жилья в северо-восточных регионах Бразилии на сумму 700 тыс. реалов, а в других регионах страны не менее 1 млн реалов можно получить постоянный вид на жительство и через четыре года гражданство.

Климатический фактор. Большинство стран Латинской Америки располагают комфортными климатическими условиями, мягким климатом, морским побережьем, пляжами, горными курортами, памятниками культуры и археологии. Особенно привлекательны для россиян прибрежные города Бразилии: Флорианополис, Рио-де-Жанейро, Ресифи, Сантус.

Социальный фактор. Развитая и доступная медицина, бесплатные места в университетах также привлекают россиян в страны Латинской Америки. Например, в Бразилии иностранцам доступна система общественных медицинских учреждений – для этого нужно оформить специальную карту (Cartao Nacional de Saude – SUS). Это позволяет бесплатно получать вакцины, посещать врачей на территории всей страны. Беременным женщинам-иностранкам доступны бесплатные роды в государственных госпиталях в Бразилии, Аргентине и Чили. Бразильские университеты предоставляют бесплатные места для обучения иностранным гражданам, в том числе с бесплатными общежитиями и выплатой стипендии. В последние годы бразильские университеты взяли курс на интернационализацию образования, приглашая зарубежных профессоров и студентов на англоязычные программы обучения.

Политический фактор. Большинство стран Латинской Америки отличаются очень демократическими политическими системами, которые сформировались в горниле диктатур и общество больше не хочет возвращаться к тоталитаризму, ревностно оберегая демократические завоевания. В странах региона предоставляется убежище беженцам, отсюда не депортируются политэмигранты, здесь существует свобода вероисповедания, иностранцы могут участвовать в общественной и политической жизни, акциях протеста. Все это привлекает мигрантов из разных регионов мира, где нарушаются права человека, преследуются отдельные социально-демографические группы.

Формы русскоязычной миграции. Русскоязычная миграция в страны Латинской Америки разнообразна с точки зрения мотивации, социально-демографической структуры и каналов въезда. Указанные характеристики оказывают значительное влияние на особенности легализации, адаптацию и интеграцию русскоязычных мигрантов в принимающих обществах.

Мигранты по линии воссоединения семей и брачные мигранты. Традиционно для многих стран Латинской Америки миграция через заключение брака и воссоединение семьи была наиболее доступной. Например, по данным Федеральной полиции в Бразилии, в 2000–2020 гг. статус постоянного жителя получили 1200 граждан Российской Федерации и 1118 граждан других стран бывшего СССР. Многие русскоязычные женщины выходили замуж за граждан Бразилии, переезжали в страну, получая вид на жительство, а затем вступая в гражданство:

«Есть в Аргентине русские молодые женщины, которые приезжают по любви, поскольку их парни или мужья – аргентинцы» (эксперт, исследователь миграции, преподаватель университета, Буэнос-Айрес, Аргентина, 2023 г.).

Особый подход Бразилии к миграции по линии воссоединения семьи неоднократно отмечали эксперты в интервью. Можно сказать, что данный миграционный канал является даже более приоритетным для бразильских властей, чем канал квалифицированной миграции – получить гражданство Бразилии на основе рабочей визы гораздо сложнее, чем в случае наличия родственников-бразильцев:

«Гораздо легче получить [бразильское гражданство], если уже близкий родственник живет в стране, тогда можно быстрее получить гражданство. Много адвокатов помогают это делать» (эксперт, адвокат, руководитель русскоязычного общества, Сан-Паулу, Бразилия, 2022 г.)

«Мой муж – гражданин Бразилии. Я приехала в Рио семь лет назад. У нас родились в Бразилии два сына. Я жила с российским паспортом и видом на жительство и даже не задумывалась, что нужно гражданство Бразилии до 2022 года. Но в последний год я задумалась и подала документы на гражданство. Так легче будет путешествовать в некоторые страны. Да и вообще стабильнее в современной ситуации...» (мигрантка, преподавательница фортепьяно, Рио-де-Жанейро, Бразилия, 2023 г.)

Фертильная миграция («родовой туризм»). К семейной миграции близка миграция с целью рождения детей на территории стран Латинской Америки с последующей натурализацией родителей и близких родственников. Иногда это называют натурализацией методом «тройного коня». Страны Латинской Америки как классические страны иммиграции до последнего времени не препятствовали данному феномену, поскольку их политические системы и миграционные режимы основаны на идее приема иммигрантов. Тем более что фертильная иммиграция из России и других стран Восточной Европы отвечает архаическим негласным ориентирам на привлечение европейских иммигрантов. Максимальное распространение фертильная миграция получила в Аргентине, Бразилии и Чили. Анализ телеграмм-каналов выявил наиболее крупные из них по количеству участников: «РОДЫ В АРГЕНТИНЕ. РОДИТЕЛИ» (22 470 участников), «РОДЫ В АРГЕНТИНЕ. ВНЖ» (17 325), «Сопровождение Родов В Аргентине» (9 422), «Чили Роды Гражданство» (8 902), «Chile Mamas – Роды в Чили» (7 184), «Chile Babies – Роды и гражданство» (5 437), «РОДЫ В АРГЕНТИНЕ» (5 264), «ЧИЛИ / ГРАЖДАНСТВО / РОДЫ» (1 372), «Роды в Бразилии ЧАТ» (364), «Роды в Бразилии» (245), «Brazil Mama – Роды в Бразилии» (193 участника)¹. Наиболее популярны среди российских граждан роды в Буэнос-Айресе в Аргентине и во Флорианополисе в Бразилии. По данным миграционной службы Аргентины, в 2022 г. в страну прилетели 10,5 тыс. беременных россиянок, из них 5,8 тыс. в октябре – декабре. При этом выехали из Аргентины семь тысяч родивших российских женщин². В начале 2023 г. впервые аргентинские власти попытались ограничить въезд россиянок на роды в страну под предлогом несоответствия заявленной цели на въезде (туризм) – реальным целям пребывания (роды). Очевидно, что всплеск фертильной миграции связан с поиском российскими гражданами новых направлений и каналов эмиграции:

«Муж случайно узнал, что есть классный вариант получить второе гражданство. Мы поняли, что это наш шанс, и решили лететь. Большая часть моей беременности прошла в России: когда мы уезжали, я была уже на 33–34-й неделе, это конец восьмого месяца. По приезде в Буэнос-Айрес я сходила на прием к врачу, сдала несколько анализов крови, сделала УЗИ и показала специалистам справки, которые привезла с собой из Москвы. Вопреки стереотипам, в Аргентине очень высокий уровень медицины, особенно во всем, что связано с беременностью и родами. Еще один аргумент в пользу родов в Аргентине – их стоимость: даже с учетом безумной инфляции (за день местная валюта может обесцениться

¹ Данные на апрель 2023 г.

² Preocupa a Argentina masivo ingreso de embarazadas rusas // Associated Press News. 2023. February 11. URL: <https://apnews.com/article/noticias-d8822c2be07cc790385157f4431a5e71> (дата обращения: 12.02.24).

на треть) мы заплатили намного меньше, чем стоят роды в московской частной клинике»³ (россиянка, приехавшая в Аргентину родить ребенка, Буэнос-Айрес, Аргентина, 2023 г.)

«Многие русские (граждане России) приезжают в Бразилию рожать детей. Нет данных таких точных, но мне кажется, что большинство русских мигрантов, которые приехали в Бразилию сейчас, они хотят получить бразильское гражданство через рождение детей. Много молодых семей. Многие приезжают родить второго или третьего ребенка, а потом получают гражданство на остальных детей и сами. И даже затем и на дедушек, и на бабушек» (эксперт, адвокат, руководитель русскоязычного общества, Сан-Паулу, Бразилия, 2022 г.).

Анализ интервью показывает, что фертильная миграция стала для граждан Российской Федерации наиболее доступным и количественно преобладающим каналом миграции в Бразилию и Аргентину. Фертильная миграция значительно усилилась в последние два года по причине усиления выталкивающих факторов эмиграции из России. Миграционный поток представлен молодыми людьми в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет, состоящими в официальном браке и часто имеющих уже одного или двух детей, но стремящихся родить очередного ребенка именно в Бразилии, Аргентине, Чили, для получения гражданства всей семьей по методу «тройного коня».

Вынужденная миграция: соискатели убежища и беженцы. Военные действия активизировали поток вынужденных мигрантов из Российской Федерации, Украины и Беларуси в Латинскую Америку. В 2022 г. несколько стран (Аргентина, Боливия, Бразилия, Гватемала и Мексика) внесли коррективы в миграционную политику: принимают соискателей убежища и предоставляют убежище гражданам стран бывшего СССР. Хотя официально граждане Российской Федерации не могут массово получить гуманитарную визу в странах Латинской Америки, но фактически некоторым россиянам это удается в индивидуальном порядке, когда им удается доказать преследования на политической или сексуальной почве. Например, в Бразилии и Аргентине известны десятки случаев предоставления статуса беженца российским оппозиционным политикам, правозащитникам и общественным деятелям, представителям сексуальных меньшинств, а также людям, имеющим брак с украинскими гражданами.

В июле 1997 г. Бразилия приняла закон о беженцах. Это первый всеобъемлющий закон о беженцах в Южной Америке. Он воспроизводит классическое определение, закрепленное в Конвенции 1951 г., согласно которому человек признается беженцем, если «вследствие серьезного и всеобщего нарушения прав человека он вынужден покинуть страну своей гражданской принадлежности и искать убежище в другой стране» [Fischel de Andrade J.H., Marcolini A., 2002]. Через год после принятия закона о беженцах правительство Бразилии создало Национальный комитет по делам беженцев (CONARE). CONARE координирует процесс предоставления статуса беженца в стране. Согласно бразильскому законодательству, беженец должен получить немедленную защиту. В условиях безвизового режима многие российские граждане приезжают по туристическому каналу и затем запрашивают убежище. Густонаселенные города и районы Бразилии располагают определенными ресурсами и предоставляют беженцам возможности для адаптации и интеграции. Благодаря открытой политике и комплексным программам Бразилия стала лидером по численности беженцев в Латинской Америке [Kazmi, 2021]. В 2020 г. 59,2 тыс. человек попросили убежища в Бразилии, что было на 80% больше, чем в предыдущий год. Вынужденная миграция в Бразилию является диверсифицированной – страна принимает беженцев из различных частей мира. Наиболее заметная группа беженцев – венесуэльцы (около 18%). На этом фоне беженцы из Украины и России не являются многочисленными группами.

28 февраля 2022 г. президент Бразилии Ж. Болсонару объявил: «Мы сделаем все возможное, чтобы принять украинский народ». С марта 2022 г. правительство Бразилии

³ «Акушерки плачут при виде младенца». Россиянка – о том, как она уехала рожать в Аргентину и осталась там жить // Дзен. 2023. 2 февраля. URL: https://zen.ru/a/Y9wwwVeUuQp1yZX2?share_to=link (дата обращения: 12.02.24).

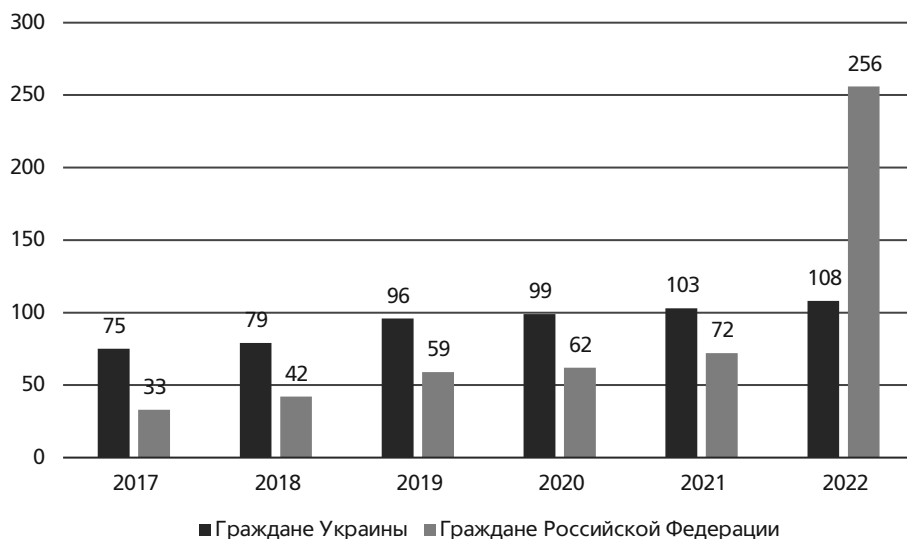

Рис. 1. Численность беженцев и соискателей убежища из Российской Федерации и Украины в Бразилии в 2017–2022 гг., человек

Источники: UNHCR. The UN Refugee Agency. Refugee Data Finder. URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/download/?url=aN02nN>; <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/download/?url=78yT0M>

предоставляет временную визу и вид на жительство с целью гуманитарного приема гражданам Украины и лицам без гражданства, которые пострадали и переехали с Украины. Первоначальные документы действительны в течение 180 дней. Беженцы могут жить в Бразилии до двух лет после истечения срока действия первоначальной визы. Согласно данным Федеральной полиции, с 3 февраля по 22 марта 2022 г. Бразилия приняла 1100 украинских беженцев⁴. Большинство из них разместились в штате Парана, где расселена крупная украинская диаспора. Многие украинские беженцы рассматривают Бразилию лишь как временное убежище. На 18 марта 2023 г. поступил только 21 запрос на получение временной визы, пять запросов на получение вида на жительство и два запроса на получение других категорий виз⁵.

Аргентина также предлагает гуманитарную визу украинским гражданам на срок до трех лет. Гватемала тоже принимает беженцев с Украины.

В Бразилии для получения статуса беженца необходимо решение Национального комитета по делам беженцев, который проводит собеседование и одобряет или отклоняет заявку. Заявитель должен предоставить доказательства рисков возвращения в страну происхождения. Ранее для российских граждан прохождение процедуры было сложным. Формально она занимает от трех до шести месяцев, но фактически, как отмечают мигранты и эксперты, может длиться до одного года. С 2022 г. эксперты отмечают возможность получения статуса гражданами Российской Федерации. Это доказывают данные УВКБ ООН, которые показывают более чем двукратный рост соискателей убежища и беженцев из России в 2022 г. в Бразилии.

⁴ Mais de 1.100 ucranianos desembarcaram no Brasil desde o início da guerra, diz PF. CNN Brasil. 2022. 22 March. Archived from the original on 22 March 2022. Retrieved 6 April 2022.

⁵ Ukrainian Refugees Welcomed in Latin America, Though Few Are Staying. Saturday. 2022. March 26. Planet Today. URL: <https://www.planet-today.com/2022/03/ukrainian-refugees-welcomed-in-latin.html> (дата обращения: 12.02.24).

«Мы ощущаем приток беженцев из России в Бразилию. Мы делали семинар в ютубе «Как просить беженство в Бразилии». За две недели его посмотрело более 300 человек. И в чате появилась куча вопросов. И мы на эти вопросы отвечаем. [...] Я думаю, русских должно было приехать как минимум столько, сколько и украинцев (около 500 человек). Русские вновь прибывшие, они заметнее. Украинцы, они приезжают или к родственникам, или к друзьям, и часто по всей Бразилии распространяются. А русские приезжают, и они не знают, к кому они едут. Они выходят в Сан-Паулу или в Рио, потом находят местные чаты и начинают там все спрашивать. Поэтому русские гораздо заметнее, чем украинцы. Вновь прибывшие есть почти каждый день. Когда разговариваю со знакомой, она говорит у нас приехали несколько человек, уехавших от мобилизации. Раньше редко россияне просили беженство. Не давали статус. Чтобы подать на беженство нужно проходить интервью, доказывать, что тебя преследуют. Сейчас стало понятно, что дают статус. И люди стали на беженство подавать. Так получил, например, А., мой знакомый» (эксперт, миграционный активист, преподаватель, Бразилия, 2022 г.).

Трудовая миграция и миграция цифровых кочевников (*Digital Nomads*). Несмотря на ограниченность и насыщенность рынков труда, страны региона нуждаются в квалифицированных специалистах в промышленности, IT-сервисах, научных исследованиях и технологиях. Но при этом трудовая миграция не является приоритетом миграционной политики стран Латинской Америки. Например, в Бразилии существует двухступенчатая процедура получения специалистом разрешения на работу с участием работодателя через Министерство труда и Федеральную полицию. Процедура является довольно сложной и длительной, но в последние годы происходит через специальный миграционный портал. Обычная рабочая виза выдается на два года, а затем на девять лет при наличии трудового договора (контракта). Но пребывание по рабочей визе не дает перспектив получить постоянный вид на жительство и гражданство Бразилии.

Развитие цифровой экономики способствовало появлению новой группы мигрантов – цифровых кочевников. Как правило, это специалисты в области IT-сервисов (программисты, Web-дизайнеры, блогеры), а также профессионалы, имеющие возможность работать онлайн (тренеры, ученые, преподаватели, консультанты, редакторы, дизайнеры и пр.). Некоторые страны Латинской Америки, «держа руку на пульсе», ввели визу для цифровых кочевников и упрощенные миграционные процедуры для данной категории мигрантов, в том числе Аргентина, Бермуды, Багамы, Бразилия, Коста-Рика и др. Бразилия ввела специальный годовой вид на жительство с возможностью продления для цифровых кочевников при наличии 18 тыс. долл. на банковском счете, ежемесячного дохода в размере 1,5 тыс. долл.:

«С 2018 г. начались существенные изменения в миграционных процедурах в Бразилии. Теперь человек может въехать в страну и запросить статус «цифрового кочевника» уже потом. Первые люди, кому будут давать этот статус, только сейчас это происходит. Я только одного такого человека знаю, который получил. Это только появилось в начале 2022 года. Первые русские подали и получили. И есть уже человек, который консультирует, как это делать. Анастасия, которая вебинар давала, разобралась с этим, сопровождает с подачей документов. Самому не так просто справиться. И через нее определенный поток людей проходит, которые просят цифровое кочевничество. Требования не такие уж жуткие. Нужно доказать, что зарабатываешь 1500 долларов в месяц не в Бразилии, либо что у тебя есть на счету 18 тысяч долларов. То, что появилось цифровое кочевничество – это очень сильно изменило ситуацию» (эксперт, миграционный активист, преподаватель, Бразилия, 2022 г.).

Анализ интервью с мигрантами и экспертами, а также данные статистики показывают, что россияне используют различные каналы для миграции в страны Латинской Америки. В настоящее время преимущественно это фертильная и брачная миграция, но постепенно растет роль каналов вынужденной и трудовой миграции, а также миграции цифровых кочевников.

Численность и адаптация русскоязычного населения в странах Латинской Америки. По оценке, основанной на анализе данных переписей населения и данных

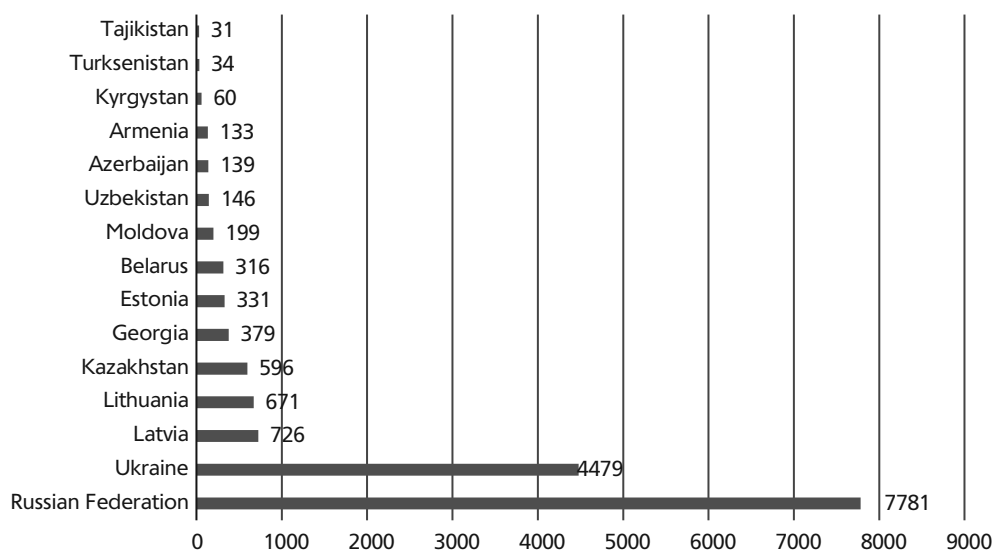

Рис. 2. Численность иммигрантов из стран бывшего СССР, зарегистрированных Федеральной полицией при получении видов на жительство в Бразилии в 2000–2022 гг., чел.

Источники: Imigrantes Internacionais Registrados no Brasil (com Registro Nacional Migratorio – RNM). Banco Interativo. NEPO. UNICAMP. Available at: <https://www.nepo.unicamp.br/observatorio/bancointerativo/numeros-imigracao-internacional/sincre-sismigra/>

об иммиграции, в странах Латинской Америки проживают около 250–300 тыс. человек, родившихся в странах бывшего СССР [Jiménez, 2018]. С учетом потомков выходцев разных волн миграции их численность может составлять около 500–600 тыс. человек. Крупнейшие русскоязычные общины сосредоточены в четырех странах: Аргентине, Бразилии, Мексике и Чили. Численность русских, проживающих в странах Латинской Америки, зависит от нескольких факторов: иммиграции, эмиграции, рождаемости, смертности, трансформации идентичности, перехода в гражданство принимающих стран. В нашей работе «Современное состояние и перспективы русскоговорящих общин в странах Латинской Америки» были подробно описаны пять исторических волн русскоязычной миграции в регион как факторы формирования русскоязычных сообществ в ключевых странах Латинской Америки [Рязанцев и др., 2016].

В Аргентине живут около 300 тыс. мигрантов и их потомков из Российской империи и стран бывшего СССР, образуя самое крупное и активное русскоязычное сообщество. Выходцами из страны бывшего СССР (рожденными на их территории) могут быть около 100 тыс. человек с учетом последней волны иммиграции, остальные – их потомки. Большинство русскоязычных проживает в Буэнос-Айресе, Кордобе, Росарио и Мендоса. В последние годы значительно увеличился приток русскоязычных мигрантов в Аргентину.

В Бразилии проживает около 120–150 тыс. выходцев из стран бывшего СССР и их потомков разных миграционных волн. Они сосредоточены в крупных городах, прежде всего, в Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро. По данным Генерального консульства РФ, в Сан-Паулу проживает около 30 тыс. граждан Российской Федерации⁶. В это число входят постоянно и временно проживающие, а также лица, находящиеся в командировках. Русскоязычные объединения в Бразилии известны активным участием в культурных, научных,

⁶ См.: https://sao-paulo.mid.ru/ru/sootechestvenniki/sootechestvenniki_v_brazilii/

образовательных, экономических проектах. Многие россияне открыли успешные предприятия в туризме, ресторанном бизнесе, торговле.

В Мексике проживают около 20–30 тыс. выходцев из стран бывшего СССР, прежде всего, в Мехико, Канкуне, Плая-дель-Кармен и др. Согласно данным Национального института статистики и географии (INEGI), в 2020 г. в Мексике проживал с постоянными видами на жительство 2321 гражданин Российской Федерации⁷. Ежегодно 25–50 россиян становятся гражданами Мексики. Мексика привлекает относительно свободным режимом въезда и пребывания, климатическими условиями, пляжами, близостью к США. В последнее время усилился поток выходцев из стран бывшего СССР, которые направляются транзитом через территорию Мексики в США.

В Чили проживает около 10–20 тыс. выходцев из стран бывшего СССР, преимущественно в Сантьяго и Пунта-Аренас. Ежегодно несколько десятков граждан Российской Федерации становятся гражданами Чили.

Адаптация россиян в Латинской Америке в целом проходит успешно, но иногда сталкивается с социокультурными и административно-бюрократическими барьерами. Например, культура латиноамериканских обществ отличается от российской образом жизни, формами коммуникации, что часто является непривычным для иммигрантов. В странах Латинской Америки официальными языками являются испанский и португальский, которые широко не изучались русскоязычными мигрантами в своих странах. Незнание языка затрудняет общение русскоговорящих мигрантов с органами власти и местными жителями, усложняет поиск работы, ограничивает социальные контакты. Исследовав особенности изучения русскоязычными мигрантами португальского языка при сдаче экзамена CELPE-BRAS для получения бразильского гражданства, ученые приходят к выводу, что многие русскоязычные мигранты сравнительно быстро и легко осваивают разговорный уровень португальского языка, хорошо погружаются в культуру принимающего общества [Смирнова-Энрикес, Русеишвили, 2019].

Бюрократические барьеры в сфере регистрации и получения миграционных документов в совокупности с незнанием языка зачастую становятся препятствием для легализации мигрантов. Например, в Бразилии важно иметь свидетельство о рождении, апостилированное в стране происхождения. Без этого документа невозможно получить разрешение на проживание и другие документы. В офисах Федеральной полиции мало сотрудников, говорящих по-английски, что также приводит к сложностям для русскоговорящих мигрантов, не владеющих португальским языком.

Несмотря на наличие барьеров, большинство русскоязычных мигрантов успешно адаптируются к жизни в Латинской Америке. Связано это, с одной стороны, с адаптивностью и достаточно высоким уровнем образования выходцев из стран бывшего СССР. А с другой стороны, с открытостью принимающих обществ и их ориентацией на прием мигрантов. В странах Латинской Америки государственные учреждения и неправительственные организации предоставляют широкий спектр услуг по поддержке мигрантов, помогая им преодолевать социокультурные барьеры. Также значительную роль в адаптации русскоязычных мигрантов играют социальные миграционные сети (прежде всего, они помогают в поиске жилья, работы, оформлении документов).

Например, русскоязычные бразильские чаты в Telegram объединяют следующее количество участников: «БРАЗИЛИЯ ЧАТ» (12564), «Бразилия чат» (5834), «БРАЗИЛИЯ/ГО» (3687), «Бразилия Чат» (2091), «Рио-де-Жанейро» (1356), «Флорианополис чат» (1372), «Сан-Паулу чат» (930), «ВНЖ в Бразилии» (601), «Русские в Бразилии» (263), «Русские в Бразилии / Brazil» (64), «Бразилия Ресифи / Recife Chat» (42 участника)⁸. Опрос русскоговорящей молодежи в Бразилии показал, что респонденты следили за новостями о России чаще всего через новостные интернет-порталы (80%), российские телеканалы (39%),

⁷ См.: <https://gotomexico.today/mexico/people/13460.html>

⁸ Данные на октябрь 2023 г.

телеграм-каналы (36%) [Рязанцев и др., 2013]. Вступление в русскоязычные группы в социальных сетях и различные клубы помогает мигрантам сформировать круг общения на новом месте, решить бытовые и социальные вопросы, опираясь на поддержку и опыт соотечественников. Бразильскими социологами вводится понятие «русскоязычное социальное пространство» [Смирнова-Энрикес, Русеишвили, 2019].

Исследование, посвященное политической и гражданской активности, выявило следующие потребности, которые удовлетворяют социальные сети: общение, развлечения, поиск собственной идентификации и получение информации [Valenzuela et al., 2009]. Для представителей диаспор онлайн-взаимодействие служит нескольким основным целям: социализация посредством связи с другими членами сообщества, имеющими опыт проживания в принимающей стране; деятельность по поиску информации, чтобы понять иммиграционные правила, поиск помощи в решении бытовых вопросов; поддержание родной культуры [Рязанцев и др., 2013].

Опрос русскоговорящей молодежи в Бразилии показал, что респонденты искали в онлайн-сообществах информацию о проведении различных культурных и спортивных мероприятий (67%). Социальные сети остаются важным источником новых знакомств, в том числе среди русскоговорящего населения (54%). Около 44% опрошенных используют онлайн-сообщества для установления связи с Россией, через поиск информации о возможностях учебы, стажировки или работы в России [там же]. Коммуникация мигрантов в интернет-сетях помогает поддерживать связь, устанавливая контакты, получать информацию, передавать культурные ценности, адаптироваться в новой языковой и культурной среде.

Заключение. Миграционные системы большинства стран Латинской Америки характеризуются достаточной высокой степенью открытости для граждан стран бывшего СССР. Учитывая распространенность принципа «права земли» (“jus soli”) в вопросах предоставления гражданства, регион является очень привлекательным для граждан стран бывшего СССР с точки зрения получения второго паспорта и проживания. Важно отметить, что многие государства предоставляют убежище беженцам и облегчают легализацию мигрантов, что содействует их интеграции в общество и улучшению их социального положения.

Современный поток русскоязычных мигрантов из стран бывшего СССР отличается молодой возрастной структурой, высоким уровнем образования и квалификации, представлен активными людьми, а следовательно, обладает отличным интеграционным потенциалом для принимающих обществ. Многие русскоязычные мигранты строят долгосрочные жизненные стратегии в странах Латинской Америки: изучают местные языки, получают дополнительное образование, участвуют в социокультурных проектах, инвестируют средства в бизнес и недвижимость, развивают торгово-экономические отношения, стремятся получить гражданство.

Русскоязычные мигранты из стран бывшего СССР, хотя и представляют собой не слишком масштабный миграционный поток для Латинской Америки на фоне мигрантов из других стран, обладают прекрасным социокультурным, демографическим и экономическим потенциалом. Это также доказывает история русскоговорящей иммиграции предыдущих волн. Несмотря на эти позитивные аспекты, пока миграционная политика стран Латинской Америки недостаточно использует возможности русскоязычной миграции в интересах развития своих стран. Также значительные выгоды может получить Российская Федерация для развития социокультурных и экономических отношений между странами при проведении дружественной политики в отношении русскоязычных мигрантов и соотечественников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Плетнева Ю.Э. Роль интернет-коммуникации в консолидации русскоязычного сообщества в Бразилии // Вестник славянских культур. 2023. Т. 67. С. 21–34. DOI: 10.37816/2073-9567-2023-67-21-34. [Ryazantsev S.V., Pismennaya E.E., Pletneva Yu. E. (2023) The role

- of Internet communication in the consolidation of the Russian-speaking community in Brazil. *Vestnik Slavyanskikh Kultur* [Bulletin of Slavic Cultures]. Vol. 67: 21–34. (In Russ.)]
- Рязанцев С.В., Храмова М.Н. Современное состояние и перспективы русскоговорящих общин в странах Латинской Америки // Научное обозрение. Сер. 1. Экономика и право. 2016. № 6. С. 5–14. [Ryazantsev S.V., Khramova M.N. (2016) Modern state and prospects of Russian-speaking communities in Latin American countries. *Nauchnoe obozrenie. Ser. 1. Economica i Pravo* [Scientific Review. Ser. 1. Economics and Law]. No. 6: 5–14 (In Russ.)]
- Jiménez L.F. (2018) *Migrants and Political Change in Latin America* Gainesville. FL. DOI: 10.5744/florida/9781683400370.001.0001
- Fischel de Andrade J.H., Marcolini A. (2002) Brazil's Refugee Act: model refugee law for Latin America. *Forced Migration Review*. University of Oxford: Refugee Studies Centre. URL: <https://www.fmreview.org/development-induced-displacement/fischeldeandrade-marcolini> (accessed: 12.02.24).
- Kazmi M. (2021) Brazil's Successful Refugee Policies: A Model for the World. *The Borgen Project*. URL: <https://www.borgenmagazine.com/brazils-successful-refugee-policies/> (accessed: 12.02.24).
- Smirnova Henriques A., Ruseishvili S. (2019) Russian-speaking migrants in Brazil in the 21st century: demographic profiles, insertion paths and migratory projects. *Ponto-e-Virgula*. No. 25: 89–96. (In Portuguese)
- Valenzuela S., Park N., Kee K.F. (2009) Is there social capital in a social network site?: Facebook use and college students' life satisfaction, trust, and participation. *Journal of computer-mediated communication*. 2009. Vol. 14. No. 4: 875–901. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2009.01474.x.

Статья поступила: 30.10.23. Финальная версия: 12.02.24. Принята к публикации: 22.02.24.

RUSSIAN-SPEAKING MIGRATION TO LATIN AMERICA: NEW TRENDS.

RYAZANTSEV S.V.*, KHRAMOVA M.N.*

*Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Russia

Sergey V. RYAZANTSEV, Corresponding member of the RAS, Head of Laboratory for International Demographic Research (riazan@mail.ru), Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Acknowledgements. The research was financially supported by the Russian Science Foundation within the framework of scientific project "Emigration and the situation of the Russian-speaking population in the countries of the Asia-Pacific region in the context of new global challenges" No. 22-68-00210.

Abstract. The article considers new trends of migration from the former Soviet Union to Latin American countries. The main channels of Russian-speaking migration are highlighted: marital, fertile, labour, digital nomadic migration, forced migrants. The statistical data of Latin American countries and the data of sociological survey of Russian-speaking migrants in Brazil and Argentina are analyzed. Estimates on the size of the Russian-speaking population in key Latin American countries are given. The role of Internet communications in the adaptation and consolidation of Russian-speaking migrants in the context of the idea of forming a "Russian-speaking social space" is highlighted. The article also describes the key barriers (administrative, cultural, linguistic) faced by migrants from the former Soviet Union in the process of integration into the host societies of Latin American countries.

Keywords: emigration, Russian-speaking communities, Russia, Latin America, adaptation, integration.

Received: 30.10.23. Final version: 12.02.24. Accepted: 22.02.24.

© 2024 г.

В.К. ЛЕВАШОВ

ГРАЖДАНЕ РОССИИ О ГИБРИДНОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СТРАНЕ

ЛЕВАШОВ Виктор Константинович – доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (levachov@mail.ru).

Аннотация. В эффективном управлении сложившейся гибридной ситуацией, сочетающей сосуществование России с коллективным Западом и противостояние с ним, решающее значение приобретает достоверная социологическая информация о социально-политическом потенциале устойчивости и резервах консолидации российского социума, его готовности к защите Отечества. Эмпирической базой статьи являются данные социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» об актуальных аспектах жизнедеятельности гражданского общества, на основе анализа которых делаются выводы о возможных тенденциях развития социально-политической ситуации в нашей стране. Социологические измерения в 2023 г., сопоставляемые с данными предыдущих лет, позволяют сделать вывод, что российское общество обладает высоким ресурсом социально-политической устойчивости и консолидации. Так, анализ структуры актуальной тревожности показал, что СВО не оказала критически дестабилизирующего воздействия на жизнь ни одной группы российского общества. Доля считающих, что политическую систему необходимо радикально изменить, сократилось в 2023 г. до минимума (16%) за последние 30 лет измерений. Подавляющая часть (73%) россиян полагают, что основные угрозы для России исходят из-за рубежа. Индекс социально-политической устойчивости вернулся в 2023 г. в зону стабильного и устойчивого развития, достигнув наивысшего значения за 30 лет измерений в мониторинге. Отмеченные позитивные тенденции показывают, что Россия успешно продолжает путь поиска баланса и симфонии интересов в современной гибридной социальной реальности.

Ключевые слова: гибридная реальность • социологический мониторинг • социально-политическая ситуация • устойчивое развитие общества и государства • политическая культура

DOI: 10.31857/S0132162524040107

Современная российская гибридная реальность как объект изучения. Социально-политическая ситуация в России с момента начала СВО формировалась в диалектическом динамическом взаимодействии глобальных и локальных, долгосрочных и современно-актуальных условий и факторов жизнедеятельности российского общества и государства. Формы мирного политического сосуществования и масштабного вооруженного противостояния на Украине между коллективным Западом и РФ в конечном счете определили гибридный характер социальной реальности, в которой живет наша страна [Левашов, Новоженина, 2022]. События последних лет – не первое, и, по всей вероятности,

не последнее мировоззренческое, морально-этическое и военно-политическое столкновение локальных цивилизаций Запада, Востока, Севера и Юга. И в прошлом колониальные войны и национально-освободительные движения, «холодная война» и периоды разрядки являлись диалектическими формами глобальной социально-политической гибридной реальности – соединения мирного сосуществования разных цивилизаций и их силового противоборства. Особенность нынешнего, начавшегося еще в 2014 г. конфликта заключается в том, что он принял с началом СВО для российского общества и государства экзистенциальный характер. Проблемная ситуация перешла в силовую фазу глобального противостояния, которое существенным образом определяет перспективы безопасности и устойчивости мира на планете.

Исследуя характер и динамику социокультурных изменений, в 1980–1990-х гг. британский социолог Р. Робертсон предложил свое видение социологической сущности процессов глобализации и глокализации. Процессы глобализации он рассматривал как «сжатие мира и интенсивное осознание мира как целого» [Robertson, 1992: 8]. Глокализация же, по его мнению, проявляется в объективных процессах дифференциации и локализации многообразия социокультурных идентичностей в условиях глобальных трансформаций. В современных социальных условиях практики глокализации стали критической реакцией на стратегии и политику глобальной неолиберализации по-американски, стремления утвердить гегемонию однополярного мира финансово-банковской и военно-промышленной империи *Pax Americana* [Robertson, 1992: 173–174]. Глокализация выступает в первую очередь как проявление традиционных особенностей национальных хозяйственно-экономических, технологических укладов, духовно-нравственных и религиозных традиций, и на этой почве – суверенной самоидентификации национально-государственных ценностей и интересов в многонациональном мире.

Одной из форм проявления гибридных процессов глобализации и глокализации является специальная военная операция (СВО) на Украине. Момент начала СВО стал рубежным для российского гражданского общества, политической и бизнес-элиты в самоидентификации и избавлении от иллюзий возможности нормализации отношений нашей страны с нынешним руководством США, стран Запада и НАТО, в осознании экзистенциального характера угроз безопасности и перспектив устойчивого социально-политического развития. Отражение диалектики этих процессов гибридной социальной реальности в массовом сознании российских граждан прослеживается в результатах социологических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Эмпирической основой авторского исследования общественного сознания россиян в новой гибридной реальности стали данные всероссийского социологического мониторинга ИСПИ ФНИСЦ РАН «Как живешь, Россия?», проводимого научным коллективом под руководством автора с 1992 г. [Левашов и др., 2023]. Последний полевой этап проводился 5–10 июня 2023 г. в 22 регионах страны, опрашивались 1700 респондентов. Выборка была квотно-пропорциональной всероссийской со взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности (пола, возраста, образования, местожительства, при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением). Данные проведенного в минувшем году опроса сопоставляются далее с предшествующими волнами мониторинга, охватившими период более 30 лет, с акцентом на изменениях в периоды «крымской весны» (2014–2016 гг.), ковидпандемии (2020–2021 гг.) и СВО (2022–2023 гг.).

Тревоги россиян. Социологические измерения структуры и характера тревожности массового сознания российского общества в 2023 г. показывают его существенную перестройку по сравнению с прошлыми периодами (табл. 1).

Рост цен на продукты питания (им были обеспокоены 49% россиян), дороговизна жизни (47%) и повышение тарифов на услуги ЖКХ (31%) – традиционные для российских граждан тревоги. Они несколько снизили свои значения по сравнению с прошлым годом, хотя по-прежнему остаются самыми актуальными. На верхние позиции рейтинга беспокоящих россиян проблем поднялись тревоги, связанные с проведением СВО на Украине (33%), угроза

Таблица 1

Динамика тревожности россиян

(ответы на вопрос «Какие проблемы беспокоят вас в первую очередь?», выбор не более пяти позиций, % от числа опрошенных, здесь и далее N = 1300–1800 на различных этапах)

Проблемы	2014, XII	2015, XII	2016, XII	2020, IX	2021, VI	2022, V	2023, VI
Рост цен на продукты питания	27	34	28	32	49	58	49
Дороговизна жизни	50	58	60	61	34	50	47
Проблемы проведения СВО на Украине	–	–	–	–	–	3	33
Повышение тарифов на услуги ЖКХ	35	31	34	31	40	30	31
Угроза ядерной войны	–	–	–	–	–	–	27
Страх перед будущим	18	19	20	19	13	27	25
Высокая инфляция	13	14	11	10	23	27	17
Экологическая обстановка	20	22	17	39	22	18	17
Произвол чиновников, коррупция	29	33	36	28	24	16	17
Ухудшение отношений с США и Европой	13	8	6	3	7	24	17
Падение нравов, культуры	23	19	19	15	21	15	16
Ухудшение положения пенсионеров	12	13	17	16	18	15	15
Безработица	21	28	30	34	25	21	14
Экономические санкции против России	–	10	8	11	7	24	13
Терроризм	12	23	16	6	11	8	13
Разделение общества на богатых и бедных	24	24	28	29	19	14	12
Безопасность ваша и ваших близких	23	26	23	25	12	10	12
Обострение межнациональных отношений	15	14	11	12	8	13	11
Наркомания	19	13	12	9	18	8	10
Закрытие, простой предприятий	11	13	12	14	7	11	10
Преступность	22	19	20	17	15	7	9
Алкоголизм	16	13	15	10	16	7	8
Мировой экономический кризис	7	8	6	7	8	12	8
Задержка выплаты зарплаты, пенсий	7	8	7	6	7	3	2

Примечания. (–) – отсутствие позиции в инструментарии. Сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций. Интенсивность заливки варьируется в зависимости от степени тревожности.

ядерной войны (27%) и страх перед будущим (25%). Правда, по многим проблемам «скачок» тревожности произошел в 2022 г., после начала СВО. По некоторым из них (росту цен, дороговизне жизни, страху перед будущим) за 2022–2023 гг. произошло снижение тревожности. После резкого роста на фоне начала СВО в 2022 г. на периферию тревог общества в 2023 г. отошли, наряду с высокой инфляцией и безработицей, такие проблемы, как ухудшение отношений с США и Европой (снижение на 7 п.п.), экономические санкции против России (на 9 п.п.) и мировой экономический кризис (на 4 п.п.).

Отвечая на открытый вопрос «Как СВО повлияла на их и их близких повседневную жизнь?», равное число респондентов (по 27%) указали, что «ухудшилось состояние

Таблица 2

Структура тревожности в группах, по-разному затронутых проблемами СВО
(выбор не более пяти позиций, % от числа опрошенных в группах, июнь 2023 г.)

Тревожащие проблемы	Влияние СВО			
	ухудшилось состояние здоровья и/или психологическое состояние	родственники и/или друзья участвуют в СВО	последствия проведения СВО на Украине не сказались	увеличились текущие расходы
Рост цен на продукты питания	51	45	57	58
Дороговизна жизни	48	51	48	47
Повышение тарифов на жилье и коммунальные услуги	30	29	40	32
Проблемы проведения СВО на Украине	37	41	25	33
Угроза ядерной войны	29	27	24	18
Страх перед неопределенностью будущего	29	30	23	26

здоровья и/или психологическое состояние (тревога, страх ядерной войны и т.д.)» и что «последствия проведения СВО на Украине на них не сказались». Гораздо реже встречались ответы о более сильном влиянии – «родственники и/или друзья участвуют в СВО» (10%), «увеличились текущие расходы» (9%).

Анализ структуры актуальной тревожности респондентов в группах, по-разному затронутых проблемами СВО, позволяет прийти к выводу, что резких различий в этой структуре не наблюдается (табл. 2), т.е. СВО не оказало критически дестабилизирующего воздействия на жизнь какой-либо группы российского общества. Традиционные проблемы материального благосостояния (рост цен, дороговизна жизни) остаются приоритетными во всех группах. Проблемы СВО выходят на третье место только для россиян, у которых СВО коснулась непосредственно их здоровья или их родственников. В этих же группах наиболее высок страх перед неопределенностью будущего и угрозой ядерной войны. Для респондентов, на которых не сказались последствия СВО, характерны более высокие уровни тревожности, чем для остальных, по «мирным» проблемам экологической обстановки, падения нравов, культуры, распространения наркомании, у них меньше и беспокойства по поводу ухудшения отношений России с США и Европой.

Отношение к политическим и общественным институтам. Положительное отношение к курсу проводимых экономических реформ встречается чаще, чем раньше, хотя и у менее чем половины россиян (43%). Резкий рост значения этого показателя произошел в 2022 г., после начала СВО (с 23% в 2021 г. до 42% в 2022 г.), что, по всей вероятности, связано с общим позитивным изменением отношения граждан к политике российского государства. Такой вывод подтверждается резким ростом доверия к Правительству РФ, которое в 2022–2023 гг. впервые за весь период наблюдений превысило 50%. Принадлежность к группам, по-разному затронутым проблемами СВО, слабо дифференцирует значения этих показателей. Отметим резкое отклонение в сторону уменьшения уровня доверия Правительству РФ (на 28 п.п.) от средней величины показателя у респондентов, кто «потерял часть сбережений и/или доходов».

Доля респондентов, считающих, что политическую систему необходимо изменить радикальным образом, сократилась до минимального значения (16%) за 30 лет измерений, а доля сторонников устранения недостатков реформами возросла в 2022–2023 гг.

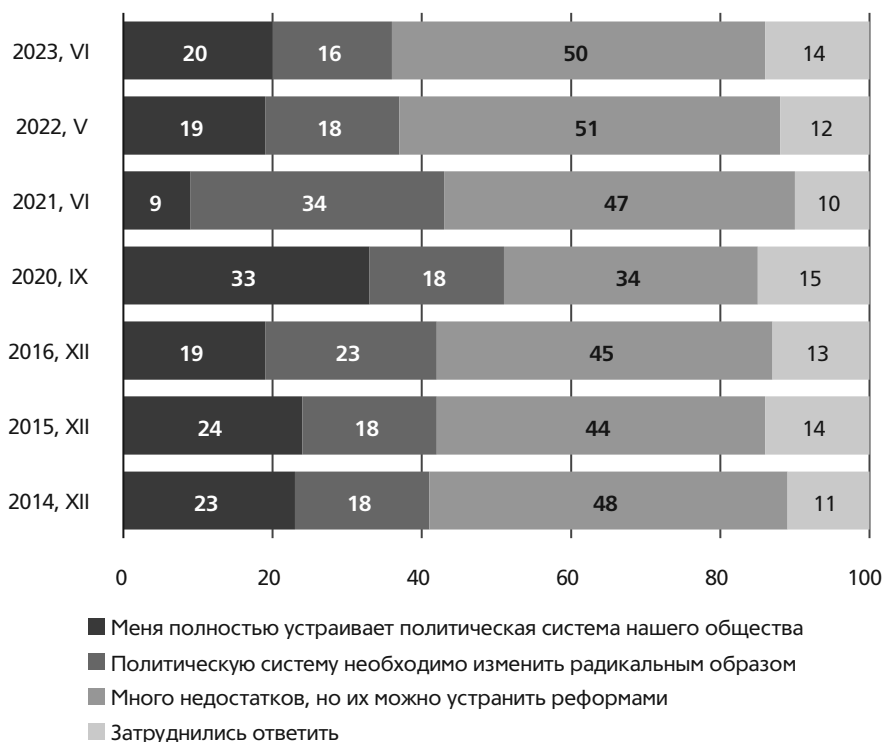

Рис. 1. Отношение россиян к политической системе общества
(% от числа опрошенных)

до максимального значения (50%) (рис. 1). Это можно интерпретировать как принципиальную поддержку гражданами действий своего государства, которое решительными действиями на Украине продемонстрировало политическую волю и решимость защитить страну и интересы соотечественников. При этом наибольший процент считающих, что «политическую систему необходимо изменить радикальным образом» (30–33%), наблюдается в группах опрошенных, у которых «некоторые родственники и/или друзья уехали из России» или «сократились возможности зарубежных поездок», их доля в общем массиве респондентов не выше 5%.

В целом в 2023 г. уровень доверия к всероссийским общественным структурам и институтам власти вырос или остался на высоком уровне. Выросло доверие к Церкви, руководителям регионов, органам местного самоуправления, Общественной палате и общественным организациям, полиции, суду, прокуратуре. Наиболее значительный рост доверия коснулся в основном институтов гражданского общества. Заметен высокий (на 9 п.п.) рост доверия к банковским и предпринимательским кругам, что, видимо, связано с устойчивостью национальной экономики. Напротив, как видно из табл. 3, наблюдаемые случаи снижения доверия (например, к президенту и к Правительству РФ) находятся в рамках статистической погрешности (до 3 п.п.).

Успешный срыв в 2023 г. так называемого контрнаступления ВСУ усилил позитивный социальный эффект «объединения вокруг флага» и является неисчерпанным резервом социально-политической консолидации суверенного устойчивого развития российского общества и государства. Динамика индикатора «Чьи интересы, по вашему мнению, выражает и защищает сегодня российское государство?» подтверждает эту тенденцию и показывает резервы ее усиления. После начала СВО максимальное количество респондентов

Таблица 3

Динамика доверия россиян к общественным структурам и институтам власти
(ответы «доверяю» по каждой позиции, % от числа опрошенных)

Общественные структуры и институты власти	2014, XII	2015, XII	2016, XII	2020, IX	2021, VI	2022, V	2023, VI
Президент РФ	70	77	67	61	50	74	73
Армия	57	67	64	64	66	72	69
Правительство РФ	46	48	37	44	35	52	53
Совет Безопасности	40	43	36	35	46	51	52
Церковь	52	52	45	47	40	46	52
Руководители регионов	33	29	30	46	39	43	50
Администрация Президента РФ	40	41	32	35	36	49	47
Органы местного самоуправления	–	–	–	–	–	35	41
Совет Федерации	36	34	26	30	27	37	39
Полиция, суд, прокуратура	19	16	17	20	25	31	37
Общественная палата	23	21	19	18	29	27	35
Общественные организации	27	19	21	21	37	30	35
Государственная Дума	25	21	17	23	23	31	34
Профсоюзы	19	16	19	16	34	35	34
Средства массовой информации	17	15	17	16	22	25	27
Партии, политические движения	18	12	15	17	20	17	22
Банковские, предпринимательские круги	12	9	13	9	20	13	22

Примечание. Интенсивность заливки варьируется в зависимости от уровня доверия.

за все годы проведения мониторинга (38%) склонилось в 2023 г. к мнению, что российское общество выражает и защищает сегодня интересы всех граждан в стране (рис. 2). Ранее преобладавшее мнение, что государство выражает и защищает интересы только богатых россиян, за последние три года стало встречаться реже, хотя и остается одним из доминирующих (тоже 38% в 2023 г.). Мнение, что российское государство выражает и защищает сегодня интересы всех граждан России, наиболее популярно в группе респондентов, которые «начали помогать тем, кто участвует в СВО или членам их семей» (50%). В то же время эта точка зрения часто высказывается среди тех, у кого «некоторые родственники и/или друзья уехали из России» (44%).

В условиях гибридной реальности, составной частью которой является информационная война, особого внимания заслуживает доверие граждан средствам массовой информации. Исследование мнений респондентов о том, соответствует ли действительности информация о текущих событиях в стране, которую транслируют российские ТВ и радио, сайты СМИ в Интернете, социальные сети, блоги в Интернете, показывает для каналов радио и телевидения преобладание положительных оценок («соответствует» и «скорее соответствует» – 47%) над отрицательными («скорее не соответствует» и «не соответствует» – 40%) и примерно равное соотношение положительных и отрицательных оценок для интернет-каналов. При этом ситуация в крайних возрастных группах диаметрально противоположна: младшие возрастные группы считают более достоверной информацию из Интернета, старшие являются сторонниками традиционных каналов (табл. 4).

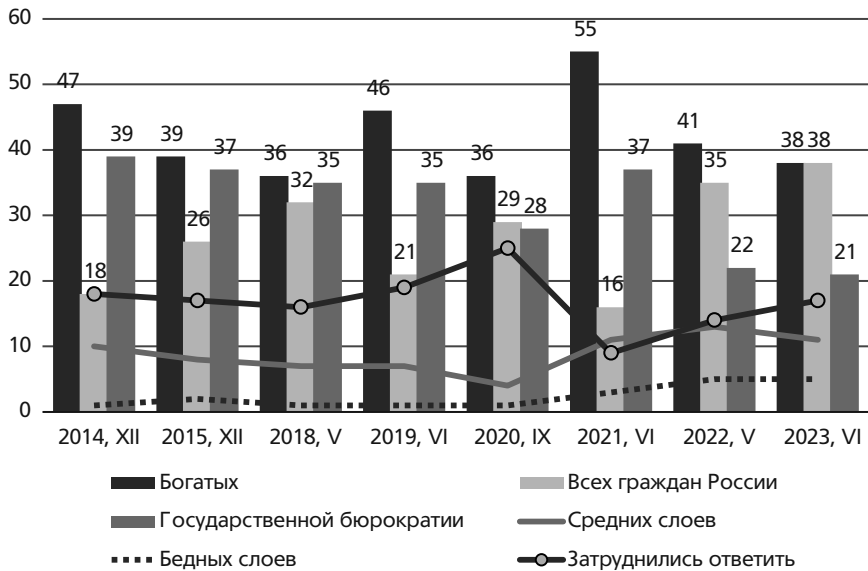

Рис. 2. Распределение мнений россиян о том, чьи интересы выражает и защищает российское государство (% от числа опрошенных)

Таблица 4

Мнения россиян, соответствует ли действительности информация о событиях в стране, которую транслируют российские СМИ (июнь 2023 г., % от числа опрошенных в возрастных группах)

Возраст	Мнения о достоверности СМИ				
	соответствует	скорее соответствует	скорее не соответствует	не соответствует	затруднились ответить
Радио, ТВ					
18–24 лет	17	20	24	20	19
25–30 лет	12	40	19	19	10
31–40 лет	11	27	28	18	16
41–50 лет	10	36	25	13	15
51–60 лет	13	38	22	16	11
Старше 60 лет	19	33	23	13	12
Сайты СМИ в Интернете					
18–24 лет	4	38	25	14	19
25–30 лет	8	55	15	11	11
31–40 лет	7	34	32	12	15
41–50 лет	5	35	28	12	20
51–60 лет	6	39	21	15	19
Старше 60 лет	7	21	24	17	32
Социальные сети, блоги в Интернете					
18–24 лет	8	37	23	10	23
25–30 лет	13	43	16	11	17
31–40 лет	8	33	26	12	21
41–50 лет	6	35	23	14	23
51–60 лет	10	30	18	20	22
Старше 60 лет	5	17	21	16	41

Мнения о политической системе. Исследование мнений российских граждан о значительности социальных противоречий и неприязни в обществе показало, что позитивный сдвиг в среднем на 10 п.п., произошедший в этой сфере после начала СВО, закрепился на этом уровне или увеличился. По сравнению с июнем 2021 г. снизилась доля респондентов, считающих значительными противоречия между бедными и богатыми, с 74 до 63%, между низшими и высшими классами – с 70 до 58%, народом и властью – с 67 до 47%, работодателями и работниками – с 52 до 34%, начальниками и подчиненными – с 46 до 33%, предпринимателями и чиновниками – с 48 до 30%, младшим и старшим поколениями – с 45 до 30%, людьми различных национальностей – с 40 до 28%, верующими различных религий – с 30 до 18%, верующими и неверующими – с 24 до 15%.

Резервы консолидации общества на основе снижения противоречий велики. Более половины опрошенных в 2023 г. по-прежнему считали значительными фундаментальные социальные противоречия между бедными и богатыми, между низшими и высшими классами, около половины – между народом и властью. Решение этой задачи реально в условиях роста доверия общества к органам власти и общественным институтам, поддержки экономических реформ, но потребует определенных усилий от Правительства РФ, от средств и каналов массовой информации и пропаганды.

Рейтинг политиков и партийных лидеров РФ по индикатору «Кто из перечисленных лидеров, по вашему мнению, способен вывести Россию из кризиса?» с большим отрывом возглавляет президент В.В. Путин (62%), за ним следуют М.В. Мишустин (22%), С.В. Лавров С.В. (20%) и Р. Кадыров (11%) (табл. 5).

Если среди политиков есть лидер, пользующийся поддержкой большинства россиян, то практически все политические партии, судя по ответам граждан, имеют огромные резервы для завоевания публичного доверия. Даже «Единую Россию» поддерживают только 24% респондентов, КПРФ – 8%, ЛДПР – 5%, партию «Справедливая Россия – За правду» – 2%, Российскую партию пенсионеров – 1%, «Новых людей» – 1%. В то же время никакую партию не поддерживали 38%, а 10% затруднились ответить. Судя по сложившемуся распределению предпочтений граждан, можно говорить (с долей условности) о публичной легитимации только трех партий – «Единой России», КПРФ и ЛДПР.

Характер ответов респондентов о том, в какой степени сегодня развито в нашей стране гражданское общество, имеет позитивные вектор и динамику развития. В системе оценивания по десятибалльной шкале с 2006 г. оценка выросла с 4,5 до 6,1 балла. Соответствующая картина наблюдается и в оценках респондентов о развитии отдельных сторон жизни гражданского общества. Наибольший прогресс отмечается в оценке развития общественных организаций, плюс 3,2 балльных пункта (напомним, что и уровень доверия к этому институт уверенно растет, в 2023 г. им доверяли около трети респондентов), а также правового государства, плюс 2,8 пункта (табл. 6).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос, кто из перечисленных лидеров способен вывести Россию из кризиса (% от числа опрошенных)

Лидеры	2014, XII	2015, XII	2016, XII	2020, IX	2021, VI	2022, V	2023, VI
Путин В.В.	62	67	55	45	31	62	62
Нет такого лидера	18	18	20	26	30	19	22
Мишустин М.В.	–	–	–	5	8	16	20
Лавров С.В.	–	15	11	7	10	22	16
Кадыров Р.А.	–	–	5	4	4	12	11
Лукашенко А.Г.	5	5	5	10	4	10	10
Шойгу С.К.	20	23	22	14	16	18	9

Таблица 6

**Мнение россиян о том, в какой степени гражданское общество развито
в нашей стране (баллы по десятибалльной шкале)**

Стороны гражданского общества	2006, VI	2014, XII	2016, VI	2020, IX	2021, VI	2022, V	2023, VI
Право собственности – владение, пользование и распоряжение имуществом	4,9	6,6	6,2	6,1	6,3	7,0	7,1
Политическое и идеологическое разнообразие политических партий	5,7	6,3	5,9	5,9	5,4	6,6	6,6
Открытость и доступность информации о положении дел в стране и за рубежом	4,8	5,9	5,3	4,9	5,3	6,0	6,1
Общественные организации, представляющие и защищающие интересы граждан	2,9	5,1	4,2	4,0	4,8	5,8	6,1
Демократия, свобода политического выбора	4,6	6,0	5,6	4,9	4,9	5,7	6,0
Правовое государство – господство закона, перед которым все равны, и который защищает права, свободы и безопасность граждан	3,0	4,9	4,1	4,5	4,3	5,7	5,8
Самоуправление – инициативное участие граждан в управлении делами по месту жительства, работы, учебы и т.д.	–	5,2	4,1	3,9	4,8	5,5	5,9
Свобода слова – право граждан без ограничений выражать свое мнение	5,4	6,0	5,2	4,7	4,7	5,3	5,5
Общий уровень развития гражданского общества (средняя величина восьми индикаторов)	4,5	5,8	5,1	4,9	5,1	5,9	6,1

Примечание. (–) – отсутствие позиции в инструментарии опроса.

Мнения о будущем России. Важно помнить, что общество устойчивого будущего может возникнуть только на идеалах и ценностях, которые проверены в настоящем и прошлом. Распределение мнений респондентов о понятиях, которые могли бы лечь в основу политики возрождения России, дает возможность понять актуальную структуру и содержание приоритетов и ценностей матрицы политической культуры российского общества. По мнению россиян, успешное возрождение страны возможно сегодня, если в политической стратегии и практической политике отдать предпочтения следующим принципам и целям (далее приведены ответы, набравшие не менее 10% голосов): справедливость (32%), мир (29%), порядок (21%), права человека (21%), закон (20%), свобода (17%), равенство (14%), государственность (12%), патриотизм (11%), культура (11%), созидание (11%), социализм (10%), державность (10%).

Возраст респондентов существенно дифференцирует структуру предпочтений понятий, которые могли бы лечь в основу политики возрождения России. Как видно из табл. 7, при единодушном предпочтении основных вышеназванных принципов, отдельные возрастные группы имеют особенности. Среди молодежи 18–24 лет чаще, чем в других группах, названы «свобода» и «права человека», только здесь чаще, чем в 10% ответов, появляется «согласие», но не набирает 10% «государственность». Более взрослая молодежь 25–34 лет чаще других выбирает понятия «права человека», «закон» и «созидание». Возрастная категория 35–49 лет чаще других называет «равенство»; люди 50–64 лет – «мир», «порядок» и «государственность», у них появляется «социализм». Особняком стоит самая

старшая возрастная группа. Здесь наблюдается самый высокий запрос на «справедливость» и «социализм», только в ней появляются «СССР», «народовластие», «духовность». Значение понятия «права человека» последовательно с возрастом снижается, в самой старшей возрастной группе оно минимально – лишь 11,2% (тогда как в самой младшей группе более чем вдвое чаще – 24,1%).

Каких изменений, по мнению наших соотечественников, можно ждать в среднесрочной перспективе? Обратимся к распределению ответов на вопрос «В лучшую или худшую сторону, по вашему мнению, изменится наше общество через 5 лет?». Измерения 2023 г. дали следующие соотношения ожиданий лучших и худших изменений: уровень технологического развития – 58 против 9%, экономический потенциал страны – 52 против 11%, уровень развития науки в стране – 52 против 10%, экономическая независимость страны – 52 против 11%, интеллектуальный уровень граждан – 38 против 14%, международное положение страны – 37 против 18%, доступность медицинского обслуживания – 34 против 18%, безопасность жизни граждан – 34 против 19%, культурный уровень граждан – 33 против 17%, свобода слова – 26 против 15%, свобода совести – 26 против 14%, участие граждан в управлении и принятии решений – 26 против 14%. Рейтинг эмпирических индикаторов показывает, что самый высокий уровень социально-политического оптимизма (более чем у половины россиян) просматривается в высокой уверенности граждан в уровне технологического развития, экономического потенциала страны, уровне

Таблица 7

Мнения респондентов различных возрастных групп о понятиях, которые могли бы лечь в основу политики возрождения России
(выбор не более трех позиций, 2023 г., % от числа опрошенных в группах)

Понятия	Возраст респондентов, лет				
	18–24	25–34	35–49	50–64	65 и старше
Справедливость	30,4	27,3	32,1	30,9	39,1
Мир	29,1	27,3	29,4	33,2	25,5
Права человека	24,1	23,8	23,5	19,5	11,2
Порядок	16,5	19,6	21,3	21,9	20,5
Закон	17,7	23,1	21,1	20,7	16,1
Свобода	27,8	23,1	18,0	12,9	13,0
Равенство	12,7	14,0	15,5	12,9	11,2
Культура	11,4	–	11,4	–	13,0
Патриотизм	10,1	11,9	10,5	11,7	12,4
Государственность	–	10,5	10,5	14,5	12,4
Державность	–	–	10,2	10,5	–
Созидание	–	16,1	9,4	11,7	–
Согласие	10,1	–	–	–	–
Социализм	–	–	–	11,7	21,7
Народовластие	–	–	–	–	11,2
Духовность	–	–	–	–	11,2
СССР	–	–	–	–	11,8

Примечание. (–) – позиции, набравшие менее 10% голосов.

развития науки, экономической независимости страны. Наименее оптимистично россияне оценивают перспективы своего участия в управлении, свободы слова и свободы совести.

Сравнение суждений респондентов о ситуации в России в 2020 и 2023 гг. позволяет сделать вывод, что в обществе укрепляется реалистическая точка зрения на сущность и характер социально-политической глобальной и локальной динамики. Подавляющая часть респондентов считает, что основные угрозы для России исходят из-за рубежа (73%), России в целях успешного развития нужно единство власти и народа, порядок в обществе и твердая рука (72%), страна больше нуждается в устойчивом развитии и политической стабильности, чем в переменах (74%), нынешнюю власть при всех ее недостатках следует поддерживать (74%), а в целом наша страна развивается в правильном направлении (74%) (табл. 8).

Существенные позитивные изменения произошли в распределении мнений респондентов о будущем, которое ожидает Россию. За 30 лет измерений с 1992 г. практически до нуля с начальных 18% упало значение индикатора «Россия обречена на дальнейший распад». В то же время за эти годы доля респондентов, выбиравших альтернативу «Рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов», практически не изменилась (43%).

Ответы респондентов о том, с каким настроением они смотрят в личное будущее и в будущее страны, показывают, что в российском обществе преобладают в большей степени настроения надежды и оптимизма, чем безысходности и отчаяния. С уверенностью и оптимизмом на свое будущее и на будущее страны смотрят соответственно 17% и 14% респондентов, с надеждой и без особой тревоги – соответственно 18 и 18%. В то же время тревожные чувства распространены широко: с надеждой и тревогой в равной степени на свое и на российское будущее глядят соответственно 30 и 41%, с тревогой и неуверенностью – 20 и 17%, с безысходностью и отчаянием – 3 и 4%, затруднились ответить 4 и 6%. В ответах на вопрос, чувствуют ли респонденты уверенность в завтрашнем дне, группа оптимистов за 2022–2023 гг. увеличилась на 7 п.п. (с 26 до 33%),

Таблица 8

Суждения о ситуации в России (% от числа опрошенных)

Суждения	2020, XII	2023, VI
Основные угрозы для России исходят из-за рубежа	59	73
Основные угрозы для России находятся внутри страны	41	27
России в целях успешного развития нужно единство власти и народа, порядок в обществе и твердая рука	68	72
России в целях успешного развития нужна партийная и политическая конкуренция, свобода и демократия	32	28
Страна больше нуждается в устойчивом развитии и политической стабильности, чем в переменах	71	74
Страна больше нуждается в переменах, чем в устойчивом развитии и политической стабильности	29	26
Современное демократическое государство обязательно предполагает многопартийность	55	50
Не важно, какая партия приходит к власти – для простого человека все равно ничего не изменится	45	50
Нынешнюю власть при всех ее недостатках следует поддерживать	63	74
Нынешняя власть должна быть заменена, ее недостатки исправить невозможно	37	26
Наша страна развивается в правильном направлении	61	74
Наша страна развивается в неправильном направлении	39	26

Рис. 3. Мнение респондентов о том, каким образом Россия должна строить свои отношения с окружающим миром, исходя из своих национальных интересов (% от числа опрошенных)

а пессимистов уменьшилась на 10 п.п., затруднились ответить соответственно 18 и 21% опрошенных. Таким образом, резервы социального оптимизма выросли на значимую величину.

Суждения граждан о том, какое влияние на жизнь в нашей стране оказывают (окажут в конечном счете) санкции, объявленные США и Европой, показывают, что около половины российских граждан заряжены оптимизмом и не изменили своей уверенности, что наша страна выдержит санкции. В 2023 г. половина респондентов считали, что санкции заставляют политиков и бизнес развивать отечественную промышленность и сельское хозяйство. К положительным следствиям санкций респонденты относят то, что они избавляют российских политиков от иллюзий и заставляют работать во имя страны (25%); что в целом санкции полезны нашей стране (25%), повышают устойчивость политического режима в России (14%). Среди отрицательных последствий санкций часто называли то, что они ведут к новой «холодной войне» и к конфронтации в мире (27%), к изоляции России (27%), тормозят развитие отечественной экономики и сотрудничество России с мировым сообществом (22%), снижают уровень и качество жизни (14%).

Анализ динамики мнений респондентов о том, каким образом, исходя из своих национальных интересов, Россия должна развивать отношения с остальным миром, показывает, что большинство граждан считали, что эти отношения должны иметь активный характер. Снижение показателя в 2020-м «ковидном» году на фоне роста числа «затруднившихся ответить» не переломило общей тенденции, и в 2023 г. доля сторонников активной международной позиции России впервые за последние 15 лет превысила 50%. Курс страны на политический и экономический суверенитет предполагает именно такую политику и, судя по данным социологических измерений, все в большей степени поддерживается обществом (рис. 3).

Динамика индекса социально-политической устойчивости. Результаты тенденций, которые выявлены в ходе мониторинга «Как живешь, Россия?», агрегировались в значении индекса социально-политической устойчивости¹. Данные мониторинга охватывают

¹ Индекс социально-политической устойчивости рассчитывается исследовательским коллективом по авторской методике В.К. Левашова на основе шести ключевых индикаторов: отношение к курсу экономических реформ; социально-политическая отчужденность; необходимость трансформации политической системы; уровень доверия социальным и политическим институтам; обеспечение государством норм демократического общества; партийные ориентации. С методикой расчета и интерпретации Индекса социополитической устойчивости можно ознакомиться в [Левашов, 2020].

Рис. 4. Динамика значений индекса и индикаторов социально-политической устойчивости

период более 30 лет, график на рис. 4 демонстрирует главные наблюдаемые в этот период тренды.

Как видим, в 1992–1999 гг. риски социально-политической устойчивости российского общества угрожающе росли, в «Зоне распада» оказались индикаторы «Обеспечение государством норм демократического общества», «Отношение к курсу экономических реформ», «Уровень доверия социальным и политическим институтам». Величина Индекса социально-политической устойчивости (ИСПУ) в 1999 г. составила минус 43,5 пункта – минимальное значение за весь период наблюдений. Общественное сознание россиян оценивало состояние страны как катастрофическое.

Перелом этого тренда начался в 2000 г. значительным сокращением уровня рисков социополитической устойчивости. Графики динамики индикаторов, составляющих ИСПУ, как правило, не выходили в период 2000–2014 гг. за пределы «Зоны кризисного развития», постепенно повышая значения и приближаясь к «Зоне стабильного развития». Уровень ИСПУ в этот период колебался в пределах от минус 27,6 (минимальное значение за этот период, 2004 г.) до минус 8,5 (2013 г.).

Измерения на этапах, проведенных в периоды «крымской весны» (2014–2016 гг.), пандемии (2020–2021 гг.) и проведения специальной военной операции на Украине, заслуживают особого внимания. Данные июня 2014 г. впервые за период наблюдений показали выход величины ИСПУ в «Зону стабильного развития» (0,6 баллов) за счет роста значений индикаторов «Отношение к курсу экономических реформ», «Уровень доверия социальным и политическим институтам» и «Необходимость трансформации политической системы».

Сложная социально-политическая ситуация, экономические и политические санкции, связанные с воссоединением Крыма, носили рискогенный характер, что отразилось в высокой волатильности значений индикаторов и индекса социально-политической устойчивости в 2014–2016 гг. Ухудшилось отношение к курсу реформ, снизился уровень доверия социальным и политическим институтам. К концу 2016 г. значение ИСПУ упало до минус 9,7 и продолжало снижаться вплоть до 2018 г. (минус 14,3). Для периода «пандемийных»

2020–2021 гг. также характерна высокая волатильность индекса и индикаторов, сопровождающаяся снижением их значений.

В 2022–2023 гг. наблюдались положительная динамика и значительное снижение рисков социально-политической устойчивости российского общества и государства. Положительную роль сыграли факторы «консолидации вокруг флага» на фоне проводимой спецоперации и усиления политического и экономического давления со стороны НАТО. После обвала в 2021 г. ИСПУ вернулся в июне 2023 г. в зону стабильного и устойчивого развития, достигнув наивысшего значения за 30 лет измерений в мониторинге «Как живешь, Россия» – 6,5%.

Выводы. Как видим из данных эмпирических измерений, современные россияне в первую очередь испытывают острую потребность не только в улучшении материального положения, но и возвращения в государственной экономической политике к ценностям и идеалам социальной справедливости, трудовой мотивации и устойчивости, наведении порядка в работе государственных органов и институтов управления в центре и на местах.

Это можно объяснить тем, что природно-климатические условия и перманентные внешние военные интервенции исторически сформировали солидарный общинно-коллективистский уклад жизнедеятельности и взаимопомощи в российской части евразийского геополитического цивилизационного пространства. Этическим стержнем русской политической культуры стало стремление к обществу социальной справедливости, правде как принципу и методу отражения социальной реальности в общественном сознании, строительстве и действиях в целях достоверного распознавания вызовов и угроз, выстраивания социально-эффективных стратегий для их минимизации и устойчивой безопасности. Императив реалистического осознания праведности мирного созидательного труда и воинского подвига во имя защиты Родины лежит в основе архетипа русской политической культуры.

Россия всегда стремительно и устойчиво развивалась, когда социально и политически консолидированные власть и граждане в полной мере понимали свои национальные интересы и угрозы безопасности, опирались на собственные силы и интеллект, использовали имманентные социокультурные конкурентные ресурсы и преимущества. В этом случае в российском многонациональном Отечестве происходила массовая гражданская, политическая и полиэтническая консолидация народа и власти. Сохранение и продолжение этих экзистенциальных нравственных и политических императивов являются гарантией органического вхождения российского гражданского общества и правового государства в устойчивое будущее. Россия продолжает путь поиска баланса и симфонии интересов в современной гибридной социальной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Левашов В.К. Российское государство и общество в период либеральных реформ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. [Levashov V.K. (2020) *The Russian state and society during the period of liberal reforms*. 2nd ed. Moscow: Yurait. (In Russ.)]
- Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С. и др. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 года. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. [Levashov V.K., Velikaya N.M., Shushpanova I.S. et al. (2023) *How are you, Russia? Express information. 53rd stage of the sociological monitoring, June 2023*. Moscow: FNISS RAN. (In Russ.)]
- Левашов В.К., Новоженина О.П. Гибридная социально-политическая реальность: сущность, мнения граждан и тенденции // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 139–149. [Levashov V.K., Novozhenina O.P. (2022) *Hybrid Socio-Political Reality: Essence, Citizen Opinions, and Trends*. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 139–149. (In Russ.)]
- Robertson R. (1992) *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage.

Статья поступила: 28.11.23. Финальная версия: 26.02.24. Принята к публикации: 30.03.24.

CITIZENS OF RUSSIA ON HYBRID SOCIO-POLITICAL REALITY IN THE COUNTRY

LEVASHOV V.K.

Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Russia

Victor K. LEVASHOV, Dr. Sci. (Sociol.), Director of Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia (levachov@mail.ru).

Acknowledgements. The research was funded by the RSF, project No. 23-18-00438.

Abstract. The strategic intent of the current U.S. administration to win a geopolitical victory over Russia with the help of Ukraine's nationalist elite is becoming a catastrophic reality, as the Russian Federation's special military operation and a series of failed "offensives" by Ukraine's armed forces evolve. Existential threat has forced the Russian state and civil society to mobilize in the shortest possible time armed forces, economy and military-industrial complex to repel the Western military proxy intervention. The scientific sociological information about the socio-political potential and reserves of the Russian society, its readiness, nature and degree of motivation for the defense of the Fatherland are of crucial importance for an effective management of the current disposition along Russia's western borders. The Scientific-analytical and informational work is complicated by the fact that the picture of the hybrid socio-political reality of the country's life is purposefully distorted by the enemy by means and channels of mass propaganda and communication in order to disinform the population and the armed forces. The empirical basis of the article is the data of sociological monitoring "How are you Russia?" about the current aspects of civil society life, based on the analysis of which conclusions are drawn about feasible resources and trends in the development of the socio-political situation in our country and the world. Sociological measurements in 2023, compared with data from previous years, allow us to conclude that Russian society has a high resource for socio-political stability and consolidation. Thus, an analysis of the structure of current anxiety showed that SVO did not have a critically destabilizing effect on the life of any group of Russian society. The share of those who believe that the political system needs to be radically changed decreased in 2023 to a minimum (16%) over the last 30 years of measurements. The overwhelming majority (73%) of Russians believe that the main threats to Russia come from abroad. The index of socio-political sustainability returned in 2023 to the zone of stable and sustainable development, reaching its highest value in 30 years of monitoring measurements. The noted positive trends show that Russia successfully continues the searching for a balance and symphony of interests in the modern hybrid social reality.

Keywords: sociological monitoring, socio-political situation, sustainable development of society, sustainable development of the state, political culture.

Received: 28.11.23. Final version: 26.02.24. Accepted: 30.03.24.

© 2024 г.

А.Н. МАЛИНКИН

ЦЕННОСТИ: МОЖЕТ ЛИ ИХ ИЗУЧАТЬ НАУКА? К ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ВОПРОСА

МАЛИНКИН Александр Николаевич – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (lo_zio@bk.ru).

Аннотация. Рассматриваются место и роль ценностей в научном познании вообще и в социологии в частности. Ценности в свете политической социологии (политически-идеологические ценности) сопоставляются с ценностями самими по себе, которые в социологии знания предстают как феноменологически выявляемые первоначальные данности. Они образуют ядро мироощущения и мировосприятия каждого человека как личности. В трактовке ценностей самих по себе автор опирается на свою интерпретацию религиозно-философской аксиологии М. Шелера. Автор доказывает, что, хотя всякого рода оценочность подлежит исключению, «ценностная нейтральность» в социальном познании в принципе невозможна, поэтому необходимо стремиться к ее экспликации и артикуляции. Возможность научно-дискурсивного познания ценностей, равно как и попытки исследовать ценностное сознание эмпирически, автор ставит под сомнение.

Ключевые слова: политическая социология • политически-идеологические ценности • социология знания • ценности сами по себе • феноменология • аксиология • человек • личность • научная редукция

DOI: 10.31857/S0132162524040111

Ценности бывают разные, и понимают их по-разному. Важно внести ясность в вопросы о том, какие бывают ценности, что такое ценности сами по себе и можно ли их изучать средствами науки? Мы рассмотрим их с теоретико-методологической точки зрения в двух аспектах: в свете политической социологии и социологии знания. В первом случае предметом анализа будут политически-идеологические ценности, во втором – ценности сами по себе и ценности в социально-научном познании. Первые сейчас на слуху и кажутся общепонятными. Вторые таковыми не кажутся. Они происходят из глубин человеческой природы. Если идти от простого к сложному, то начать следует с ценностей в политической идеологии.

Ценности в свете политической социологии. «Ценности социализма», которые во времена СССР соответствовали коммунистическому мировоззрению, лежали в основе «морального кодекса строителя коммунизма» и концепции «социалистического образа жизни». В рамках последней «ценности социализма» противопоставлялись «ценностям капитализма». Первые ассоциировались прежде всего с нашей страной, вторые – в первую очередь с Западом. Во времена перестройки благодаря М.С. Горбачёву утвердилась доктрина «общечеловеческих ценностей», основанная на «новом политическом мышлении». Она просуществовала, условно говоря, до 2007 г. (мюнхенская речь В.В. Путина).

Сегодня уже никто не говорит об «общечеловеческих ценностях» – речь идет о принципиально различных ценностях двух цивилизаций и культур, разделяющих мир на две части. Имеются в виду, с одной стороны, ценности западной цивилизации, или просто «западные ценности», с другой – традиционные ценности России как страны-цивилизации, или просто «российские ценности». Первые прокламируются как прогрессивные, либеральные, вне-религиозные, неогуманистические (трансгуманистические), вторые – как стабилизирующие, консервативные, религиозные (или имеющие религиозные корни), подлинно гуманистические (гуманистические в первоначальном европейском смысле). Формальная суть конфликта двух ценностных комплексов в том, что каждая из противоборствующих сторон настаивает на универсальной значимости своих ценностей, поэтому считает ложными сами основания ценностей оппонента и отвергает его аргументы как всего лишь пропагандистские.

Какой бы содержательный смысл ни вкладывался в «западные» и «российские» ценности, какая бы различная философия человека за ними не стояла, они представляют собой, с теоретико-методологической точки зрения, продукты интеллектуального творчества. Они суть *рациональные конструкторы* – синтез результатов философско-исторических, социально-философских, научно-исторических, культурологических, национально- и социально-психологических и прочих изысканий. Эти плоды мыслительной работы сводятся в своего рода «*ценностный индекс*» специально для того, чтобы использовать его как средство идеологической борьбы. Это, собственно говоря, уже и не ценности, а рефлексии о коллективных ценностях (в данном случае национальных или цивилизационных) – рефлексии второго, третьего порядка и выше. Они имеют косвенное отношение к ценностям как таковым, т.е. к ценностям в их эпистемологически *первоначальном* смысле.

С одной стороны, они соответствуют принципам *внутренней* политики, выражают оценочную позицию правящих кругов государства по отношению к традициям и ментальности своего народа, к национальному культурному наследию, к определенным реалиям давней и недавней истории, актуальным процессам и явлениям общественной жизни. С другой стороны, они соответствуют во *внешней* политике национальным интересам государств (если таковые не подчинены интересам глобалистски ориентированных группировок и надгосударственных организаций), оценочным установкам правящих кругов по отношению к аналогичным конструктам идеологического противника, являются интеллектуальной реакцией на последние, которая облекается в квазиценностную форму. Таким образом, в политически-идеологическом поле мы имеем дело скорее с метафорическим употреблением слова «ценности».

Ценности в свете социологии знания. Ценности в их *первичном, феноменологическом*, смысле, могут принадлежать только человеку как индивидуальной личности. Они составляют ядровую часть *мироощущения* и *мировосприятия* каждого. Человек как личность пребывает в тотально ценностном мире, обычно не задумываясь над этим. Его восприятие, воображение, представления, мышление, действия, поступки изначально определяются социокультурными ценностными смыслами, которые обусловлены культурно-исторически – традициями, национальной ментальностью, воспитанием, особенностями социализации и т.д.

Любое социальное действие человека сопряжено с выбором – часто не осознаваемом из-за привычного автоматизма, – выбор же всегда есть следование тому или иному ценностному образцу или приоритету, осмысленному рационально, произвольному либо спонтанно принятому как нечто само собой разумеющееся и потому не требующее обоснований. В свою очередь, все ориентации, установки, ожидания, надежды, упования и т.п. либо прямо являются функциональными производными от ценностей и ценностных предпочтений, либо определяются ими опосредствованно через личностный выбор.

Человек является первоисточником всех ценностей и ценностных предпочтений, поэтому любая *аксиология предполагает философскую антропологию* и на ней базируется. *Ценить и оценивать что-либо может лишь человек.* Он – единственное существо,

способное не только к сенсорному, чувственно-эмоциональному, интеллектуальному, но и к духовно-нравственному познанию и самопознанию, к артикуляции и символической фиксации его результатов.

Создателем одной из самых рафинированных аксиологических доктрин, в которой ценности рассматриваются как продукт спонтанного («естественного») познания человеком мира через эмоциональные переживания, по праву считается Макс Шелер.

В своем главном труде он противопоставляет этическому «формализму» И. Канта (абстрактному рационализму в этике) свою «материальную этику ценностей», обоснованную феноменологически. Согласно Шелеру, феноменология выявляет не только сущностную самобытность различных явлений эмоциональной жизни, но и ценности как феномены ценностного чувствования в их иерархической субординации, поэтому оказывается одновременно *аксиологией*. Ценностное чувствование понимается двояко: во-первых, как до-рефлексивное интуитивное (поэтому априорное) эмоционально-волевое *влечение*, тяготение к чему-либо; во-вторых, как точно такое же до-рефлексивное интуитивное (поэтому априорное) эмоционально-волевое *предпочитание* одного другому.

Аксиология Шелера – сложная иерархическая система, выстроенная по вертикали и по горизонтали. «Наиболее важные и основополагающие из всех априорных отношений, – писал он, – существуют между отношениями качественно различных систем материальных ценностей¹, которые мы называем *ценностными модальностями*, – а именно в виде *степенного порядка их значимости*. Они образуют собственно *материальное a priori* нашего понимания того, что ценно и что предпочтительно. Факт их существования как раз и является *самым убедительным* опровержением кантовского формализма» [Scheler, 1980: 122]. Согласно Шелеру, существуют четыре иерархических уровня «ценностных модальностей» (в порядке возрастания): 1) сенсорные ценности (приятное, полезное – неприятное, вредное) 2) жизненные ценности (высокое, благородное – низкое, подлое), 3) духовные ценности (истинное, доброе, прекрасное – ложное, злое, безобразное), 4) ценности священного (святое, священное – нечестивое, профанное).

Кроме того, ценности подразделяются в зависимости от их различных носителей. Располагаясь как бы по горизонтали, эти ценности образуют двойные и тройные иерархические подсистемы, внутри которых первые имеют более высокий ценностный статус по отношению ко вторым, вторые – по отношению к третьим (если они есть): а) ценности личности и предмета; б) ценности собственные и чужие; в) ценности акта, функции, реальности; г) ценности образа мыслей, действия, успеха; д) ценности интенции и состояния; е) ценности фундамента, формы, отношений; ж) ценности индивида и коллектива; з) самоценности и конзекутивные (технические и символические) ценности².

Подчеркнем: ценностные смыслы и предпочтения появляются до сознательного рационального выбора либо произвольного полагания. Когда мы говорим: это для меня святое, самое дорогое, это мне нравится, это я люблю, а то – нет, и т.п., мы фиксируем такие предпочтения в речи и благодаря этому уже частично их осознаем и осмысливаем. Между тем значительная часть наших ценностей и ценностных предпочтений остается на протяжении всей нашей жизни не осознаваемой и не осмысливаемой. Ценности и ценностные предпочтения в таком понимании спонтанно формируют нашу эмоциональную и душевную конституцию (то, что Августин называл «*ordo amoris*», а Б. Паскаль – “*ordre du coeur*”), в значительной мере предопределяют нашу судьбу. Чем более развит человек как личность, тем более содержательно богатыми и вместе с тем одухотворенными являются его потребности и стремления, чувства и эмоции, представления и мысли.

Ценности в их *вторичном, культурно-историческом и социокультурном* смыслах составляют ядро мировоззрения каждого человека как индивидуальной личности. Они

¹ Под «материальностью» ценностей имеется в виду их душевно-духовная определенность, наполненность конкретным содержанием.

² Подробнее см.: [Малинкин, 2024: 46–56].

необходимо взаимосвязаны с коллективной *ментальностью* – «общественным сознанием» на его низшем социально-психологическом уровне, или «коллективным бессознательным», – равно как и «общественным сознанием» на его высшем уровне. В первом случае ценности, ценностные предпочтения и установки впитываются, так сказать, с молоком матери, т.е. усваиваются бессознательно через психологическое заражение и подражание в процессе воспитания и социализации. Во втором случае они осваиваются путем научения в процессе образования и формирования личности через включение в традиционное наследие, представленное в виде символических форм культуры.

Ценности в научном познании. Ценности – как бы их ни понимали – имеют большое значение для научного познания. С одной стороны, через мировоззрение ученого, его личные интересы, а также через приоритетные интересы общества в виде запросов экономической и политической практики они выполняют в научном познании важную селективную функцию: влияют на выбор (предпочтение) направления научного поиска, на выбор (предпочтение) тем и предметов исследований. Далеко не всегда ценности в этой своей функции осознаются и артикулируются самими учеными. Многие из них пребывают в иллюзии относительно своей якобы полной незаинтересованности и якобы стопроцентной объективности.

В действительности нет никакой ценностной нейтральности по отношению к описанному выше выбору, как ее вообще нет и не может быть в социальном познании. Благодаря М. Веберу в начале XX в. сложился и передается по традиции из поколения в поколение назидательный сказ, будто социальное познание становится *подлинно научным* только тогда, когда радикально зачищено от всех ценностей, а где ценностной нейтральности нет, там якобы нет подлинной научности, да и науки вообще. Этот миф, происходящий из позитивистской и неокантианской философии науки, под влиянием которой сложились взгляды М. Вебера, неоднократно подвергался критике, но до сих пор жив в силу авторитета его создателя.

Вера немецкого социолога в конструктивную мощь научной рациональности, которая, по его мнению, единственная гарантирует познанию достоверность, заслонила от него тот факт, что перенесенная им в виде норм научного этоса рациональная этика долга И. Канта фундирована в комплексе ценностных смыслов, которые специфичны только для Западной Европы Нового времени.

Фундаментальная *иллюзия* этой эпохи состояла в том, что интеллектуальные достижения ее ведущих мыслителей воспринимались ими и их последователями как якобы высшие достижения человечества, несомненно обладающие абсолютной значимостью для всех времен и народов. Эта иллюзия получила в XVI–XIX вв. широкое распространение в образованных слоях и правящих кругах Западной Европы. Она явилась ментальным источником предрассудка, согласно которому европейцу – испанцу, англичанину, голландцу, француз, бельгийцу, немцу и др. – благодаря якобы более высокому уровню его интеллектуального и цивилизационного развития предназначено господствовать над всем миром.

Этот *европоцентристский предрассудок* стал мировоззренческим основанием расизма (во всех его проявлениях вплоть до нацизма) – убеждения в прирожденном, данным от Бога превосходстве белой расы над остальными расами, западноевропейцев над славянами и др. Одним из его проявлений в сфере культуры явилась вера в разум, отвлеченный от своих культурно-исторических экзистенциальных (прежде всего религиозных) ценностных предпосылок. Вместо Бога «чистый разум» был объявлен творцом и законодателем мироздания, первоисточником всех императивов и норм. Человеческая культура была поставлена тем самым с ног на голову. Ибо в действительности ценности, выраженные в заповедях традиционных религий, всегда первичны – императивы и нормы вторичны. Каковы ценности, таковы императивы и нормы. Что касается человеческого познания, то «ценностная нейтральность» для него самоубийственна. Она так же не совместима с ним, как вакуум – с жизнью. Пуристское стремление освободить познание мира от ценностей знаменует не начало познания, а его конец.

Выдающимся выразителем такого пуристского стремления был основатель «трансцендентальной феноменологии» как «строго научной» философии Э. Гуссерль. Он ввел в оборот понятие «редукция». Имеется в виду «нейтрализация», «неприятие во внимание», «логическое игнорирование», «вынесение за скобки», «элиминация» и т.п. Чего именно? Действительности как она есть, мира как реальности. Первая ступень трансцендентально-феноменологической редукции – выключение т.н. «естественной установки» (того, что мир есть, что он тут), свойственной людям как носителям обыденного сознания в повседневной жизни. Согласно Гуссерлю, надо исключить из «строго научного» познания, стремящегося к абсолютной вечной истине, все историческое и психологическое, ибо оно содержит в себе субъективное и относителное (в чем Гуссерль видел, с когнитивной точки зрения, лишь негативное), а следовательно, нечто оценочное и ценностное. Вторая и третья ступени феноменологической редукции, соответственно эйдетическая и трансцендентальная редукции, уносят нас в мир чистых сущностей. На третьей ступени происходит радикальное «очищение» имманентного опыта и выход к чистой «трансцендентальной субъективности» (возврат к «*cogito ergo sum*» Декарта на новом, более глубоком уровне).

Ясно, что вторая и третья ступени специфичны для философии. Но обращает на себя внимание тот факт, что в трактовке Гуссерля первая ступень феноменологической редукции очень похожа на то, что, с теоретико-методологической точки зрения, требуется для достижения позиции научного познания как особого отношения к миру, а именно для психосоматической подготовки к научно-исследовательской работе. Такое совпадение отнюдь не случайно. Гуссерль, желавший и философию (в виде «трансцендентальной феноменологии») сделать «строгой наукой» по образцу математики, сформулировал главный смысл научной редукции. Что это? Говоря коротко, это конституирующая науку как форму культуры слепота по отношению к целостному человеческому бытию и избирательный подход к тому, что существует в действительности. Ответим на этот вопрос более подробно.

Исходный пункт научного познания – обыденное повседневное сознание. Научная редукция урезает саму форму нашего обыденного, ориентированного практически (а потому всегда ценностно) восприятия, сознания и мышления мира, подготавливая селекцию материала, который еще только сможет попасть в сферу нашего внимания и интереса. Прежде всего она элиминирует все, что нам не дано в ощущениях через органы чувств, а потому не поддается контролируемому восприятию, наблюдению, эксперименту. Игнорируется то, что имеет качественный характер и не поддается квантификации, что уникально, случайно и нерегулярно; что в той или иной мере душевно-эмоционально – прежде всего переживание ценностей и ценностных предпочтений. Исключается не только то, что имеет отношение к личности как духовному центру, но и вообще все, что связано с человеческой «субъективностью»; что допускает, помимо естественных причин, какие-то иные (здесь логика неумолимо железная: если причины не естественные, стало быть, они «сверхъестественные») и т.д. Позитивная наука как особый вид познания вообще стремится познать мир так, как если бы в нем не было человека и его личности.

Так научная редукция вырезает из бытийной целостности мира свой узкий сегмент. Она выстраивает на нем (как идеал) безличное тотально квантифицированное царство, где правят естественно-причинная необходимость и неотвратимо действующие законы, затем выдает свою картину мира за подлинную, а свое знание за единственно достоверное.

Что такое научная редукция, с методологической точки зрения? Научный объективизм с идеалом ценностной нейтральности. Но все, что делает человек, имеет прагматический смысл, даже пресловутое Кантово «целесообразное без цели». Научная редукция движима бессознательным стремлением человека как родового существа подчинить и контролировать все естественные процессы и явления: знать, чтобы предвидеть, а предвидеть, чтобы управлять и господствовать. Чтобы овладеть миром, надо преобразовать его силой – силой науки и техники, но для этого сначала надо обесценить его: убедить себя, что насилуемый мир не заслуживает любви, что его не жалко, что он заслуживает только

ненависти и презрения. В этом – конечный смысл западноевропейской Реформации, которая вполне закономерно увенчалась эпохой Просвещения с культом чистого разума, научной рациональности и порождаемой ими техники.

Таким образом, в научной редукции мира заключена фундаментальная ценность, которой изначально руководствуется наука как форма человеческой культуры. Не зря основатель философии и науки Нового времени лорд-канцлер и пэр Англии Ф. Бэкон, а впоследствии и его секретарь Т. Гоббс так любили цитировать латинскую поговорку *“ipsa scientia potestas est”* («знание само по себе сила»). Они вкладывали в нее особый смысл. Насколько глубоко его понимают наши современники, которые в социологии хотят видеть ценностно-нейтральную науку?

Разумеется, субъективный произвол всякого рода, оценочная вкусовщина, профессионально-корпоративная тенденциозность, передергивание смыслов, ложь и лицемерие – будь то из соображений политкорректности либо корысти – должны быть исключены из научного познания. Воздерживаться от них является первым методологическим требованием в любом познании, не только социальном и социально-научном. Но исключать можно и должно только оценки – ценности исключить невозможно. Первые в виде артикулированных оценочных суждений либо предвзятости по умолчанию в форме субъективистских предпочтений лежат на поверхности научного дискурса или на небольшой его глубине, поэтому при адекватной методической установке сравнительно легко «вычисляются».

Вторые определяют направленность научного дискурса, лежат в самой его основе. На это справедливо указывал Г. Риккерт, писавший о принципиальном различии между ценностными суждениями, или оценками, и «отнесением к ценностям». Ценности поддаются выявлению с большим трудом, иногда остаются недоступными для теоретической рефлексии в течение длительных исторических периодов. То, что в философии науки со времен Т. Куна называют революционной сменой парадигм, происходит именно благодаря выявлению, осознанию и ревизии идейно-ценностных (мировоззренческих) оснований научных дискурсов.

На наш взгляд, аналогичное имел в виду и К. Мангейм в своей концепции «социологической функционализации», когда писал о «чудесной особенности социологического мышления» – способности создавать новые теоретические синтезы посредством интерпретации старых теорий. По его мнению, историческая дистанция позволяет впервые осознать и осмыслить те «смысловые бытийные предпосылки» старых теорий, которые при их возникновении были не очевидны, что позволяет включить их как часть в новые социологические теории, покрывающие более широкие зоны и/или более глубокие пласты социальной реальности. Эта своеобразная «социология социологии» обеспечивает, по его мнению, прирост знания в теоретической социологии. Такой тип истолкования «духовных образований» (идей, смыслов, ценностей) исторического прошлого он называл «социологическим квазиобъяснением», т.е. истолкованием под видом объяснения [Мангейм, 2022: 700–701].

С другой стороны, ценности и ценностные предпочтения сами являются темой исследований и предметом изучения. Речь идет, в частности, об исследовании ценностных оснований науки как формы человеческой культуры и научного познания как вида когнитивной деятельности человека в философии (религиоведение, этика, эстетика), в теории и истории науки, в социальной философии, в культурологии, в социологии науки, в социологии познания и знания. Групповые ценности и ценностные предпочтения, коллективное ценностное сознание, его состав и структуру исследуют в эмпирической социологии. Во всех такого рода дискурсах необходима критическая рефлексия в отношении ценностных оснований собственной мировоззренческой и исследовательской позиции.

Так, одним из примеров критической социологической рефлексии являются размышления С.Ю. Демиденко о «противоречиях ценностных позиций» социологов по отношению к СВО. Она констатирует реальную проблему: война Запада против России

на Украине вынуждает делать выбор в пользу западных либо российских ценностей, вовлекая социологов в политически-идеологическое противостояние. Она также обращается к мировому опыту анализа «научного этоса» (Роберт Мертон, Бернард Барбер) и приходит к выводу: «...этос науки – это, скорее, некая идеальная модель (идеальный тип), к которой нужно стремиться, но использовать которую не всегда возможно» [Демиденко, 2023: 427].

Здесь не место критике идеалистически-рационалистической нормативистской концепции научного этоса Мертона. Тем более что выдвинутое им позднее (совместно с Элином Г. Барбер³) понятие «социологической амбивалентности», на наш взгляд, релятивизирует ее и ставит под сомнение. Концепцию же Б. Барбера трудно воспринимать всерьез. Императивы Мертона, первоисточником которых со всей очевидностью являлась искренняя вера в моральную добродетель рациональности, Барбер «дополнил» своим императивом: «вера в моральную добродетель рациональности». Причем этот императив он провозгласил в книге, опубликованной всего через семь лет после краха Третьего рейха. А ведь ученые в нем руководствовались именно такой верой, сохраняя при этом «эмоциональную нейтральность» (второй «дополнительный» императив Барбера). В частности, и тогда, когда ставили в концлагерях чудовищные, но рационально обоснованные научные эксперименты над заключенными⁴.

«Беспристрастность позиции – это то, к чему должен стремиться социолог при проведении исследования и анализе данных, – пишет Демиденко. – Однако если в получаемых редакцией текстах статей преобладают оценочные суждения, речи об объективности и норме эмоциональной нейтральности уже не идет. Замысел исследования и его интерпретация также могут зависеть от ценностной позиции социолога. Возможно ли в этом случае оставаться на этой нейтральной позиции? Возможна ли она вообще? Ведь выбор фокуса исследовательского интереса также во многом субъективен и определяем целым рядом параметров: от степени приверженности отрефлексированным ценностным ориентациям, до конъюнктурного соглашательства с интересами заказчика проводимого исследования» [там же: 428] (Курсив наш. – Прим. А.М.). С этим нельзя не согласиться⁵. Жаль только, что прямые вопросы, которые ставит автор, хотя и не остаются в контекстуальном смысле чисто риторическими, не получают таких же прямых ответов.

Ценности в социологии. В рамках социально-научного подхода к ценностям как предмету исследования предпринимаются попытки их выявления с целью последующего осмысления. Но то, что при этом «выявляется», оказывается, с нашей точки зрения, рационально-мыслительным конструктом, имеющим весьма опосредованную связь с реальной действительностью. Рационализация нерационального, квантификация социальных качеств и сущностей происходит с необходимостью, так как у научного познания в принципе нет доступа к тому пласту бытия, на котором формируются ценностное чувство человека и комплексы его ценностных предпочтений, трансформируются ценностное сознание людей и соответствующие ему установки. Понимание, осмысление и истолкование чувственно-эмоциональных переживаний, душевно-духовных устремлений и ментальности людей заменяются рациональным конструированием социальной

³ Супругой упомянутого выше Бернарда Барбера.

⁴ Тем же занимались и японские ученые. Их научные разработки также перешли в руки ученых США, которые по сей день продолжают их во множестве секретных лабораторий, размещенных во всех странах бывшего СССР, особенно в большом количестве (известно о 30) на Украине.

⁵ Демиденко вполне оправданно ссылается на книгу Л.Г. Ионина о М. Вебере, в которой он пытается выявить подлинные человеческо-личностные мотивы создания немецким социологом доктрины прогрессирующей тотальной рационализации жизни (на Западе). Но и внимательное изучение наследия М. Вебера в оригинале приводит Ионина к нетривиальному выводу, основанному, очевидно, на его концепции «новой магической эпохи»: «Вебер пишет: “Люди знают или верят”. Это значит, что расколдовывание основано на вере, на которой, собственно, основана и магия, являющаяся главной мишенью для расколдовывателей» [Ионин, 2022: 223].

реальности. За всем этим стоит укоренившаяся в социальной мысли и особенно в социологии дурная традиция недооценки нерациональной сферы человеческого существования – интуиции, чувств, душевных движений, манифестаций воли, всякого рода эмоционально-волевых комплексов и т.п.

Как завещал изобретатель социологии О. Конт, «социальная физика» должна работать с фактами и только с фактами. Поэтому социологи вынуждены обращаться к той единственной фактичности, которая, по их предположению, содержит ценностные смыслы, – к фактичности естественного разговорного языка. Все методики эмпирического исследования ценностей (в т.ч. известная методика Ш. Шварца, разработанная в начале 1990-х) базируются на работе с языком. Для этого ученые отождествляют смыслы слов и выражений, отобранных ими с помощью оценки экспертов из предварительного списка, с теми ценностными смыслами, которые их самих интересуют, а потом отождествляют эти слова и выражения с определенными этическими, социально-научными и социально-философскими понятиями, соответствующими их теоретическим концепциям [Базовые ценности, 2003: 16–21].

Остальное – дело техники: по определенной выборке проводятся массовые опросы посредством интервью или анкет, в вопросах которых фигурируют ключевые слова и выражения, обозначающие ценности. В ходе статистической и математической обработки полученной информации производится ее дальнейшая квантификация (например, в случае наличия «открытых» вопросов, а также с целью получения средних величин, индексов, распределений внутри различных вопросных блоков и т.п.). Таким образом, психологические реакции респондентов на предложенные им языковые «символы» понятий интерпретируются социологами как «ценности». Но ценности ли это?

Типичный пример социологического исследования ценностей и интерпретации его результатов представлен в коллективной монографии «Базовые ценности россиян...»⁶. Что же имеется в виду под «базовыми ценностями»? «...Под базовыми ценностями подразумеваются либо достаточно абстрактно выраженные представления о том, что наиболее желательно и эмоционально привлекательно (способно соответствовать идеальному состоянию бытия людей), либо столь же эмоционально привлекательный – и как раз в силу этого предпочитаемый – модус поведения или способ действий (к примеру, моральные ценности добра и справедливости)» [Базовые ценности, 2003: 19]. Надо ли говорить о том, что, по меньшей мере, тройное опосредствование социальной реальности научно-рациональным конструированием приводит к реификации ценностей и создает другую, альтернативную реальность? В структурном отношении ситуация аналогична той, что выражена в лозунге «Ударим автопробегом по бездорожью!»: строительство дорог подменяется спортивным соревнованием. Зато люди заняты.

Проблема не в том, что получаемая социологами информация о ценностях вообще лишена смысла, – он, конечно, имеется, просто не совсем ясно, какой именно и как он соотносится с действительностью, – а в том, что ценности остаются скрытыми за теми рациональными конструкциями, которые искусственно создают в своих профессиональных интересах социологи. Здесь, как и во многом другом, принципиально важна мера, в какой социологи действительно познают ценности. Но, если верно, что язык не столько открывает истину, сколько скрывает ее, это тем более верно, когда вопрос о ценностях переводится с естественного разговорного языка на искусственную научную терминологию.

Социологи и социальные психологи игнорируют тот факт, что некоторые сферы человечески-личностного и группового социокультурного бытия недоступны для эмпирического исследования и дискурсивного познания вообще. Ценности относятся как раз к такой сфере. Они просто исчезают, аннигилируются при попытке проникновения в них извне. Стремление изучить их «качественными» методами тоже часто не достигает цели. Исследования ценностей посредством традиционной анкетной технологии могут

⁶ Критический анализ содержания этой книги не входит в наши задачи.

привести лишь к сомнительным результатам, которые по большому счету никому не нужны, кроме самих социологов. Результаты могут считаться достоверными, но область социальной значимости этой достоверности ограничивается узким профессиональным кругом.

Политики, хозяйственники, «простые» люди и все, кто не входит в указанный круг, не понимают и не обязаны понимать язык социальной науки, особую социологическую терминологию. Их интересуют конечные выводы, которые позволяют увидеть и понять в обществе то, что сами они не видели и понять не могли, что можно использовать на благо народу и государству. Но выводы социологов зачастую тривиальны. Они представляют собой перевод общеизвестного с разговорного языка на мудреный профессиональный сленг, который изобилует латинизмами, англицизмами, германизмами и прочими «волшебными» словами, некритически заимствованными у социологов Запада, которые с 1960-х гг. задают нам направления эмпирических исследований и ценностно-значимые образцы теоретическо-социологического мышления. То, что социологи и социальные психологи приписывают россиянам наличие у них каких-то «базовых» ценностей – например, числом десять – или рассказывают о том, как менялись эти «базовые» ценности на протяжении последних 15 лет, ничего не меняет в жизни и сознании «простых» россиян. Они об этом ничего не знают и скорей всего никогда не узнают. Впрочем, как и большинство лиц, наделенных государством полномочиями принимать хозяйственные и политические решения.

Уходя от простой очевидности социальных феноменов в зону научно-рационального мышления, ученые-социологи обычно сразу приступают к объяснению того, что сначала надо еще выявить, осмыслить и понять. Одно из двух: либо они объясняют то, чего на самом деле не понимают, – либо втайне от самих себя исходят из данности ценностных смыслов как феноменов, присутствующих в их подсознании благодаря включенности в традиционную ментальность своего народа. В первом случае мы имеем дело с «ученым невежеством» (не в смысле *docta ignorantia* Николая Кузанского), во втором – с крипто-метафизикой социологии как позитивной науки⁷, т.е. с ее конститутивным пороком, воспроизводящим родовую травму⁸. Ни то ни другое не вселяет надежд на изменение роли социального познания в жизни современного российского общества.

Заключение. Обыденное сознание не проводит различие между политическими-идеологическими «ценностями» и ценностями в их первоначальном, человеческом смысле, поэтому без сомнения принимает за национальные или цивилизационные ценности все, что таковым объявляют с высоких политических трибун, а это, в свою очередь, – за ценности в подлинном смысле слова. Гуманитарно- и социально-научное познание отталкивается от обыденного сознания и критикует его, однако руководствуется той фундаментальной ценностью, которая присуща любому научному познанию (см. выше). Поэтому оно также не проводит различий между ценностями как таковыми и ценностями в «метафорическом» смысле и прагматично исходит из того понимания предмета («ценности»), которое задают актуальные потребности общественной жизни.

Если представители гуманитарной или социальной науки пытаются провести указанное выше различие, то они сталкиваются с проблемой идентичности своей дисциплины как именно научной. Ведь теоретическое осмысление проблемы ценностей выводит за границы науки в сферы философии (философии познания и знания, философии человека, истории и культуры, социальной философии и т.д.), даже мифа и религии. Впрочем, это совершенно не смущает подавляющее большинство эмпирических (и не только эмпирических) социологов, ментально приверженных сциентистской парадигме, заданной О. Контом.

⁷ Под «позитивной наукой» имеется в виду наука, идеальным образцом-моделью для которой служит естествознание (*science*).

⁸ «Главное содержание социологии исчерпывалось тем, что можно было бы назвать, с одной стороны, социальной философией, каковой, по преимуществу, оказался у О. Конта раздел социологии, посвященный социальной статике, а с другой – философией истории, которой едва ли не исчерпывается раздел, посвященный социальной динамике» [Давыдов, 2002: 131].

Ибо их учитель создал доктрину, которая изначально была наспихована криптометафизикой и потому не случайно, а закономерно – в обратном порядке эволюции человеческого ума, согласно «закону трех стадий», – завершилась созданием гуманистического эрзац-религиозного «альтруистического» культа Верховного Существа (Человечества).

«...Конт, все время сознательно или бессознательно ориентировавшийся на католическую религиозно-институциональную “модель”, парадоксальным образом сближается с кальвинизмом, – отмечает Ю.Н. Давыдов сущностную черту позитивизма Конта, на которую мало кто обращал внимание. – Во всяком случае, его – имманентный, земной – Бог требует от приверженца “позитивистской религии” абсолютной самоотверженности, полнейшего отказа от нравственной самостоятельности. И некоего морального фатализма, который можно сравнить разве лишь с тем, какого требовал от приверженца аскетического протестантизма трансцендентный Бог Ж. Кальвина» [Давыдов, 2002: 130–131].

Не удивителен тот факт, что сегодня ничто не мешает социологам, прикрываясь «научностью» своей дисциплины, писать что угодно без какой-либо мало-мальски серьезной теоретико-методологической рефлексии. Например – создавать квазинаучные ценностно-фундированные мифы, преисполненные историческим фатализмом: как тут не вспомнить «теорию цивилизационных матриц» Запада и России, которым неявно приписывается как нечто изначально и навечно данное, соответственно мужское и женское начала. Или – развивать социальную философию, которая отрицает у человека наличие духа и духовности как чего-то специфически человеческого, соответственно, элиминирует личность, да и вообще человека как субъекта социального действия, для чего реанимирует давно отвергнутые учения «зоологической социологии» и апеллирует к новейшим тенденциозным исследованиям западных ученых в области социобиологии и этологии социальных животных. И все это называется «социологией».

Сто лет назад Н.А. Бердяев писал: «Мы живем в эпоху обнажений и разоблачений. Обнажается и разоблачается и природа гуманизма, который в другие времена представлялся столь невинным и возвышенным. Если нет Бога, то нет и Человека – вот что опытно обнаруживает наше время» [Бердяев, 1994: 413]. Первая четверть XXI в. с еще большей очевидностью подтверждает то, что на историческом опыте XX в. обнаружил выдающийся русский мыслитель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.
- Бердяев Н.А. Новое средневековье // Философия творчества, культуры и искусства в двух томах. Т. 1. / Вступ. статья, составление, прим. Р.А. Гальцевой. М.: Искусство; ИЧП «Лига», 1994.
- Давыдов Ю.Н. Конт и умозрительно-спекулятивная версия позитивной науки об обществе (Конт и Гельгель) // История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 1. / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. М.: Канон + ОИ «Реабилитация», 2002. С. 63–140.
- Демиденко С.Ю. Вопросы этики и ответственности социолога в контексте противоречия ценностных позиций (на примере отношения к СВО) // Вестник УдГУ. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 7. Вып. 4. С. 425–434. DOI: 10.31857/S013216250028531-7.
- Ионин Л.Г. Драма жизни Макса Вебера. М.: Дело, 2022.
- Малинкин А.Н. Комментарии // Макс Шелер. Мысли о политике и морали. О национальных идеях великих наций / Пер. с нем., прим. и ком., сопровод. ст. А.Н. Малинкина. М.: СПб.: ЦГИ, 2024. С. 39–88.
- Мангейм К. Идеологическая и социологическая интерпретации духовных образований // Звучащие смыслы: диалог с миром. Культурологический альманах / Под ред. С.Я. Левит. М.; СПб.: ЦГИ, 2022. С. 694–719.
- Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Neuer Versuch der Grundlegung eines ethischen Personalismus // Gesammelte Werke. Bd. 2. Bern, München: Francke Verlag, 1980.

Статья поступила: 27.02.24. Финальная версия: 09.04.24. Принята к публикации: 09.04.24.

VALUES: CAN SCIENCE STUDY THEM? ON THE HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF THE ISSUE

MALINKIN A.N.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Alexander N. MALINKIN, Cand. Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (lo_zio@bk.ru).

Abstract. The place and role of values in scientific knowledge in general and in sociology in particular are discussed in the above paper. Values in the light of political sociology (political-ideological values) are compared with values themselves, which in the light of the sociology of knowledge appear as phenomenologically revealed initial givens. They form a core of the worldviews and worldview of each person as an individual. In the interpretation of values themselves, the author relies on his interpretation of the religious and philosophical axiology of M. Scheler. The author proves that, although all kinds of evaluativeness are subject to exclusion, “value neutrality” in social cognition is impossible in principle, therefore it is necessary to strive for its explication and articulation. The author questions the possibility of scientific-discursive knowledge of values, as well as respective attempts to study value consciousness empirically.

Keywords: political sociology, political-ideological values, sociology of knowledge, values themselves, phenomenology, axiology, man, personality, scientific reduction.

REFERENCES

- Basic values of Russians: Social attitudes. Life strategies. Symbols. Myths.* (2003) Moscow: Dom intellektualnoy knigi. (In Russ.)
- Berdyaev N.A. (1994) *New Middle Ages. Philosophy of Creativity, Culture and Art in Two Volumes.* Vol. 1. Moscow: Iskusstvo; ICHP “Liga”: 406–485. (In Russ.)
- Davydov Yu.N. (2002) Comte and the Speculative Version of the Positive Science of Society (Comte and Hegel). In: *History of Theoretical Sociology.* In 4 vol. Vol. 1. Moscow: Kanon + OI “Reabilitaciya”: 63–140. (In Russ.)
- Demidenko S.Yu. (2023) Ethics and Responsibility of a Sociologist in the Context of Contradiction of Value Positions (on the Example of Attitude towards Special Military Operation). *Vestnik UdGU. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations]. Vol. 7. Iss. 4: 425–434. DOI: 10.31857/S013216250028531-7. (In Russ.)
- Ionin L.G. (2022) *The Drama of Max Weber's Life.* Moscow: Delo. (In Russ.)
- Malinkin A.N. (2024) Comments. *Max Scheler. Thoughts on Politics and Morality. On the National Ideas of Great Nations.* Transl. from Germ. by A.N. Malinkin. Moscow; St. Petersburg: CGI: 39–88. (In Russ.)
- Mannheim K. (2022) Ideological and Sociological Interpretation of Spiritual Formations. *Sounding Meanings: Dialogue with the World. Culturological Almanac.* Transl. from Germ. by A.N. Malinkin. Moscow; St. Petersburg: CGI: 694–719. (In Russ.)
- Scheler M. (1980) Formalism in ethics and the material ethics of values. A new attempt at the foundation of an ethical personalism. In: *Collected Works.* Vol. 2. Bern, Munich: Francke Verlag. (In Germ.)

Received: 27.02.24. Final version: 09.04.24. Accepted: 09.04.24.

© 2024 г.

Е.А. ГРИГОРЬЕВА

АПОЛОГИЯ УТОПИИ: О ВОЗВРАЩЕНИИ УТОПИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЕ

ГРИГОРЬЕВА Екатерина Александровна – младший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (yreewda@gmail.com).

Аннотация. Утопическое мышление, стремление к идеалам, движение к прогрессу всегда лежали в основе картины мира. Социология, будучи продуктом эпохи модерна, обращаясь к социальному будущему, нередко прибегала к утопическим построениям. Однако для современного этапа ее развития характерно угасание интереса к этой теме. В статье обсуждаются причины снижения и эвристическая ценность интереса к утопическим построениям в социологическом теоретизировании, главным образом вследствие перехода к постмодернистским реалиям и общей критике утопий. Утверждается, что социологическая наука нуждается в ренессансе утопии как инструмента, способного предложить иное видение социального мира, сформулировать общественный идеал и приблизить его воплощение на практике. Сегодня отечественная социология не выдвигает социальный идеал, не указывает путь, а лишь фиксирует и объясняет происходящее в социальной реальности. Такое положение имеет практические последствия, потенциально ограничивающие способность социологической науки быть предписывающей и проактивной. В этой связи перед современными отечественными социологами стоит задача пробуждения утопического воображения в качестве компонента интеллектуальных усилий.

Ключевые слова: утопия • социальное будущее • социология теоретическая • социология российская • критическая теория

DOI: 10.31857/S0132162524040129

Введение. Конструирование миров, свободных от проблем реальной жизни, в том или ином виде происходит во многих культурах на протяжении истории человечества, – в виде мифов, легенд, религиозных писаний, политических идеологий, философских и социологических текстов. Хотя вымышленные миры серьезным образом отличаются по форме и содержанию, их появление в новых текстах позволяет ряду исследователей утверждать, что человеческой природе присуща склонность к утопическому мышлению [Bloch, 1986; Маркузе, 2004]. Прибегая к нему, люди выходят за рамки своего опыта, и, представляя себе нечто иное, лучшее чем то, что существует, таким образом выдвигают идеалы. Эти идеалы, следуя дюркгеймовскому пониманию, имеют коллективное социальное происхождение, изображают и обобщают социальную жизнь в ее лучшей форме и представляют собой двигатели общественного развития [Дюркгейм, 1991: 24–31].

Слово греческого происхождения «утопия» было применено в трудах английского философа и писателя Т. Мора и имеет двойственную этимологию: «приставка «ου» (отрицание, отвергающее факт, но не возможность факта) и корень «τόπος» (место, страна). Рождается коннотация – «страна (место), которой(-го) нет». При прочтении этого слова

на английский лад мы имеем омофон *eutopia* от др. греч. «εὖ» (благо) и того же корня «τόπος» [Мартынов, 2009: 163]. Тем самым в термине заложено указание на пространство и на состояние этого пространства – это место/страна не существует, вместе с тем оно (-а) блаженно (-а).

Ключевая особенность утопии – ее неосуществимость в настоящий момент. Совокупность факторов, которая препятствует реализации утопии на практике, Г. Маркузе обозначил как «незрелость социальной ситуации» [Маркузе, 2004: 19]. К. Мангейм предлагал придерживаться относительной трактовки утопии – понимать под утопией лишь ориентацию, которая представляется полностью неосуществимой представителям утвердившегося социального порядка [Мангейм, 1991: 113]. Это отрицание существования утопии здесь сейчас, но не отрицание потенциальной возможности ее существования, заложено в этимологии слова «утопия». Ощущение, что утопия осуществима, в каком-то смысле даже увеличивается, когда утописты уходят от повествований о далекой стране, характерных для ранних утопий (как у Т. Мора) и прибегают к повествованиям о будущем (Ш. Фурье, Э. Говард и более поздние авторы). Описывая время, которое не наступило, авторы заменяют территориальную недостижимость недостижимостью во времени. «Этого будущего еще нет, а значит, есть вероятность, что оно может появиться, если мы что-то для этого сделаем» [Bloch, 1964].

Отделяя утопию от текстов, где описаны события и технологии лучшего будущего, прошлого или альтернативного мира, обратимся к определению Л.Т. Сарджента, обобщающего исследования утопий в социальных науках: «несуществующее общество, подробно и последовательно описанное, локализованное во времени и пространстве, и организованное совершеннее, чем то общество, в котором живет автор» [Sargent, 2010: 6]. В широком смысле утопию можно понимать как «социальные мечтания» [Sargent, 1994: 3]. Так или иначе в утопических текстах присутствует диагноз болезней современного для автора общества вместе с более или менее продуманной схемой его преобразования и совершенствования. Цель такого текста состоит в том, чтобы убедить читателя не только в невыносимости настоящего, но и в том, что мы в силах изменить его – при правильной социальной организации может быть реализовано нечто, приближающееся к совершенству [Kumar, 2010: 556]. Кроме того, будучи выражением стремления к лучшему образу жизни, утопия может быть понята, по мнению Р. Левитас, как «секуляризованная версия духовного поиска», направленного на то, чтобы понять, «кто мы такие, почему мы здесь и как мы связаны друг с другом» [Levitas, 2007: 290].

К постановке вопроса. И хотя следы утопического мышления известны со времен Платона, расцвет такого рода социальных мечтаний приходится на эпоху модерна. По мере того как в обществе модерна возрастала убежденность, что у человечества есть необходимые интеллектуальные и материальные ресурсы, чтобы построить идеальное общество, утопия становилась сердцем модернистской картины мира. Ускоряющееся движение к неизвестному будущему таило надежду на осуществление утопии [Koselleck, 2004: XVIII]. Характерное для модерна слияние исторического и утопического мышления – историческая рефлексия, пронизанная реальным опытом, призвана критиковать утопические модели, в то время как утопическая рефлексия демонстрирует альтернативы и возможности, которые выходят за пределы исторической преемственности [Habermas, 1986], приводя к тому, что утопия становится одним из самых важных жанров модерна [Lowe, 2001: 11]. Рождались смелые и претенциозные идеи общественного преобразования; утопическое мышление было глубоким и утонченным. Утопия давала надежду на спокойствие, стабильность, порядок, лишенную неожиданностей последовательность причин и следствий – словом, на то, что требовалось обществу после пережитого разрушения старого порядка и привычных ландшафтов, революционных изменений.

Рожденная в пору зарождения модерна социология с начала своего существования прибегала к утопическим построениям при обращении к социальному будущему. Несмотря на то, что в социологической науке научный метод зачастую противопоставлялся

утопическому [Энгельс, 1961], мы обнаруживаем утопические социальные идеалы и альтернативы общественного устройства у О. Конта, К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, П. Сорокина, Э. Фромма, Ю. Хабермаса и др. Однако, начиная с середины XX в. (и эта тенденция сохраняется сегодня), отношение к утопии в научных кругах становится более осторожным, порой радикально негативным. Утопические контуры все реже появляются на страницах социологических текстов. Такому положению способствовал ряд социальных причин и социальных трансформаций, которые, обобщая, можно свести к следующим:

(1) Бурная критика утопий в середине XX в. в рамках дискурса конца идеологии. Утопическому воображению было трудно адаптироваться к разрушениям и трагедиям начала XX в., в то время как политологи возложили ответственность за мировые войны на утопические схемы [Siebers, 1994; Levitas, 2010]. Утопическое мышление воспринималось как инструмент политики и связывалось с идеологией насилия [Арон, 1955; Bell, 1965; Popper, 1986].

(2) Утрата веры в прогресс и социального оптимизма. С одной стороны, утопии подвергались критике и связывались с тоталитарными режимами, с другой, ужас мировых войн и социальных потрясений начала XX в. не позволял видеть будущее столь же оптимистично, как в эпоху раннего модерна [Shklar, 1969]. По мнению Т. Адорно, в глубине души все люди, независимо от того, признают они себе в этом или нет, знают, что всё в этом мире могло быть по-другому. Однако социальный аппарат стал настолько жестким по отношению к ним и ко всему миру, что даже осязаемые и очевидные, казалось бы, преобразования общественно-политического уклада представляются радикально невозможными¹.

(3) Критика Т. Парсонса. В рамках критики парсоновского структурного функционализма прозвучали обвинения в чрезмерном непродуктивном абстрагировании от социальной реальности [Миллс, 2001] и указания на то, что парсоновский синтез утопического видения общества с претензией на единственно верное такое видение носит пагубный характер и таит в себе большой ущерб для социологической науки [Дарендорф, 2002: 339]. Критики призывали обратиться к более реалистичным подходам к анализу социальных структур и процессов.

(4) Обесценивание результатов утопических преобразований, поскольку идеи, которые были реализованы, представляли в другом и зачастую упрощенном, адаптированном под возможности современного общества виде [Bloch, 1964].

(5) Оформление постмодернистского дискурса и провозглашение эпохи постмодерна. В новой реальности терпят крах утопии модерна, основанные на вере в возможность создания идеально упорядоченного, территориально замкнутого и стабильно счастливого общества. Об этом рассуждает З. Бауман. Социальные мечтания переместились в плоскость настоящего. Счастье теперь означает другое «сегодня», не более счастливое «завтра». Счастье теперь мыслится как цель, к которой нужно стремиться индивидуально, причем оно воспринимается, скорее, как череда счастливых моментов, не как устойчивое состояние. Счастье других, коллективное счастье больше не является условием счастья собственного [Bauman, 2003: 22–23]. Наконец, высшие ценности общества модерна (неподвижность, долговечность, постоянство) приобрели однозначно негативный оттенок. Счастье жителей эпохи постмодерна сопряжено с поиском новых впечатлений, и как только места становятся утомительно знакомыми, их ценность заметно уменьшается. Перспектива «неподвижности» и счастья в одном месте, прекращение мобильности и посещения альтернативных мест, где можно получить новые ощущения, выглядит неинтересной и скучной [Bauman, 2003]. И дело не только в том, что не осталось никаких хороших или смелых идей, за которые можно было бы бороться, но и в том, что их не может быть [Kumar, 1996].

¹ Adorno & Ernst Bloch – Möglichkeiten Der Utopie Heutestw 1964 (Radio-Debate, Südwestrundfunk, 1964) // Internet Archive. URL: <https://archive.org/details/AdornoErnstBloch-MglichkeitenDerUtopieHeutesw1964> (дата обращения: 07.06.2023).

(6) Институционализация деятельности носителей утопического мышления. Р. Джейкоби предложил понимать угасание утопического мышления в контексте «смерти интеллектуалов», поскольку судьба утопического видения всегда связана с судьбой интеллектуалов и независимых мыслителей. По мере того как бюрократия поглощает интеллектуальную жизнь, а ее границы распадаются на области и департаменты, интеллектуалы прибегают во имя прогресса к сужению рамок и менее всеобъемлющим концепциям [Jacoby, 1999]. Интеллектуальный труд стал институционализированным, как демонстрирует П. Бурдьё [Бурдьё, 2018]. Ранее независимые, мыслители становятся профессионалами. Но есть доля истины в том, что лишь тот, «чье воображение в меньшей степени ограничивается официальным учреждением или закрепленным законом имущественными правами, может действительно создать что-либо важное в области теории» [Манхейм, 2010: 581]. Будучи носителями утопических идей в прежние эпохи, интеллектуалы сегодня менее заметны на арене общественных дискуссий. «...немногие представляют себе будущее иначе, чем точной копией сегодняшнего дня – иногда лучше, но обычно хуже» [Jacoby, 1999: XII]. Р. Джейкоби обозначил происходящий сдвиг как движение от утопии к миопии и иронично называет «мудростью нашего времени» консенсус относительно того, что альтернатив больше нет.

Указанные причины главным образом привели к угасанию интереса социологов (не только их) к построению утопических моделей [Habermas, 1986; Jacoby, 1999]. Сторонники и союзники утопии направили свое утопическое мышление в сторону продолжения существующих тенденций. Ряд авторов предложили перейти от утопического мышления к «утопическому реализму» [Гидденс, 2011], от утопизма к «утопистике» [Wallerstein, 1998], от утопий абстрактных к «утопиям реальным» [Буравой, Райт, 2011]. Каждый из этих переходов предполагает ориентацию на развитие практически реализуемых институциональных планов, способных привести общество к возможному лучшему будущему. Отдельные исследователи замечали, что постмодерн, тем не менее, не поддается вновь обозначенному утопическому импульсу [Vieira, 1993]. Наконец, наш вопрос: *продуктивно ли для социологической теории существенное снижение утопических амбиций, в ряде случаев полный отказ от утопического?*

Эвристическая ценность утопических построений в социологической теории. Защитники утопии в XX и XXI вв., под натиском серьезных претензий к ней и губительных для нее социальных трансформаций, подчеркивали значение утопического для общества и науки. Далее мы будем опираться на пласт исследований социально-утопических идеалов, выполненных преимущественно в неомарксистской логике. В рамках данного направления накоплен материал по исследованию развития утопических идей, которые традиционно и небеспричинно ассоциируют с левым движением. Он оформлен в западной социологии в виде отдельной научной дисциплины *Utopian studies*, возникшей в 1970-е гг. Представляется, что утопические построения могут и должны быть включены (скорее, возвращены) в основное «тело» социологической теории, поскольку есть ряд значимых для нашей науки функциональных преимуществ подобных построений:

(1) Утопии выражают стремления к лучшему укладу общественной жизни, и в конечном счете *учат желать лучшего, желать большего и, прежде всего, желать по-другому*. Эта функция может быть названа «воспитанием желания» и лежит в основе многих определений утопий [Thompson, 1977; Levitas, 2010; Abensour, 2017]. Страстное желание – полагал Э. Блох, – является универсальным и единственным искренним чувством человеческих существ [Bloch, 1964].

(2) Утопии являют собой *ориентир и пример*, к которому нужно стремиться. В этом смысле они действуют дейктически, как своего рода «жест указания» [Suvin, 1979: 37] или как «общественный маршрут» возможных улучшений мира [Блох, 1991: 50–51]. Они выступают регулирующим идеалом, на который должны быть ориентированы изменения в реальном мире.

(3) Утопия – это критика существующего порядка. Следуя неомарксистской логике, необходимо подчеркнуть, что в первую очередь именно критический потенциал составляет эвристическую ценность утопических построений. Такого рода критика предполагает определенное отрицание существующего порядка или, как формулировал Д. Сувин, «историческое отчуждение» [Suvin, 1979: 49]. В этом смысле концепции радикально иного общественного устройства становятся шокирующим и «дистанцирующим» зеркалом привычной социальной реальности. В своей основе они обязательно содержат явную или неявную отсылку к эмпирической среде автора, без которой сложно осознать новизну альтернативы [Suvin, 1979: 53]. Отрицание того, что существует, всегда указывает на то, что должно быть. Истинное определяется ложным. «Как бы ни мало мы знали о том, что было бы правильным, мы точно знаем, что такое ложь» [Bloch, 1964]. Поэтому утопии в руках ученого становятся «инструментом против реальности» [Abensour, 2017], которая представляется безальтернативной.

(4) Будучи критикой существующего и ориентиром для будущего, утопии заставляют реальную социальную практику двигаться вперед и становятся катализатором лучшего будущего, стимулируют перемены [Levitas, 2000]. Различая утопии абстрактные и утопии конкретные, Э. Блох утверждал, что внимания заслуживают конкретные утопии, содержащие в своей основе скрытые тенденции развития. Такие утопии характеризуются «воинствующим оптимизмом», ориентированы на практику и отсылают к зарождающемуся будущему [Bloch, 1986: 146]. Аналогично рассуждают Э.О. Райт, Э. Гидденс и др., предлагая обращаться к «утопическому реализму», «реальным утопиям». Возможное с практической точки зрения прежде всего возникает в рамках человеческого воображения: «Самореализующиеся пророчества – это могущественные силы в истории, и хотя может быть наивно оптимистично утверждать, что “где есть воля, там есть и способ”, безусловно верно, что без “воли” многие “способы становятся” невозможными» [Wright, 2010: 6].

Утопии и утопические построения опосредуют новое, предвосхищают его и во многом представляют собой своеобразные интеллектуальные эксперименты, позволяющие в воображаемых моделях опробовать новые идеи и прогнозировать возможные последствия их реализации. Как писал классик, «критик может, следовательно, взять за исходную точку всякую форму теоретического и практического сознания и из собственных форм существующей действительности развить истинную действительность как ее должествование и конечную цель <...> При этом окажется, что мир давно уже грезит о предмете, которым можно действительно овладеть, только осознав его» [Маркс, 1955: 380–381].

(5) Наконец, утопии могут рассматриваться как метод. Такое видение было предложено в 1906 г. на открытии социологического общества в Лондоне английским писателем-фантастом Г. Уэллсом: «На самом деле я думаю, что создание утопий – и их исчерпывающая критика – является правильным и отличительным методом социологии» [Wells, 1906: 367]. И в той мере, в какой сама социология критически относится к реально существующему миру, она содержит (хотя часто подавляет) надежду на преобразование мира и его образ – скрытую утопию [Levitas, 2013: 44]. В свете развития подходов, предполагающих обращение к утопии как к инструменту и методу, современные авторы снимают вопрос, может ли утопия быть реализована на практике: «Утопия не может быть реализована или не реализована на практике – ее можно только применять»². Утопия, следовательно, эвристический прием достижения совершенства.

Дискуссия. Потребность в осмыслении будущего всегда находила отражение в прогностической функции социологии. Безусловно, развитие социологии не может быть полноценным, если внимание исследователей приковано к перцепции и изучению настоящего. Образ социального будущего, который предлагает социология, в первом приближении может быть сформирован прогнозами и моделированием на основе существующих

² Ruyer R. Chapter One: The Utopian Genre // Speculative Heresy. URL: <https://speculativeheresy.wordpress.com/2009/01/21/343/> (дата обращения: 07.06.2023).

тенденций. По этому пути, по всей видимости, развивается современная отечественная социологическая мысль о будущем. Однако социология обладает необходимым инструментарием формирования альтернативных сценариев общественного развития, в том числе с применением утопических конструкций, которые могли бы предложить уход от недугов текущего социального устройства в иное видение, видение лучшего общества, к которому необходимо стремиться. «Так называемые утопические возможности вовсе не утопичны» [Маркузе, 2004: 23] – они представляют собой решительное социально-историческое отрицание существующего, которое требует реального прагматического противодействия и осознания существования сил, препятствующих осуществлению этих возможностей. Формирование альтернативных образов российского будущего могло бы способствовать налаживанию диалога элит и общества, повышению качества принимаемых управленческими решениями, формированию уверенности в том, что в будущем наше общество будет способно ответить на вызовы [Волков, 2020: 11]. В конце концов, социология по природе с самого своего возникновения занималась формированием проекта изменения социального мира [Иванов, Асочаков, 2016], не только объяснением существующего и прогнозами развития имеющихся тенденций.

Однако утопический дух, ощущение того, что будущее может превзойти настоящее, по всей видимости, иссякает [Jacoby, 1999]. Страсть к достижению общественных идеалов и лучшему миропорядку, присущая тем, кто посвящает жизнь социологии, оформляется в «более приземленные цели получения знаков научного отличия» [Буравой, 2008: 10]. В современной России, где утопия была претворена в жизнь, утопизм отторгают во всем [Романовский, 2015]; отечественная социология сегодня не предлагает альтернативный образ будущего. Отказываясь от утопических контуров, социологическая наука перестает предлагать видение иного лучшего мира, перестает давать социальные идеалы, в конечном счете сводясь к фиксации существующей реальности и предсказанию того, что может произойти при сохранении существующих процессов. В данной связи некоторые лидеры международного социологического сообщества задают исследовательскую повестку, в которой социальное будущее и перспектива лучшего общества становятся ключевым предметом [Буравой, 2008]. Более того, в условиях серьезных социальных потрясений и трансформаций обращение к утопическим идеалам является не просто академическим упражнением, но практическим императивом. Учитывая эвристическую ценность утопических построений, представляется, что перспективной задачей отечественной социологии сегодня является обращение к утопическому воображению и формирование с его помощью альтернатив российского будущего, предложение путей к достижению общественного идеала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арон Р. Опиум интеллектуалов. М.: АСТ, 1955.
- Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. С. 49–78.
- Буравой М. За публичную социологию // Общественная роль социологии / Под ред. П. Романова, Е. Ярославской-Смирновой. М.: Вариант, 2008. С. 8–51.
- Буравой М., Райт Э. О. Социологический марксизм (Часть II) // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 26–38.
- Бурдые П. Homo academicus. М.: Ин-т Гайдара, 2018.
- Волков Ю. Г. Социология будущего: социологическое знание и социальный проект. М.: КноРус, 2020.
- Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.
- Дарендорф Р. Тропы из утопии. К новой ориентации социологического анализа. М.: Праксис, 2002.
- Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 106–114.
- Иванов Д. В., Асочаков Ю. В. Социальное будущее в перспективе диалектической теории // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 3–12.

- Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. С. 113–170.
- Мангейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. М.: Говорящая книга, 2010.
- Маркс К. Письма из «Deutsch-Französische Jahrbuecher» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 371–381.
- Маркузе Г. Конец утопии // Логос. 2004. Т. 6. № 45. С. 18–23.
- Мартынов Д.Е. К рассмотрению семантической эволюции понятия “утопия” // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 162–171.
- Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М.: NOTA BENE, 2001.
- Романовский Н.В. Будущее как проблема современной социологии // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 13–22.
- Чаликова В.А. Предисловие // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс. 1991. С. 3–21.
- Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 185–230.
- Abensour M. Utopia from Thomas More to Walter Benjamin. MacKenzie, Minneapolis: Univocal Publishing. 2017.
- Bauman Z. Utopia with no topos // History of the human sciences. 2003. Vol. 16. No. 1. P. 11–25.
- Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. N. Y.: Free Press, 1965.
- Bloch E. The Principle of Hope. 3 vols. Oxford: Basil Blackwell, 1986.
- Habermas J. The new obscurity: The crisis of the welfare state and the exhaustion of utopian energies // Philosophy & Social Criticism. 1986. Vol. 11. No. 2. P. 1–18.
- Jacoby R. The end of utopia: politics and culture in an age of apathy. N. Y.: Basic Books, 1999.
- Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time. N. Y.: Columbia University Press, 2004.
- Kumar K. From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theory of the Contemporary World. Oxford: Blackwell, 1996.
- Kumar K. The ends of utopia // New Literary History. 2010. Vol. 41.No. 3. P. 54–569.
- Levitas R. For utopia: The (limits of the) utopian function in late capitalist society // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2000. Vol. 3. No. 2–3. P. 25–43.
- Levitas R. Looking for the blue: The necessity of utopia // Journal of Political Ideologies. 2007. Vol. 12. No. 3. P. 289–306.
- Levitas R. Some varieties of utopian method // Irish Journal of Sociology. 2013. Vol. 21. No. 2. P. 41–50.
- Levitas R. The Concept of Utopia. Vol. 3. Peter Lang, 2010.
- Lowe L. Utopia and modernity: Some observations from the border // Rethinking Marxism. 2001. Vol. 13. No. 2. P. 10–18.
- Popper K.R. Utopia and violence // World Affairs. 1986. Vol. 149. No. 1. P. 3–9.
- Sargent L.T. The three faces of utopianism revisited // Utopian studies. 1994. Vol. 5. No. 1. P. 1–37.
- Sargent L.T. Utopianism: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Shklar J.N. After Utopia: the decline of political faith. Princeton: Princeton University Press, 1969.
- Siebers T. What Does Postmodernism Want? Utopia // Heterotopia: Postmodern Utopia and the Body Politic/ Ed. by T. Siebers. University of Michigan Press, 1994. P. 1–39.
- Suvin D. Metamorphoses of Science Fiction. New Haven, L.: Yale University Press, 1979.
- Thompson E.P. William Morris: Romantic to Revolutionary. L.: Merlin, 1977.
- Vieira G.C. No place for Utopia: Postmodern Theory and The white hotel // Utopian Studies. 1993. Vol. 4. No. 2. P. 117–127.
- Wallerstein I. Utopistics: Or, historical choices of the twenty-first century. N. Y.: The New Press, 1998.
- Wells H.G. The So-Called Science of Sociology // The Sociological Review. 1906. No. 1. P. 357–369.
- Wright E.O. Envisioning Real Utopias. L., N. Y.: Verso, 2010.

Статья поступила: 29.01.24. Финальная версия: 07.04.24. Статья принята к публикации: 07.04.24.

AN APOLOGY FOR UTOPIA: ON THE RETURN OF UTOPIAN CONSTRUCTIONS TO THE MAINSTREAM SOCIOLOGICAL THEORIZING

GRIGOREVA E.A.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Ekaterina A. GRIGOREVA, Junior Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (yreewda@gmail.com).

Abstract. Utopian thought, the aspiration toward idealized conditions, and the progression toward advancement have historically constituted a cornerstone of the modernist ethos. Sociology, as an intellectual offspring of the modern epoch, has inherently engaged with utopian constructs – directing its gaze towards conceivable societal futures. In the current era where global challenges – such as climate change, social inequality, and populist political movements – present complex social problems, the relevance of utopian thinking in sociology is underscored as a tool for envisioning transformative solutions. Nonetheless, contemporary developments within the discipline signal a marked attenuation of utopian fervor. This paper scrutinizes the factors contributing to the diminished enthusiasm for utopian speculations within sociological theory. The decline is largely attributed to a shift towards postmodern paradigms, characterized by skepticism towards grand narratives and a pervasive mid-20th-century critique of utopianism. Despite this, the heuristic value of utopian thinking as a methodological instrument for social analysis remains substantial. The central thesis advocates for a resurgence of utopian thought within sociological inquiry, proposing that its restoration functions as a potent critical apparatus. Amid pressing societal crises, sociological engagement with utopian ideals is not merely an academic exercise but a practical imperative. It empowers the discipline to envision alternative social configurations, articulate social aspirations, and pragmatically approach their realization. Utopian thought can stimulate innovative policy-making, encourage societal engagement, and help construct resilient social systems in the face of adversity. Presently, Russian sociology, reflective of broader global sociological trends, does not proffer a societal ideal, hence it navigates without direction, merely mapping and interpreting the existing social landscape. This trajectory has practical implications, potentially limiting the discipline's ability to be prescriptive and proactive. Confronted with this reality, Russian sociologists – and the discipline more broadly – are urged to rekindle the utopian imagination as a pivotal component of their intellectual endeavor. In doing so, they may foster a renewed sense of direction and purpose in the discipline of sociology, making it all the more pertinent in addressing the multifaceted complexities of today's world.

Keywords: utopia, social future, theoretical sociology, Russian sociology, critical theory.

REFERENCES

- Abensour M. (2017) *Utopia from Thomas More to Walter Benjamin*. MacKenzie, Minneapolis: Univocal Publishing.
- Aron R. (1955) *The Opium of the Intellectuals*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Bauman Z. (2007) Utopia with no topos. *History of the human sciences*. Vol. 16. No. 1: 11–25.
- Bell D. (1965) *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. New York: Free Press.
- Bloch E. (1986) *The Principle of Hope*. 3 vols. Oxford: Basil Blackwell.
- Bloch E. (1991) The Principle of Hope. In: *Utopia and Utopian Thinking: an Anthology of foreign literature*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Bourdieu P. (2018) *Homo academicus*. Moscow: In-t Gajdara. (In Russ.)
- Burawoy M. (2008) For Public Sociology. In: Romanov P., Yarskaya-Smirnova E. (ed.) *The social role of sociology*. Moscow: Variant. (In Russ.)
- Burawoy M., Wright E.O. (2011) Sociological marxism (Part II). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 26–38. (In Russ.)
- Chalikova V.A. (1991) Preface. In: *Utopia and Utopian Thinking: an Anthology of foreign literature*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Dahrendorf R. (2002) *Trails from Utopia. Towards a new orientation of sociological analysis*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Dyurkgejm E. (1991) Value and real judgments. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* [Sociological studies]. No. 2: 106–114. (In Russ.)

- Engels F. (1961) The development of socialism from utopia to science. In: Engels F., Marx K. *Sochineniya*. Vol. 19. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Giddens A. (2011) *The Consequences of Modernity*. Moscow: Praksis. (In Russ.)
- Habermas J. (1986) The new obscurity: The crisis of the welfare state and the exhaustion of utopian energies. *Philosophy & Social Criticism*. Vol. 11. No. 2: 1–18.
- Ivanov D.V., Asochakov YU.V. (2016) The social future in the perspective of dialectical theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 3–12. (In Russ.)
- Jacoby R. (1999) *The end of utopia: politics and culture in an age of apathy*. New York: Basic Books.
- Koselleck R. (2004) *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. New York: Columbia University Press.
- Kumar K. (1996) *From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theory of the Contemporary World*. Oxford: Blackwell.
- Kumar K. (2010) The ends of utopia. *New Literary History*. Vol. 41. No. 3: 549–569.
- Levitas R. (2000) For utopia: The (limits of the) utopian function in late capitalist society. *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. Vol. 3. No. 2–3: 25–43.
- Levitas R. (2007) Looking for the blue: The necessity of utopia. *Journal of Political Ideologies*. Vol. 12. No. 3: 289–306.
- Levitas R. (2010) *The Concept of Utopia*. Peter Lang.
- Levitas R. (2013) Some varieties of utopian method. *Irish Journal of Sociology*. Vol. 21. No. 2: 41–50.
- Lowe L. (2001) Utopia and modernity: Some observations from the border. *Rethinking Marxism*. Vol. 13. No. 2: 10–18.
- Mannheim K. (1991) Ideology and utopia. In: *Utopia and Utopian Thinking: an Anthology of foreign literature*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Mannheim K. (2010) *Selected works: the diagnosis of our time*. Moscow: Govoryashchaya kniga. (In Russ.)
- Marcuse H. (2004) The end of utopia. *Logos*. Vol. 6. No. 45: 18–23. (In Russ.)
- Martynov D.E. (2009) To consider the semantic evolution of the concept of utopia. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 5: 162–171. (In Russ.)
- Marx K. (1955) Letters from «Deutsch-Französische Jahrbücher». In: Marx K., Engels F. *Sochineniya*. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Mills Ch.W. (2001) *The sociological imagination*. Moscow: NOTA BENE. (In Russ.)
- Popper K.R. (1986) Utopia and violence. *World Affs*. Vol. 149. No. 1: 3–9.
- Romanovskiy N.V. (2015) The future as a problem of modern sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 11: 13–22. (In Russ.)
- Sargent L.T. (1994) The three faces of utopianism revisited. *Utopian studies*. Vol. 5. No. 1: 1–37.
- Sargent L.T. (2010) *Utopianism: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Shklar J.N. (1969) *After Utopia: the decline of political faith*. Princeton: Princeton University Press.
- Siebers T. (1994) What Does Postmodernism Want? Utopia. In: Siebers T. (ed.) *Heterotopia: Postmodern Utopia and the Body Politic*. University of Michigan Press: 1–39.
- Suvin D. (1979) *Metamorphoses of Science Fiction*. New Haven, London: Yale University Press.
- Thompson E.P. (1993) *William Morris: Romantic to Revolutionary*. London: Merlin, 1977.
- Vieira G.C. (1993) No place for Utopia: Postmodern Theory and The white hotel. *Utopian Studies*. Vol. 4. No. 2: 117–127.
- Volkov Yu.G. (2020) *Sociology of the Future: sociological knowledge and social project*. Moscow: KnoRus. (In Russ.)
- Wallerstein I. (1998) *Utopistics: Or, historical choices of the twenty-first century*. New York: The New Press.
- Wells H.G. (1906) The So-Called Science of Sociology. *The Sociological Review*. No. 1: 357–369.
- Wright E.O. (2010) *Envisioning Real Utopias*. London, New York: Verso Books.

Received: 29.01.24. Final version: 07.04.24. Accepted: 07.04.23.

© 2024 г.

А.О. ЖАМПЕТОВА, Ф. АТАЙ, С.Я. АЛКАН

О ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЯХ И ПРЕДПОЧТЕНИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА

ЖАМПЕТОВА Айгерим Оралбековна – сеньор-лектор кафедры медиа-коммуникации и истории Казахстана Международного университета информационных технологий, Алматы, Казахстан (aigera.08@mail.ru); АТАЙ Фарук – доктор политических наук, заведующий кафедрой (fataay@akdeniz.edu.tr); АЛКАН Селим Я. – PhD (yavuzselimalkan@akdeniz.edu.tr). Оба – кафедра политологии и политического администрирования Университета Акдениз, Анталя, Турция.

Аннотация. Согласно теориям модернизации, политические ценности и установки изменяются вслед за национальным экономическим развитием. В современном Казахстане в этой связи ведутся обсуждения о трансформации политических ценностей населения страны. Ряд исследований утверждают, что в Казахстане ценности меняются от традиционных к секулярно-рациональным, в массовом сознании (особенно у молодежи) переплетены традиционалистские и модернистские ценности. Для проверки таких утверждений авторами на основе социологического опроса ($N = 616$) и фокус-группового обсуждения анализируются политические ценности современной казахстанской студенческой молодежи и уровень ее политической активности. В исследовании обсуждаются основные причины отстранения молодежи от политического участия. Выявлена тенденция проявления молодыми гражданами неинституциональной политической активности, что подтверждает концепцию смены у современной молодежи доминирующих форм политического участия.

Ключевые слова: политические ценности • молодежь • политическая активность • демократические ценности • протестный потенциал

DOI: 10.31857/S0132162524040135

Молодежь всех стран мира является важным участником политической жизни. От того, какими ценностями руководствуются молодые граждане, зависит их политическое поведение и активность. Именно молодежь была самым активным участником событий «Арабской весны» начала 2010-х гг., которые носили во многом деструктивную форму. Поэтому очень важно изучать и анализировать отношение молодежи к политике, степень ее (не)удовлетворенности современной политической жизнью.

Для изучения политической культуры казахстанской молодежи авторами применены анкетный опрос посредством онлайн-платформы *Survio*, с автоматической обработкой данных, а также обсуждение результатов этого опроса в фокус-группах. Исследование проводилось в ноябре – декабре 2023 г. в Алматы, в выборку вошли 616 студентов четырех вузов¹ в возрасте 17–22 лет гуманитарных и технических

¹ В опросе принимали участие студенты следующих вузов: Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Международный университет информационных технологий, Академия логистики

специальностей, всех учебных курсов, позже в фокус-групповом обсуждении приняли участие 15 магистрантов-политологов.

По результатам опроса выявлено, что большая часть молодежи (60,8%) интересуется политическими новостями и событиями «время от времени». Меньше тех, кто ими интересуется, «только когда происходят резонансные события», – 19,4%; еще меньше интересующихся политикой «каждый день» – 10,7%; наконец, 6,4% ответили, что «совсем не интересуются политикой», еще 2,7% затруднились с ответом. Надо также обратить внимание на то, какими именно аспектами политики интересуются молодые. Оказалось, что среди политических событий молодые граждане чаще всего интересуются мировыми новостями (37,1%), в то время как к политической ситуации в стране проявляют интерес чуть реже (34,4%), а к событиям в их собственном регионе – лишь 14,4%². На фокус-групповом обсуждении молодые политологи указывали на причины, по которым их сверстники не проявляет активность в политике и интереса к ней: «Отсутствие уверенности в своих силах и возможностей влиять на политические решения. Молодые люди могут полагать, что их голоса не слышны и что их мнение не имеет значения» (магистрантка, 21 год); «Одна из причин низкого уровня участия молодежи в политике в Казахстане – недостаток информации. Многие из моих знакомых часто говорят, что они недостаточно осведомлены о политических процессах, чтобы активно [в них] участвовать. [...] Молодые люди также могут чувствовать, что их голоса не оказывают реального влияния на существующую политическую систему...» (магистрант, 22 года).

Распад СССР и образование независимого Казахстана в 1991 г. повлекли за собой глубокие изменения в культурных и политических ценностях казахстанских граждан. Последующие трудности трансформации советской системы в демократическую еще больше усилили чувство незащищенности и бессилия. После распада Советского Союза в настроениях населения Казахстана доминировало переживание нищеты и лишений. Это оказало глубокое влияние на степень (не)принятия новой формы демократического государства и его политических институтов. По данным опроса, только чуть более половины респондентов (52,6%) считают демократию хорошей формой правления; отрицательно к ней относятся 6,3%. Еще 29,4% молодежи нейтрально отнеслись к утверждению, что «демократия – хорошая форма правления», а 11,7% уклонились от ответа. Как видим, позитивные оценки демократии лишь немного превалируют над безразличными и негативными.

Для понимания не слишком высокой ценности демократии для молодых казахстанцев рассмотрим, как они оценивают ситуацию с правами человека, защита которых является фундаментом современной демократии. В ответах на вопрос «В какой степени сегодня в нашей стране уважаются права человека?» студенческая молодежь Казахстана была не совсем оптимистична. Чаще всего (44,3%) высказывалось мнение, что в стране «не слишком уважаются права человека»; противоположное мнение высказали те 24,5%, которые считали, что к ним проявляется «довольно большое уважение», и еще 8,8% считающих, что к правам человека относятся «с большим уважением». В то же время 7,8% ответивших полагали, что никакого уважения прав человека в их стране вообще нет.

Ценность демократии и защиты прав человека органично связана с уровнем доверия политическим институтам. Согласно результатам исследования, молодые

и транспорта и Алматинский технологический университет. В выборку вошли 0,3% от общего числа (186,6 тыс. человек) студентов крупнейшего города Казахстана. Выборка была квотной, где критериями отбора выступили возраст, пол, этническая принадлежность, местность проживания (город/село). Параллельно с опросом в Алматы проводился аналогичный опрос турецких студентов (г. Анталья, Университет Акдениз, N = 414), на основе которого далее будут приведены некоторые сопоставления политической культуры студентов двух стран.

² Для сравнения отметим, что турецкая студенческая молодежь, судя по опросу в Анталии, более чем вдвое чаще интересуется политическими событиями, происходящими в их стране (76,4%).

казахстанцы в наибольшей степени доверяют (по сумме ответов «очень доверяю» и «доверяю») президенту страны 63,4%; благотворительным организациям (61,4%) и религиозным организациям (53,3%). В то же время среди тех организаций, о которых чаще говорили «не доверяю» и «не очень доверяю», лидировали полиция (55,0%), политические партии (54,4%), правительство (50,3%), СМИ (50,0%) и суды (48,3%). Для сравнения можно взять данные социологического исследовательского проекта «Молодежь в Казахстане: оценка ценностей, 2021» [Шарипова, Бейменбетов, 2021], где как наиболее авторитетные по уровню доверия институты фигурировали президентство (48,3%), волонтерские движения (40,5%) и вооруженные силы (40,4%)³.

Низкий интерес молодых к политике органично связан с их низким политическим участием. Впрочем, политическая активность молодежи может проявляться (это типично отнюдь не только для Казахстана) и в «латентных» формах, такие как волонтерская деятельность, участие в социальных проектах. Согласно опросу, больше половины молодых казахстанцев (64,7%) не принимали участия ни в каких видах политической активности, в то время как 15,7% молодых граждан участвовали в молодежных организациях и проектах, в волонтерских движениях – 7,7%, а в гуманитарных и благотворительных организациях – 4,5%.

Поскольку, по мнению казахстанских ученых, современную молодежь отличает апатичность, авторы данного исследования попытались исследовать, помимо традиционных форм политического участия, также уровень протестного потенциала студенческой молодежи как одной из форм ее политической активности. На вопрос, станут ли молодые люди принимать участие, если в стране будут проходить массовые протесты, чаще всего отвечали, что решение зависит от обстоятельств (37,0%) или что ни в коем случае участия не примут (30,9%). Есть и та часть молодежи (8,6%), которые выразили готовность к участию, если это повлияет на принятие политических решений; лишь 4,0% респондентов заявили об однозначной готовности такого участия.

Когда студентам было предложено оценить эффективность тех или иных форм выражения недовольства, то в качестве наиболее эффективных форм чаще всего называли написание обращений и петиций (43,3%)⁴, обращение в официальные органы власти (40,4%), выражение недовольства в социальных сетях (40,0%) и участие в работе официально зарегистрированных партий, движений, общественных организаций (38,6%). Как наиболее неэффективные формы выражения недовольства в ответах чаще фигурировали участие в работе незарегистрированных или запрещенных партий, движений, общественных организаций (34,7%), а также участие в несанкционированных акциях протеста, митингах, пикетах, демонстрациях (34,5%). Как видно из результатов опроса, студенческая молодежь Казахстана считает институциональные (разрешенные) формы протестов более эффективными в сравнении с формами вне рамок закона. Впрочем, по поводу эффективности законных форм протеста у них нередко есть сомнения: например, участие в разрешенных акциях протеста (митингах, пикетах, демонстрациях) считают эффективной формой 31,8% молодых людей, а неэффективной – лишь немногим меньше, 25,8%.

³ Для сравнения можно указать на то, что из опрошенных студентов Турции 66,4% не доверяют президенту страны и 83,3% не доверяет религиозным организациям. Больше всего турецкие студенты доверяют армии (74,3%), которая со времен К. Ататюрка играет в Турции роль главного оплота вестернизации.

⁴ В России эта форма выражения протеста используется нечасто, но в Казахстане петиции являются популярной и нередко эффективной формой обращения граждан к власти. Так, сразу после январских событий 2022 г. жители Алматы запустили петицию с требованием лишить должности акима (мэра) города Б. Сагинтаева, поскольку он не смог предпринять нужных мер и оказать помощь людям как во время пандемии, так и во время январских событий; в том же январе его освободили от должности. При этом надо учесть, что Закон по правовому регулированию подачи петиций был подписан президентом Казахстана только 2 октября 2023 г. и вступил в силу еще через полгода, в апреле 2024 г.

Таблица

Приоритетные цели страны на ближайшие десять лет, % опрошенных

Варианты ответа	%
Высокий уровень экономического роста	30,2
Поддержание порядка в стране	12,9
Борьба с преступностью	9,2
Быть убежденным, что у страны есть сильные силы обороны	8,4
Борьба с растущими ценами	8,2
Защита свободы слова	6,1
Предоставление людям большего права голоса при принятии важных правительственных решений	5,5
Стабильная экономика	5,1
Продвижение к обществу, в котором идеи значат больше, чем деньги	4,5
Продвижение к менее обезличенному и более гуманному обществу	0,4
Не знаю	7,4
Другое	2,1

На вопрос, в каких политических действиях молодые люди принимали участие, чаще отвечали «денежные пожертвования в фонд какой-либо организации» (18,9%) и «подписали петиции» (16,8%). Кроме того, молодые казахстанцы часто отвечали, что могли бы участвовать в законных (мирных) протестных акциях – 35,3%, а также обращаться в государственные органы – 33,1%. Что касается действий, в которых молодые казахстанцы никогда не стали бы участвовать, то в качестве таковых чаще всего выступали «присоединение к неофициальным забастовкам» (43,1%) и «организация политических акций, мероприятий, протестов» (37,1%). Это еще раз подтверждает, что молодежь Казахстана больше поддерживает официальные (законные) формы политического участия, избегая незаконных форм.

Участниками фокус-групп была отмечена связь между национальным экономическим развитием и участием молодежи в политике: «Экономические обстоятельства также могут влиять на уровень участия молодежи в политике. Так, высокая безработица среди молодежи может быть фактором, отвлекающим внимание от политической активности. Отсутствие участия в принятии решений и непонимание важности участия в политике также являются возможными причинами [молодежной аполитичности]» (магистрантка, 22 года). Это сходится с мнением Г.С. Абдирайымовой и ее коллег [Абдирайымова и др., 2023], что молодые люди сталкиваются с проблемами поиска работы, жилья и создания семьи, поэтому у них меньше времени и интереса к участию в политике, чем у казахстанцев старших возрастов.

В этой связи важно отметить, что в оценках приоритетов развития страны современная студенческая молодежь Казахстана чаще всего (30,2%) считает самым важным высокий уровень экономического роста (табл.)⁵. Что касается демократических ценностей, таких как защита свободы слова и развитие политического участия, то их считали приоритетными лишь около 12% респондентов. Таким образом, следует сделать вывод, что казахстанская молодежь в своей ценностной ориентации поддерживает, по модели Р. Инглхарта [Инглхарт, Вельцель, 2011], преимущественно материальные ценности (ценности выживания), в то время как постматериальные ценности (ценности самовыражения) находятся у нее на заднем плане.

⁵ Среди турецких студентов приоритетность экономического роста выражена еще сильнее: при оценке целей страны на ближайшее десятилетие 70,3% отметили высокий уровень экономического роста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдирайымова Г.С., Веревкин А.В., Лифанова Т.Ю. К оценке социального настроения казахстанского студенчества // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 107–113.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое изд-во, 2011.
- Шарипова Д., Бейменбетов С. Молодежь в Казахстане: оценка ценностей, ожиданий и стремлений. Алматы: Friedrich-Ebert-Stiftung Kazakhstan, 2021.

Статья поступила: 19.03.24. Принята к публикации: 12.05.24.

ON THE POLITICAL VALUES AND PREFERENCES OF THE STUDENT YOUTH IN KAZAKHSTAN

ZHAMPETOVA A.O.*, ATAAY F.***, ALKAN S.Ya.**

*International University of Information Technologies, Kazakhstan; **Akdeniz University, Turkey

Aigerim O. ZHAMPETOVA, International University of Information Technologies, Senior Lecturer, Department of Media Communications and History of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan (aigera.08@mail.ru); Faruk ATAAY, Dr. Sci. (Polit.), Prof., Head of the Department (fataay@akdeniz.edu.tr); Selim Ya. ALKAN, Ph D. (yavuzselimalkan@akdeniz.edu.tr). Both – Department of Political Science and Political Administration, Akdeniz University, Antalya, Turkey

Abstract. According to Ronald Inglehart's theory of modernization, values change following economic development. There are discussions about the transformation of the political values of the population in the Kazakh scientific community. A number of studies claim that values in Kazakhstan are moving from traditional to secular – rational. Both traditionalist and modernist values are intertwined in the mass consciousness. At the same time, it is difficult to talk about the dominance of certain political values, beliefs and attitudes. Based on the conducted sociological survey ($N = 616$) and a focus group discussion, the political values of Kazakhstani youth are analyzed. The role of politics in the value orientation of modern student youth is determined, the level of political activity is analyzed. The main reasons for the exclusion of young people from political participation have been established. The tendency of non-institutional political activity is revealed, confirming the theory of changing forms of political participation of modern youth.

Keywords: political values, youth, political activism, democratic values, protest potential.

REFERENCES

- Abdiraimova G.S., Verevkin A.V., Lifanova T.Y. (2023) To assess the social mood of Kazakhstani students. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No 1: 107–113. (In Russ.)
- Inglhart R., Welzel Ch. (2011) *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow: Novoe izd-vo. (In Russ.)
- Sharipova D., Beimenbetov S. (2021) *Youth in Kazakhstan: assessment of values, expectations, and aspirations*. Almaty: Friedrich-Ebert-Stiftung Kazakhstan. (In Russ.)

Received: 19.03.24. Accepted: 12.05.24.

О.Л. ЛУШНИКОВА

ЗАНЯТОСТЬ В ЛИЧНОМ ПОДСОБНОМ ХОЗЯЙСТВЕ: ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ (на примере Хакасии)

ЛУШНИКОВА Ольга Леонидовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Абакан, Россия (oltolt@mail.ru).

Аннотация. В условиях высокой безработицы на селе занятость в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ) становится альтернативой работы по найму. При этом роль ЛПХ в разных природно-климатических, экономических и социокультурных условиях неодинакова. В статье сравниваются практики ведения ЛПХ в Хакасии как полиэтническом регионе для выявления этнорегиональных особенностей домашнего подворья. В качестве исследуемых при помощи социологического опроса (566 респондентов) этнических групп выбраны проживающие в сельской местности русские, хакасы и шорцы. Наиболее активными в ведении ЛПХ оказались хакасы, меньше всех вовлечены шорцы, русские занимают «срединное» положение. Дифференциация домашних подворий связана не только с разными природными зонами проживания (хакасы тяготеют к степной зоне, шорцы живут исключительно в таежной), но и с этническими различиями мотивов и институциональных условий ведения этого хозяйства. Русские сельчане чаще рационально ориентированы на самообеспечение продуктами питания, в то время как хакасы и шорцы крупное домашнее подворье чаще ведут «по привычке» или осознанно как элемент традиционного образа жизни. Различия ЛПХ у сельчан Хакасии оказываются следствием переплетения влияния трех факторов – разных природных зон проживания, различных этнокультурных традиций и неодинакового правового статуса этнических групп.

Ключевые слова: сельское население • этнос • личное подсобное хозяйство • мотивы хозяйственной деятельности

DOI: 10.31857/S0132162524040143

Роль домашнего подворья в современных социально-экономических условиях остается существенной. Исследования доказывают, что сельские домохозяйства способствуют самозанятости населения [Великий, Шабанов, 2019], служат источником дохода [Шабанов, 2018], а в условиях безработицы даже помогают сельчанам выжить [Жалсанова, 2018]. Однако масштабы ЛПХ зависят от разных факторов, включая этнотерриториальные особенности [Игошева, 2020: 73]. В частности, некоторые народы России сохраняют традиционные виды хозяйствования – оленеводство (якуты), пантовое мараловодство (алтайцы), яководство (тувинцы) и др. В современной научной литературе такую хозяйственную деятельность называют «этнической экономикой» [Иванова, 2018] или «этноэкономикой» [Бакшеев, 2016], подразумевая воспроизводство и развитие исторически сложившихся хозяйственных практик в новых социально-экономических условиях.

Этнические различия хозяйственно-экономической деятельности отчетливо проявляются в условиях полиэтничности. Например, сравнительное исследование практик трудового поведения русских и татар выявило более высокую активность последних в сельском хозяйстве [Габдрахманова, 2021]. Проведенное автором исследование в Хакасии также подтвердило наличие этнических особенностей ведения хозяйства среди основных этносов региона [Лушникова, 2022].

Целью данной статьи является сравнение практик ведения личного подсобного хозяйства в условиях полиэтничности представителями трех этнических групп Хакасии – русских, хакасов и шорцев. Эмпирическую базу исследования составили материалы социологического опроса в сельских населенных пунктах Хакасии в июне 2023 г.

Изначально планировалось опросить одинаковое количество представителей каждого этноса, но при поиске респондентов-шорцев возникли трудности. Оказалось, что значительная часть шорцев, зарегистрированных в сельской местности, фактически проживают в городах или даже в других регионах. Это связано с тем, что, согласно законодательству, претендовать на получение различных льгот и мер поддержки как представители коренного малочисленного народа могут только шорцы, проживающие в сельской местности. В ходе опроса удалось опросить всего 186 шорцев; исходя из этого, было опрошено по 190 русских и хакасов; общая выборка составила 566 человек. Проводился уличный опрос и опрос по месту жительства, также использовался метод «снежного кома» (преимущественно для поиска респондентов-шорцев).

Общая характеристика региона. Хакасия относится к дотационным регионам России с высокой долей (30% населения) проживающих в сельской местности. Хозяйства населения (к числу которых относятся и ЛПХ) производят значительный объем всей сельскохозяйственной продукции региона: 94% картофеля, 69% скота и птицы, 68% молока, 77% овощей (по данным 2022 г.).

В Республике Хакасия проживает более 100 национальностей, но большинство составляют русские (82% в 2020-х гг.), в основном потомки приехавших в 1920–1960-е гг. Активная русская миграция привела к интенсивной ассимиляции коренных народов и сокращению их относительной численности: хакасы составляют примерно 12% населения, шорцы – 0,3%. В сельской местности доля русских заметно меньше, но и среди сельчан они составляют большинство, преобладают села с этнически смешанным населением (хотя в «шорских» селах есть улицы, где живут только шорцы).

Основная часть хакасов и шорцев проживает на территории двух удаленных от столицы республики районов – Аскизского и Таштыпского. Эти районы значительно различаются друг от друга географическими характеристиками: Аскизский район преимущественно представлен степной местностью, а 80% площади Таштыпского района занимает тайга. Хакасы в основном расселены в степной местности, а шорцы – в таежной. Русских в этих сельских районах проживает относительно немного: в Таштыпском районе – примерно столько же, сколько и хакасов, а в Аскизском – почти вдвое меньше.

Шорцам как представителям коренного малочисленного народа, в соответствии с российским законодательством, отведены территории традиционного природопользования, где им разрешено вести промысловую деятельность круглый год (собираительство дикоросов, охоту, ловлю рыбы). Кроме того, проживающие в сельской местности шорцы имеют право на социальную пенсию (13,5 тыс. руб. в начале 2020-х гг.) по старости (женщины по достижении 50 лет, мужчины – 55 лет), но претендовать на нее могут только безработные.

Практики ЛПХ. Ориентация на личные хозяйства – наиболее адекватный в сложившихся социально-экономических условиях способ адаптации сельского населения [Бушueva, 2014; Нечипоренко, 2013]. Ведение ЛПХ – привычный для сельского образа жизни вид деятельности; он не связан с кардинальными изменениями (например, переездом) и имеет потенциал стать альтернативой наемному труду.

Однако разные этнические группы региона отличаются очень разной степенью хозяйственной активности на личном подворье (рис. 1).

Наименее активны в ведении ЛПХ проживающие в таежной местности шорцы: 19,9% из них вообще не имеют хозяйства, еще 38,7% опрошенных занимается только огородным выращиванием овощей. Среди русских число сельчан, ориентирующихся исключительно на огороднические практики, примерно такое же (32,1%), но больше половины опрошенных русских, помимо овощеводства, также занимается скотоводством (59,5%). Хакасы – жители степных территорий – оказались наиболее активными: среди

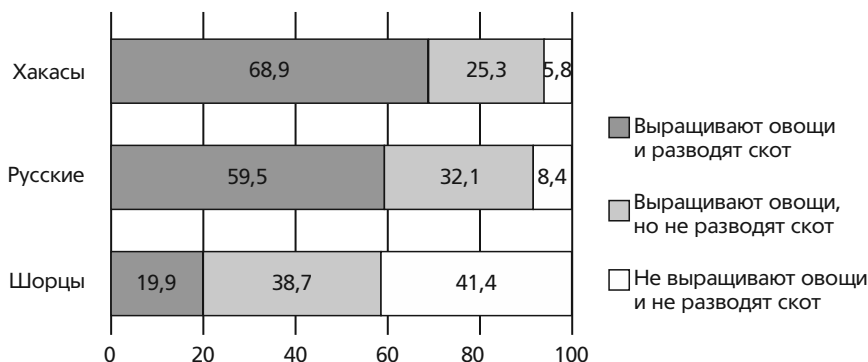

Рис. 1. Хозяйственная активность хакасов, русских и шорцев, % опрошенных

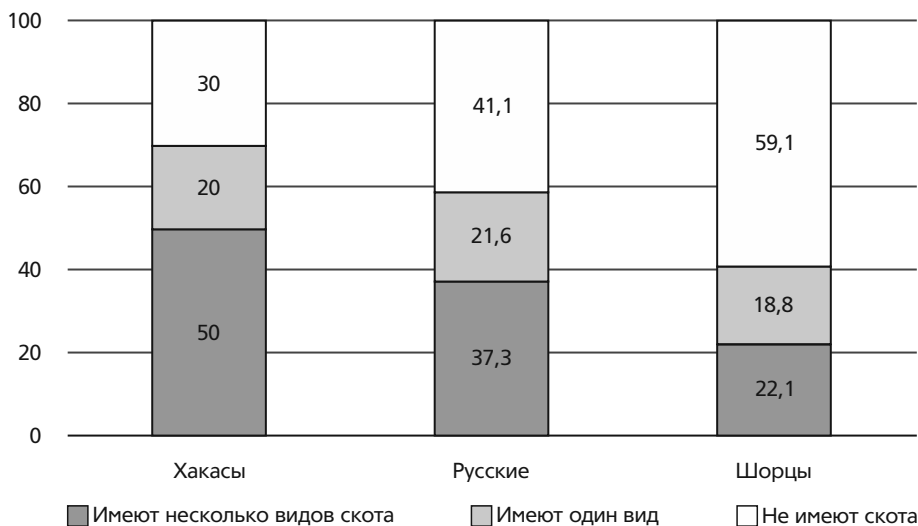

Рис. 2. Соотношение респондентов, не имеющих скота и имеющих разное количество видов скота, % опрошенных

них удельный вес занимающихся одновременно разведением скота и выращиванием овощей – 68,9%.

Подворье хакасов можно считать наиболее разнообразным и доходным: половина из них имеет в своем хозяйстве несколько видов скота (рис. 2). Среди опрошенных русских только чуть больше трети имеют разнообразное подворье животных, а среди шорцев – меньше четверти.

При опросе мы предлагали респондентам назвать количество имеющихся в их хозяйстве голов скота, однако на этот вопрос ответили только 46,5% всех опрошенных. Учитывая это, мы не можем делать однозначных выводов о разности масштабов ЛПХ, но и полученные данные показывают сильные различия разных этнических групп. Так, хозяйство шорцев в среднем насчитывает лишь 1,7 голов скота, русских – 3,8 голов, а хакасов – 8,5 голов различных видов животных.

Огородничество – менее хлопотное по сравнению с содержанием скота занятие, и большая часть опрошенных, независимо от национальности, выращивает овощи на своем

приусадебном участке. Вместе с тем некоторые различия между представителями разных этнических групп все же есть. Так, меньше всего вовлечены в овощеводческие практики шорцы: 19,9% из них не занимаются выращиванием овощей. Низкую активность шорцев можно объяснить, во-первых, географическими особенностями мест их проживания (тайга, горы), ограничивающими возможности овощеводства; во-вторых, ориентацией на занятия промыслами. Наиболее существенный доход шорцам приносит собирательство ягод и ореха: в урожайные годы на вырученные от сдачи дикоросов деньги можно прожить весь год. Хороший доход приносит охота, но этим промыслом занимаются относительно немногие (24,2% шорцев).

Мотивы и институциональные условия ведения ЛПХ. Результаты исследования показали, что подворье сельчан носит преимущественно натуральный характер. Они разводят скот и выращивают овощи, чтобы «обеспечить себя продуктами питания», именно этот рациональный мотив приоритетен (от 88,5% у русских до 67,8% у шорцев) во всех трех группах (табл.). В то же время у хакасов и шорцев второй по приоритетности мотив – «по привычке» (86,6% и 72,0% соответственно), среди русских его называли лишь половина (50,3%) респондентов. Аналогичные различия наблюдаются с сознательной ориентацией на образ жизни предков: для всех сельчан такая мотивация относительно второстепенна, но у хакасов и шорцев высокая «ценность земли и скота» как мотив вести ЛПХ встречается вдвое чаще (33,0% и 29,5% соответственно), чем у русских (16,1%). Надо иметь в виду, что мотивы «по привычке» и «так делали мои предки» – это в сущности разные формы выражения зависимости от предшествующего исторического развития, когда новые поколения «по инерции» копируют образ жизни предков.

Независимо от этничности, владельцы сельских подворий не часто склонны рассматривать ЛПХ в качестве источника дохода: лишь 26,3% всех респондентов удается получать «живые» деньги от сбыта выращенной на личном подворье продукции. При этом из тех, кто продает эту продукцию, большинству (54,8%) вырученных средств хватает только на мелкие покупки. Низкая товарность ЛПХ связана с нехваткой денег на покупку кормов и сена (33,5%), отсутствием времени (20,3%), слабым здоровьем (15,5%), трудностями сбыта (8,0%) и другими причинами. Это объясняет низкую мотивацию сельчан расширять свое подворье: две трети (65,1%) имеющих ЛПХ не планируют в будущем его увеличивать, а среди тех, кто выразил такое желание, лишь треть предпринимала конкретные действия для развития подворья.

Некоторые сельчане считают, что их семья могла бы прожить только за счет своего хозяйства, – 30,8% шорцев, 26,8% хакасов и 23,0% русских. При этом у русских уровень материального положения отрицательно коррелирует с разведением скота ($r = -0,207^{**}$ по Пирсону). Это можно объяснить тем, что ведение хозяйства для русских сельчан является скорее вынужденной мерой из-за низких заработков или отсутствия постоянной работы, а потому не способствуя повышению достатка, но свидетельствует о его низком уровне. Вероятно, проживающие

Таблица

Мотивы ведения ЛПХ,
% ведущих хозяйство (допускалось до трех ответов)

Мотивы	Русские	Хакасы	Шорцы
Обеспечиваю себя продуктами питания	88,5 (1)	79,9 (2)	67,8 (2)
Нравится работать на земле и ухаживать за животными	60,9 (2)	49,7 (3)	54,4 (3)
Привык, всю жизнь занимаюсь [таким] хозяйством	50,3 (3)	86,6 (1)	72,0 (1)
Для меня это источник дохода, «живых» денег	31,6 (4)	24,0 (5)	22,8 (5)
Земля и скот для меня ценность: так делали мои предки, и я буду	16,1 (5)	33,0 (4)	29,5 (4)
Это натуральные, экологичные продукты	11,5 (6)	17,3 (6)	6,0 (7–8)
Другие мотивы	6,3 (7)	10,1 (7)	6,0 (7–8)
Затруднившиеся ответить	4,0 (8)	1,1 (8)	11,4 (6)

Примечание. В скобках указаны ранги ответов.

в селах Хакасии русские в вопросах занятости и заработков ориентируются в основном на поиск постоянной работы (в крайнем случае – сезонных или случайных заработков), которые в большей мере влияют на их благополучие, нежели на занятость в ЛПХ.

Хакасы наиболее активны в ведении ЛПХ: большинство из них занимается не только огородничеством, но и разводит скот, причем чаще всего нескольких видов. Материальное благополучие представителей этой этнической группы положительно коррелирует с количеством содержащегося на подворье скота ($r = 0,280^{**}$ по Спирмену). В то же время позволить себе жить только за счет ЛПХ могут лишь крупные скотовладельцы, которых насчитывается всего 17,0% от числа указавших количество голов скота респондентов-хакасов.

Шорцы меньше заняты в ЛПХ: по сравнению с другими этническими группами они меньше разводят скот, меньше выращивают овощи. Поэтому, на первый взгляд, их самая высокая частота готовности прожить только за счет личного хозяйства вызывает сомнение. Однако, во-первых, шорцы активно занимаются промысловой деятельностью, которая тоже служит им источником пропитания и «живых» денег. Во-вторых, больше половины опрошенных шорцев – неработающее население (55,4%), а, как доказывают исследования, наличие основной работы ведет к сокращению приусадебной сельскохозяйственной деятельности [Шабанов, 2018а: 34]. В этом смысле у шорцев больше свободного времени, чтобы заниматься хозяйством. Материальный достаток шорцев существенно коррелирует с типичной для них овощеводческой деятельностью ($r = 0,327^{**}$ по Пирсону). Следует также отметить распространенную среди шорцев практику неофициального трудоустройства, которая позволяет им и работать, и получать социальную пенсию по старости (она назначается только безработным). Вполне вероятно, наличие дополнительного источника дохода в виде пособия, наряду с «серой» зарплатой, тоже в значительной мере повышает возможность домохозяйства шорцев жить за счет ЛПХ. Готовность шорцев жить только за счет собственного хозяйства связана и с пространственными особенностями мест их расселения: в основном это – удаленные таежные территории с узким рынком труда и ограниченными возможностями занятости. Вероятно, выбор такого ответа объясняется не столько готовностью к активному хозяйствованию, сколько низкой оценкой иных источников и средств существования.

Выводы. Итак, исследование показало, что этнические группы, населяющие сельские местности Республики Хакасия, отличаются неодинаковой активностью в ведении ЛПХ. Хакасы демонстрируют наиболее высокую вовлеченность: они и выращивают овощи, и разводят скот, причем имеют разнообразное и многочисленное хозяйство. Шорцы, напротив, меньше других заняты в ЛПХ: меньше держат скота, меньше занимаются овощеводством, что объясняется и географическими условиями мест их проживания, и «отвлекающей» ориентацией на промысловые практики. Проживающие в республике русские занимают «серединное» положение.

Несмотря на высокую роль личных подворий для сельчан, вряд ли можно говорить о замене «современной» работы по найму на «традиционную» занятость в ЛПХ. Хотя хакасы наиболее активно занимаются разведением скота, но и среди них прожить за счет собственного подворья могут только немногие. Шорцы же в основном живут за счет промысловой деятельности, которая приносит им заработок, в том числе за счет льгот коренного малочисленного народа. Проживающие же в регионе русские вообще в целом ориентированы на поиск «реальной» работы. Русские сельчане даже в условиях безработицы реже готовы заниматься личным хозяйством (в отличие от хакасов), больше готовы к вахтовой работе, переезду в другое село или город. Сельчане-хакасы гораздо менее миграционно активны, больше ориентируются на стратегии, связанные с местом своего проживания. Но чтобы жить только за счет ЛПХ, нужно, чтобы им занималась вся семья, а сельская молодежь всех этнических групп стремится уехать в город. Все активно ведущие ЛПХ респонденты-хакасы, которые встречались во время полевого исследования, были пожилого возраста.

Как видим, различия ЛПХ у сельчан Хакасии являются следствием переплетения влияния трех факторов – разных природных зон проживания, различных этнокультурных традиций и неодинакового правового статуса этнических групп. В силу высокого оттока молодежи из села в город практики ЛПХ развиваются в Хакасии в режиме суженного воспроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакшеев С.Л. К понятию сущности и места этноэкономики в экономике региона // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. Т. 26. № 5. С. 146–150.
- Бушуева О.Н. Место ЛПХ в адаптивных моделях поведения сельского населения в современной России // Наука и общество. 2014. № 1 (16). С. 99–102.
- Великий П.П., Шабанов В.Л. Особенности аграрной самозанятости. Опыт социологического исследования самостоятельного хозяйствования сельских семей // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11. № 4. С. 105–121.
- Габдрахманова Г.Ф. Смыслы и практики повседневного трудового поведения сельских русских и татар // Экономика и организация промышленного производства (ЭКО). 2021. № 2 (560). С. 85–103.
- Жалсанова В.Г. Личное хозяйство сельских жителей: способ выживания или способ развития? (по материалам социологических исследований в Республике Бурятия) // Социодинамика. 2018. № 9. С. 1–7.
- Иванова М.В. Этническая экономика: подходы к определению // Труды КолНЦ РАН. 2018. Т. 9. № 7–14. С. 6–13.
- Игошева М.А. Экономический ресурс этнической идентичности в условиях современных миграционных процессов // Философская мысль. 2020. № 7. С. 72–84.
- Лушникова О.Л. Этнические особенности ведения хозяйства, или у кого больше скота? // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 77–87.
- Нечипоренко О.В. Подсобные хозяйства сельского населения в контексте практик социальной адаптации // Вестник НГУ. Сер.: Философия. 2013. Т. 11. № 2. С. 86–92.
- Шабанов В.Л. Ресурсы сельских домохозяйств как фактор производственного потенциала АПК // Островские чтения. 2018а. № 1. С. 31–35.
- Шабанов В.Л. Трансформация ЛПХ как источника занятости и доходов сельского населения // Экономика сельского хозяйства России. 2018б. № 7. С. 79–84.

Статья поступила: 14.03.24. Финальная версия: 03.04.24. Принята к публикации: 04.04.24.

EMPLOYMENT IN PERSONAL SUBSIDIARY FARM: ETHNIC AND REGIONAL FEATURES (the case of Khakassia)

LUSHNIKOVA O.L.

Khakass Research Institute for Language, Literature and History, Russia

Olga L. LUSHNIKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Research Fellow of the Department of Economics and Sociology, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Russia (oltolt@mail.ru).

Acknowledgments. The study was funded by the RSF, project No. 23-28-00307.

Abstract. Employment in a personal subsidiary farm (PSF), aimed at providing products for own subsistence, becomes an alternative to job for hire in conditions of high unemployment in rural areas. At the same time, the role of personal subsidiary farms varies in differing climatic, economic and socio-cultural conditions. The purpose of the article is to compare the practices of personal subsidiary farms in multiethnic region of Khakassia in order to identify the ethnoregional features of household farmsteads. Surveyed ethnic groups (566 respondents) are living in Russians, Khakass and Shors rural areas. Khakass people turned out to be the most active in the management of personal economy, the Shors were the least involved, and the Russians occupy a “middle” position. The differentiation of household plots is due to the fact that the motives for farming among these ethnic groups are not the same. Russians are engaged in economic activities mainly to provide themselves with food, although many of them just like this activity. The value of land and livestock is high for Khakass people and Shors, but most of them lead personal subsidiary farming rather as a habit.

Keywords: rural population, ethnic group, personal subsidiary farm, motivation.

REFERENCES

- Baksheev S.L. (2016) To the Concept of Essence and Place of Ethnoeconomics in the Economy of Region. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Social-Economic and Social Sciences]. Vol. 26. No. 5: 146–150. (In Russ.)
- Bushueva O.N. (2014) Role of smallholdings in the adaptive behaviour models of the rural population in modern Russia. *Nauka i obshchestvo* [Science and Society]. No. 1 (16): 99–102. (In Russ.)
- Gabdrakhmanova G.F. (2021) Significance and Practices of Daily Work Behavior of Rural Russians and Tatars. *EKO* [ECO]. No. 2 (560): 85–103. (In Russ.)
- Igosheva M.A. (2020) Economic Resource of Ethnic Identity in the Conditions of Current Migration Processes. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought]. No. 7: 72–84. (In Russ.)
- Ivanova M.V. (2018) Ethnic Economy: Approaches to the Definition. *Trudy KoiNC RAN*. [Proceedings of the Kola Science Centre RAS]. Vol. 9. No. 7–14: 6–13. (In Russ.)
- Lushnikova O.L. (2022) Ethnic Features of Farming, or Who Has More Livestock? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 77–87. (In Russ.)
- Nechiporenko O.V. (2013) Part-Time Farms of Rural Population in the Context of Social Adaptation Practices. *Vestnik NGU. Ser.: Filosofiya* [Bulletin of NSU. Philosophy]. Vol. 11. No. 2: 86–92. (In Russ.)
- Shabanov V.L. (2018a) Resources of rural households as a factor of agricultural production potential. *Ostrovskie chteniya* [Ostrovsky Readings]. No. 1: 31–35. (In Russ.)
- Shabanov V.L. (2018b) Transformation of private subsidiary farms is as a source of employment and income of rural population. *Ekonomika selskogo khozyaystva Rossii* [Economics of Agriculture of Russia]. No. 7: 79–84. (In Russ.)
- Velikiy P.P., Shabanov V.L. (2019) Features of Agrarian Self-employment. Experience of Sociological Research of the Independent Economy of Rural Families. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social Educational Idea]. Vol. 11. No. 4: 105–121. (In Russ.)
- Zhalsanova V.G. (2018) The Private Subsidiary Farming of Rural Residents: Survival way or Development way? (Based on the Materials of Sociological Research in the Republic of Buryatia). *Sociodinamika* [Sociodynamics]. No. 9: 1–7. (In Russ.)

Received: 14.03.24. Final version: 03.04.24. Accepted: 04.04.24.

© 2024 г.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ

II Лапинские чтения состоялись в Москве и Вологде 12–13 декабря 2023 г. Организаторы – Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН (ЦИСИ ИФ РАН) и Вологодский научный центр РАН (ВолНЦ РАН). В центре обсуждения находились пять проблем: цивилизационные и модернизационные трансформации России и ее регионов в условиях современных внутренних и внешних вызовов; качество жизни населения как многокомпонентная характеристика страны и регионов; внутренняя миграция населения; состояние и проблемы развития в новых условиях человеческого потенциала и динамика ценностных ориентаций населения России. Многие доклады основывались на разработках и идеях, оставленных Н.И. Лапиным, много лет занимавшимся проблемами развития регионов, поиском путей выравнивания их модернизационного уровня с сохранением социокультурного многообразия и достижением цивилизационного единства.

Чтения открыла **Л.А. Беляева** (ЦИСИ ИФ РАН) докладом «Цивилизационная гетерогенность России. Собственность. Цивилизационные модели развития в представлениях населения». Она выдвинула гипотезу о гетерогенном цивилизационном состоянии современной России. Проанализировав тенденции развития отношений собственности в постсоветский период, автор сделала вывод, что своеобразная смешанная экономика, сложившаяся в России, может рассматриваться как цивилизационный микс, в котором представлены все виды собственности при доминировании крупной собственности, ассоциированной с государством в разных институциональных формах. Задействованы рынок и «раздаток»/распределение как основные институты обмена, соответствующие цивилизационной гетерогенности общества. Основываясь на результатах всероссийского опроса населения летом 2023 г. ($N = 1000$), было сделано заключение, что выбор цивилизационной модели развития страны и самоидентификация большинства населения говорят в пользу самобытного пути для России (61%), но в группах более обеспеченных ресурсами значим выбор и других моделей, в том числе западной (например, 9% респондентов с высшим образованием выбирают западный путь развития, против 3% по всему массиву). Докладчик подчеркнула, что для жителей России признание особого пути развития страны отнюдь не означает одобрения архаичных традиций и авторитарных форм управления. Для подавляющего большинства (81%) важны демократия независимо от выбранной модели развития страны.

Н.И. Тарасов (Чебоксарский ф-л РАНХиГС) рассмотрел вопрос о цивилизационной и модернизационной гетерогенности России. Докладчик напомнил о выделении Н.И. Лапиным двух групп российских субцивилизаций: 1) преимущественно русские, православные российские субцивилизации (Центральный, Северо-Западный и Южный ФО, Уральская и Сибирская); 2) сложноустроенные, комплексные российские субцивилизации (Приволжская, Дальневосточная, Северо-Кавказская). В связи с этим, подчеркнул докладчик, возникает потребность, во-первых, исследовать взаимосвязь и различие категорий модернизация и цивилизация и, во-вторых, рассмотреть методологические и инструментальные аспекты цивилизационной гетерогенности в целях проверки гипотезы о влиянии этнокультурных и социально-исторических особенностей, присущих макрорегионам с признаками субцивилизаций на результаты модернизации. Цивилизационная идентичность сопряжена с гражданской идентичностью, которая, как показали **А.А. Когай** и **В.А. Дзюба** (Курский госун-т), связана с оценкой индивида или общности своего гражданского

состояния, что находит проявление в готовности и способности выполнять сопряженные с наличием гражданства обязанности, пользоваться правами, принимать активное участие в жизни общества. Эмпирическое исследование в Курской области вновь показало, что вовлеченность жителей региона в деятельность общественных организаций, не превышает 11% и ограничивается преимущественно пределами малой родины при незначительном общенациональном участии. Никакое конструирование общих представлений не окажется способным сформировать общенациональное чувство. В этом состоит естественное ограничение конструктивистских практик, не способных преодолеть отчуждение общества и государства, что влечет за собой появление определенных самосознаний, разрывающих канву гражданской идентичности. В этом контексте была подчеркнута недопустимость формального подхода к национальным проектам, инициированным Президентом России, реализация которых, как подчеркнул **В.М. Цлав** (АСК «СТРАТЕГ»), зависит от социокультурных компонентов развития общностей.

Исследования, проведенные по единой методике в 2023 г. в Курской, Тюменской, Новосибирской и Владимирской областях, показали, что локальная идентичность занимает центральное место в ряду других и привязанность к своей малой родине составляет основу российской идентичности: от 70 до 85% респондентов сказали, что рады жить в своем регионе. Исследователи **Г.Ф. Ромашкина**, **Е.В. Андрианова** и **М.В. Худякова** (Тюменский госун-т) отметили, что за последние 17 лет наблюдений динамика позитивных оценок жителей своего региона выросла практически в два раза. Эти оценки практически повторяют данные всероссийского исследования, проведенного в 2023 г. ЦИСИ ИФ РАН. При этом совсем небольшое число опрошенных заявили о желании уехать в другой регион России или покинуть страну.

Результаты интересного исследования идентичности жителей Сибири привел **С.А. Чернышов** (Томский госун-т), выделив следующие параметры социальной идентичности: территориальная самоидентификация, историческая память и деятельностное проявление представлений об идентичности в социально-культурных и бытовых практиках. В контексте этих трех составляющих рассмотрена проблема эволюции сибирской региональной идентичности и ее актуальное состояние. Оказалось, что сейчас в ней доминируют скорее общероссийские нарративы, которые преломляются на локальном материале (например, колонизация, советская индустриализация и т.д.), которые, однако, не являются самодостаточными региональными элементами автостереотипов сибиряков.

Значительное внимание на конференции было уделено проблемам миграции – как внутрирегиональной, так и межрегиональной, для понимания того, как региональный социум оценивает риски, связанные с миграционной ситуацией, изменениями на рынке труда и настроениями внутри регионального сообщества. В Чувашской республике (**В.Г. Харитонов**, Чувашский ГИГН) и в Ульяновской области (**Е.П. Галкина**, **Л.В. Климович**, Ульяновский госун-т) исследователи наблюдают интенсивную миграционную убыль. Но если в Чувашии есть внутреннее недовольство прибытием мигрантов при нехватке в регионе хорошо оплачиваемых рабочих мест, а сумма положительных оценок прибытия мигрантов заметно уступала сумме отрицательных, то в Ульяновской области фокус внимания сосредоточен на нехватке внешних мигрантов и готовности их принять. **П.И. Костылева** и **Д.П. Павлова** (Северо-Западный ин-т (ф-л) Ун-та им. О.Е. Кутафина) в своем докладе подчеркнули значимость создания условий для интеграции мигрантов в российское общество в целях усиления миграционных потоков из стран СНГ и локализации демографических вызовов в России.

Качество жизни населения как многокомпонентная характеристика страны и региона стало объектом внимания многих участников конференции. **И.А. Кох** (УрИУ – ф-л РАНХиГС) показал, что реализация национального проекта «Цифровая экономика» во всех сферах общественной жизни открывает широкие перспективы для повышения качества жизни населения, особенно для жителей малых городов и сел, и является важным условием устойчивого развития региона.

Е.А. Когай и **А.В. Лапшина** (Курский госун-т) при характеристике качества жизни проанализировали эмпирические данные по Курской области, свидетельствующие о стабильных и высоких оценках таких показателей, как удовлетворенность жизнью, уверенность в ближайшем и отдаленном будущем. Эти оценки практически не изменяются в течение последних нескольких лет, несмотря на пандемию COVID-19, санкции со стороны Запада, СВО и т.д. Материальная составляющая социального благополучия и ощущения счастья в субъективном восприятии жителей региона не является доминирующей. Первые места заняли традиционные ценности: крепкая семья (50%), хорошее здоровье – физическое и психическое (22,5%). Материальное благополучие оказалось на третьем месте (11,5%), к нему очень близко примыкают современные ценности: успех, самореализация (10,7%). Такие позиции, как успехи в карьере и признание в обществе как источники счастья получили минимальную поддержку – 2,5 и 2,3% соответственно.

Негативную роль отечественного кинематографа в формировании миграционной непривлекательности сельской местности и малых городов России раскрыл **А.В. Нешатаев** (УрФУ). Проведя контент-анализ фильмов и сериалов, вышедших на экран за 1991–2022 гг., докладчик показал, что миграция из села в большинстве из них показана как результат неблагоприятной обстановки, отсталой инфраструктуры, отрицательных особенностей поведения местного населения, что наиболее эффективным способом преодоления проблем во взаимоотношениях с данным социумом является переезд в другую среду.

Оригинальную социальную инновацию, улучшающую качество жизни коренных народов Севера на основе исследования и анализа статистики в Якутии, представил в своем выступлении **Ю.И. Жегуров** (ИБПК СО РАН). Негативные последствия многолетней практики массовой алколизации населения побудили само население к созданию зон трезвости на территории отдельных сел, так называемые трезвые села Якутии. В настоящее время в республике накоплен уникальный опыт, включающий не только неформальный или формальный запрет продажи алкоголя, но и создание новых социальных норм и практик, способствующих осознанному выбору населением трезвого образа жизни, созданию условий для социальной активности, досуга, самореализации людей и развития села в целом.

Значительное внимание на Чтениях было уделено состоянию и проблемам развития человеческого потенциала в России. Эта тема нашла отражение в докладе **Р.М. Валиахметова** (УУНиТ), который провел исследование на материалах трех регионов, относимых к разным уровням модернизационного развития: Башкирия, Дагестан, Тыва. Докладчик подчеркнул, что Н.И. Лапин убедительно доказывал необходимость изучения и учета не только макроэкономических показателей при анализе уровня модернизационного развития регионов, но и их социокультурных характеристик и особенностей для наращивания и максимально эффективного использования человеческого потенциала страны. На основе статистики и репрезентативных опросов в республиках была дана оценка положения этнических групп по уровню развития человеческого потенциала: размерам доходов и уровню жизни, занятости, безработицы, развитию предпринимательства, качеству образования, состоянию здоровья и т.д. Интересную проблему персональной модернизации человека в современном мире затронула в своем докладе **В.П. Веряскина** (ИФ РАН). Она отметила зависимость преодоления дисбалансов и рисков современного общества от эффективного использованием человеческого потенциала и человеческого капитала.

Видное место на мероприятии заняла проблема ценностных ориентаций населения регионов, что стало сейчас тем более актуально, когда Россия определяет новый вектор своего развития с опорой на традиционные ценности. Участниками конференции были реализованы разные методики изучения ценностных ориентаций. Так, **А.А. Шабунова** и **О.Н. Калачикова** (ВолНЦ РАН) провели в 2023 г. исследование в регионах СЗФО и показали, что иерархия ценностных предпочтений складывается следующим образом: здоровье, материальная обеспеченность, семья. Но наблюдается рост такой ценности, как саморазвитие и самореализация, что не отмечалось в предыдущих исследованиях в этом регионе. **К.В. Ракова** (ИФ РАН) сосредоточила свое внимание на анализе такого явления,

как стремление к власти и возможности оказывать влияние на других людей. Она показала зависимость этой ценностной ориентации от социальных, демографических, возрастных, имущественных и других характеристик респондентов.

Е.Б. Плотнокова и Ю.С. Маркова (Пермский госун-т) в течение 17 лет проводят изучение изменений структуры ценностных ориентаций населения региона, используя методику Н.И. Лапина. В представленном ими докладе было показано, что связь ценностей и модернизационных процессов является двунаправленной: культура, ценности оказывают влияние на институциональные изменения и инновационные процессы, которые, в свою очередь, воздействуют на воспроизводство и трансформацию ценностных установок. В условиях современной России преодоление рисков социальной нестабильности связано не только со степенью выраженности индивидуалистических (современных) ценностей, но и с уровнем поддержки традиционных ценностных ориентиров.

Г.П. Бессокирная (ИС ФНИСЦ РАН) сообщила о результатах исследования (2003–2020) динамики ценностных ориентаций населения семи областных центров РФ, которые относятся ко 2–4 уровням модернизированности по данным системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН). Была поставлена задача нахождения взаимосвязей между типом модернизированности российских регионов и ценностями повседневной жизни больших социальных групп населения в областных центрах. Для получения данных были проведены массовые опросы в семи регионах, относимых к разным уровням модернизации. Ценности повседневной жизни объединялись в три группы: 1) условия жизнеобеспечения как ценности; 2) группы видов повседневной деятельности как ценности; 3) нормообразующие ценности. Анализ данных показал, что структура ценностей повседневной жизни идентична у больших социальных групп населения и не зависит от уровня модернизированности. Наиболее значимыми ценностями в повседневной жизни являются труд для заработка и условия жизнеобеспечения. Под влиянием периодической нестабильности в эти годы снизилась значимость ценностей: дети, брак, семья, личная безопасность, правопорядок, права человека, а также нормообразующих ценностей (нравственные нормы, мораль и религиозная вера). Эти данные позволяют сделать вывод, что структура ценностей населения более ориентирована на практические, рациональные мотивы деятельности при меньшей значимости духовных и нравственных мотивов.

II Лапинские чтения вновь предоставили возможность выступить со своими разработками ученым из регионов России как тем, которые работают по программе «Проблемы социокультурного развития России и ее регионов», так и тем, кто готов к ней присоединиться.

Л.А. БЕЛЯЕВА

БЕЛЯЕВА Людмила Александровна, д. социол. н., вед. науч. сотр., и.о. руководителя Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, Москва, Россия (bela46@mail.ru).

SOCIOCULTURAL EVOLUTION OF RUSSIA AND ITS REGIONS

DOI: 10.31857/S0132162524040155

Lyudmila A. BELYAEVA, Dr. Sci. (Sociol.), Acting Head of the Center for the Study of Sociocultural Changes of the Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia (bela46@mail.ru).

© 2024 г.

КЛАССИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

19 февраля 2024 г. на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась XVIII Международная научная конференция «Сорокинские чтения», посвященная теме: «Классический университет: современные тенденции и векторы развития (на пути к 270-летию Московского университета)». Конференция привлекла широкое внимание со стороны научной общественности. Было подано более 550 заявок, представлявших 130 вузов и научных институтов из 39 городов России, а также Беларуси, Китая, Узбекистана, Армении. Актуальность обусловлена тем, что российское высшее образование и наука встают перед вызовами, связанными с масштабными социальными, поведенческими, политическими, экономическими трансформациями. В этом контексте особую миссию несут классические университеты, исторически находящиеся в авангарде научного и академического развития.

В рамках торжественного открытия конференции с приветственным словом выступили зам. министра науки и высшего образования РФ **Д.В. Афанасьев** и декан факультета социологии СПбГУ, проф. **Н.Г. Скворцов**.

Научную часть пленарного заседания открыл доклад «Классическое университетское образование перед вызовами современности» проф. **Н.Г. Осиповой** (МГУ). В своем выступлении докладчик систематизировала внешние и внутренние вызовы, которые стоят перед отечественным высшим образованием в целом и классическими университетами, которые первыми должны отвечать на них. Внешние вызовы связаны с новыми геополитическими реалиями, существенно переопределившим место нашей страны в международных отношениях и т.д. К активно обсуждающимся внешним вызовам Н.Г. Осипова отнесла и выход из Болонской системы, поиск новой национальной модели высшего образования и переход на нее; изменение хозяйственной инфраструктуры России и рынка труда, требующих подготовки квалифицированных кадров; цифровизацию коммуникационных процессов, включающих массированные информационные и особенно дезинформационные потоки, направленные на различные группы населения, особенно молодежь. Внешние вызовы в значительной степени обуславливают внутренние вызовы высшего образования как института и во многом проектируются на структурные компоненты его среды. В их числе: цифровизация образовательного процесса и попытки слишком активного, не всегда продуманного внедрения дистанционных образовательных технологий; переориентация образовательного процесса на прикладную функцию; кадровое обеспечение образовательного процесса и т.д.

С докладом «Высшее образование в России через призму опросов общественного мнения» выступил **В.В. Федоров** (ВЦИОМ). Опираясь на богатый эмпирический материал, он рассказал о ценности высшего образования в глазах российских граждан. Согласно приведенным данным, подавляющее большинство населения отмечают важность высшего образования как социального лифта, все больше россиян в последние годы считают, что оно необходимо для построения карьеры.

В своем выступлении «Проекты модернизации университетского образования в современной России: замыслы и результаты» **В.А. Смирнов** (МГУ) рассказал о проблемах отраслевой модели высшего образования, обозначил трудности, вызванные разбалансировкой сферы высшего образования, а также подчеркнул необходимость обновления материально-технической базы современных университетов. Докладчик привел аргументы в пользу пересмотра федеральных и региональных программ развития вузов, предложив делать больший упор на качественные, а не количественные показатели.

В этот же день состоялись заседания секций и круглого стола, тематически раскрывавшие основные вопросы повестки конференции. В рамках секции «Место и роль классического университета в современном обществе» (рук. **Н.Г. Осипова**) рассматривались общие проблемы, связанные с состоянием и развитием современных классических университетов. На секции была обозначена палитра проблем, с которыми сталкиваются современные университеты, отметив необходимость выработки адекватной политики в области высшего образования. Также были подняты вопросы социальных функций классического университета в современном российском обществе (**Е.А. Боева**, **Т.А. Андриянова**, КурГУ), проблема развития человеческого и социального капиталов молодежи в классическом университете (**Е.Н. Васильева**, ИДИ ФНИСЦ РАН), обсуждался сравнительный анализ организации кампусов российских и китайских университетов и их влияния на качество образования (**Гу Цзиньлун**, СПбГУ). Кроме того, активно обсуждались доклады об университете как драйвере социального развития современного города (**Д.К. Гугуев**, МГУ) и роли классического университета в социальном конструировании здоровья молодежи (**А.В. Лядова**, МГУ).

На секции «Организационные и экономические аспекты управления современным университетом» (рук. **С.А. Барков**, МГУ) ключевой темой дискуссий стали актуальные организационные аспекты управления университетами (построение целевых ориентиров для модернизации и оценки работы современных университетов, введение систем KPI, цифровизация управления современными университетами и т.д.) и экономические ограничения в развитии современных образовательных организаций. На секции были также рассмотрены вопросы нормирования работы современного преподавателя (**Н.Л. Захаров**, РГПУ им. А.И. Герцена), «проблемные зоны» диверсификации источников финансирования российских университетов (**Л.В. Пушкарева**, СЗИУ РАНХИГС), перспективы развития эндаумент-фондов (**С.Н. Макаров**, СмолГУ), изменение жизненных и профессиональных стратегий современных студентов (**В.О. Корунова**, ЦПЭИ АН РТ) и развитие системы образовательных кредитов (**С.А. Барков**, МГУ).

Общая проблематика работы секции «Социальные технологии в университетском образовании» (рук. **О.В. Гавриленко**, МГУ) сконцентрировалась на обсуждении возможностей и ограничений алгоритмического управления в сфере высшего образования (**О.В. Гавриленко**, МГУ), современных формах и технологиях профориентационной работы со школьниками (**О.Г. Зубова**, МГУ), технологиях инклюзии в сфере современного университетского образования (**Е.В. Воеводина**, Финун-т), новых педагогических технологиях в условиях цифровизации (**О.И. Дивина**, МГУ), возможностях применения социальных сетей в университетском образовательном процессе (**Н.-Ф. Морару**, РУДН).

На секции «Трансформация образовательной коммуникации в контексте цифровизации общества» (рук. **А.К. Мамедов**, МГУ) особое внимание было уделено когнитивным аспектам современной образовательной коммуникации (**И.Н. Чудновская**, МГУ), развитию личности в новых цифровых условиях (**О.А. Гримов**, ЮЗГУ), месту искусственного интеллекта в коммуникативной системе образования (**Я.А. Гудкова**, **В.А. Тупикова**, РУДН), обсуждению реальных прикладных и научных академических проектов (**Н.Л. Балич**, НАН Беларуси).

Заседание секции «Роль университета в разработке приоритетов семейно-демографической политики» началось с выступления ее руководителя проф. **А.И. Антонова** (МГУ) который высказался в пользу включения механизма подготовки профессиональных демографов в систему отечественного высшего образования. На секции обсуждались вопросы, связанные с ролью университета в сохранении здоровья молодежи (**Е.Н. Новоселова**, МГУ), последними трендами демографической политики (**З.И. Назаров**, УУНиТ), негативными изменениями репродуктивных установок населения и способами их преодоления (**Е.К. Рудакова**, ННГЛУ).

В рамках секции «Междисциплинарный вектор исследования государственного управления в классическом университете» (рук. – **В.П. Васильев**, МГУ) были затронуты

проблемы критериев оценки справедливого доступа граждан к качественному высшему образованию (**В.Л. Римский**, МПСУ), роль государства в регулировании трудоустройства выпускников университетов (**Ю.А. Холоденко**, МГУ), университетские векторы устойчивого развития (**В.А. Сушко**, МГУ), роль университета в условиях структурных изменений на современном рынке труда (**Н.Г. Деханова**, МГУ).

На круглом столе «Преподаватель в современном классическом университете: академические ценности и новые реалии» (рук. **Л.В. Темнова** и **В.В. Зырянов**, МГУ) обсуждались актуальные вопросы деятельности и личности преподавателя современного классического университета, проблема роли преподавателя в формировании гражданской позиции студентов (**Л.Г. Титова**, ЯрГУ), смыслы и содержание наставнической деятельности (**Н.В. Проказина**, Финансовый ун-т), дилеммы и противоречия профессиональной деятельности преподавателей в цифровую эпоху (**Е.Г. Ксенофонтова**, МГУ). Активную дискуссию вызвала проблема формирования профессиональных деформаций личности преподавателя (**Л.В. Темнова**, МГУ), портрет преподавателя современного российского университета (**А.Р. Барахоева**, ЯрГУ, **В.В. Зырянов**, МГУ).

В рамках конференции был поднят значительный пласт вопросов, связанных с современными вызовами, стоящими перед классическими университетами и перспективами их развития. Общим результатом работы конференции стал вывод о том, что классический университет сталкивается сегодня одномоментно с целым рядом глубинных изменений. Реагировать на эти изменения необходимо учитывая новые социальные, технологические и поведенческие реалии, в то же время сохраняя верность традициям классического университета.

Н.Г. ОСИПОВА, П.С. КАНЕВСКИЙ

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна, д. социол. н., проф., зав. кафедрой современной социологии, декан социологического факультета (ngo@socio.msu.ru); КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич, к. полит. н., доц. той же кафедры (kanevskiy@socio.msu.ru). Оба – МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

CLASSIC UNIVERSITY UNDER MODERN CHALLENGES

DOI: 10.31857/S0132162524040167

Nadezhda G. OSIPOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Department of Modern Sociology Dean of the Faculty of Sociology (ngo@socio.msu.ru); Pavel S. KANEVSKY, Cand. Sci. (Pol.), Assoc Prof. of of the same department (kanevskiy@socio.msu.ru). Both – Lomonosov MSU, Moscow, Russia.

© 2024 г.

СОЦИОЛОГИЯ В ТРУДАХ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА КАРЕЕВА: Сборник к 170-летию Н.И. Кареева: По мат. конф. Герценовского университета / Отв. ред. А.В. Воронцов; науч. ред. С.Н. Малявин; ред.-сост. Г.А. Иоффе. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. 380 с.

Новая книга о социологическом наследии русского историка, социолога, организатора высшего образования Н.И. Кареева заслуживает внимания профессионального сообщества социологов России. Сложно точно определить жанровую принадлежность обсуждаемого сборника: это материалы конференции, дополненные, структурированные и оформленные так, что читатель держит в руках полноценную коллективную монографию. Это первое подобное издание, посвященное социологии Кареева, что является главным его достоинством. До сих пор в печать выходили два сборника: «Социология истории Николая Кареева» (2000, ред. А.О. Бороноев) и «Социологическое наследие Н.И. Кареева» (2007, ред. А.В. Воронцов и С.Н. Малявин). В первом только несколько статей прямо касаются социологической проблематики, второй представляет собой интересный, но небольшой и неструктурированный перечень статей о социологии Кареева.

Настоящее издание претендует на полноту исследования социологического потенциала творчества русского ученого. Отсюда структура сборника, состоящая из восьми основных разделов. Три из них посвящены тем сторонам социологической науки, которые Кареев так или иначе прямо затронул в профессиональной деятельности: история и систематика социологического знания; общая методология социологии как науки; ряд аспектов социальной теории (в частности, теория действия). Еще три раздела исследуют более широкие связи Кареева с социологией: в рамках его историософских размышлений; в его просветительской деятельности и в его участии в институционализации социологических науки и образования; в общественной деятельности. Сборник включает и раздел, посвященный современным историко-социологическим исследованиям сравнительно недавно обнаруженных рукописей Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук» и «Уильям Годвин и его “Политическая справедливость”». Еще один раздел содержит ряд статей, прямо не связанных с исследованием творчества Кареева: авторы, отталкиваясь от общих методологических принципов кареевской версии социологического субъективизма, предлагают свое видение социальной реальности сегодня. Материалы данного раздела можно рассмотреть в дискурсологическом измерении, – как эмпирический материал, характеризующий рецепцию социологических идей Кареева современными учеными.

Таким образом книга эксплицирует определенную структуру связей Кареева с социологией так, как она сегодня воспринимается отечественными социологами. В этом смысле определенное значение имеет и сохранившаяся в библиографическом описании прямая связь книги с международной конференцией, приуроченной к 170-летию ученого. Эта идея находит подтверждение и в предисловии к книге: речь идет о репрезентации характера социологического интереса к Карееву в случае соответствующего запроса в виде информационного письма о конференции. Следует особо отметить стремление составителей книги к работе по структурированию этого интереса и к значительному дополнению материалов конференции. Так, в книге появляется оригинальный библиографический указатель после-революционных работ, посвященных социологии Кареева, ясно показывающий динамику

интереса к социологии Кареева, изменение терминологии под влиянием западной социологии, всплески исследований, связанные с обретением новых рукописей и с формальными поводами в виде юбилеев выдающегося соотечественника и т.д.

Сборник включает справочный материал, который необходим в подобном издании: неполный перечень трудов Н.И. Кареева, которые принято считать социологическими или относящимися к социологии, данный во вступительном слове проф. А.В. Воронцова. Можно поприветствовать и традиционную для жанра публикацию текста самого Кареева. Отметим, что несмотря на то, что статья «Что такое история литературы» очевидно не является социологической, эта публикация в структуре книги оправдана. Она преследует две цели: показать стиль работы Кареева по структурированию знания и глубже раскрыть область размышлений Кареева о специфике гуманитарных наук.

Отметим наиболее удачные с содержательной точки зрения статьи. Прежде всего это работы А.В. Малинова и М.В. Ломоносовой, ведущих специалистов по социологическому наследию Николая Кареева. М.Б. Буланова и М.Б. Глотов в своих статьях особое место отвели теме изучения содержания и оригинальной структуры просветительских курсов Н.И. Кареева. Эту же тему затрагивает в своем материале М.И. Романова. А.В. Воронцов приводит некоторые биографические детали жизни ученого в своем родовом поместье, ранее не известные широкому кругу читателей, в частности, активную просветительскую работу ученого и его семьи среди местного крестьянства.

Выделим масштабную разработку С.Н. Малявина, где впервые в нашей социологии проводится сравнение известных типологий отечественной социологической мысли в ее истории. В тексте представлены 11 типологий, показано место и суть подхода Н.И. Кареева. Некоторые вопросы вызывает критериальная модель оценки самих типологий и их сравнения, в связи с чем можно выразить надежду на продолжение этой работы автором. Н.А. Головин в своей статье продолжает исследования в области интереса Н.И. Кареева к социологической теории действия. Оригинальны статьи, выделяющие в творчестве Кареева элементы современных отраслевых социологий: социологии города (статья А.А. Бесчасной), политической социологии (работа О.Л. Гнатюк) и социологии религии (в материале О.А. Игнатевой). Особого упоминания заслуживает статья с оригинальной в контексте исследований социологического творчества Н. Кареева проблематикой – исследование Л.А. Козловой методологического приближения Кареева к постановке вопроса о дисциплине, которая позже станет известна под именем «исторической социологии». Вызывает особый интерес обширный материал Г.А. Иоффе с попыткой обобщения эпистемологических элементов социологического наследия Н. Кареева. Это «этическая точка зрения», типы субъективизма в исследовании, ограничения субъективности, объективность как ограниченность, нормативный характер научной теории и «законов», размышления о самонаблюдении, типы самонаблюдения, выделения особого раздела «научной критики», мысли о перформативности опыта ученого и др. Помимо этого автором приводится подробный анализ «предвосхищений» Кареевым будущих «поворотов» теоретической социологии: структурно-функционального, структуралистского включая психоанализ, культурологического и др.

При этом, на наш взгляд, в книге присутствует несколько упущений и спорных мест. Так, ни одна статья сборника предметно не фокусируется на идеях Н. Кареева в отношении субъективного метода. Эта тема затрагивается несколькими авторами, но какого-то четко отведенного для нее места в структуре книги не видно, а это противоречит идее представления материалов конференции в виде системного исследования. С другой стороны этой же проблемы – определенная искусственность присутствия в книге раздела «Современный отклик на социологические идеи Н. Кареева». Очевидно, что эти статьи включены в книгу по остаточному принципу, и, несмотря на изыскную попытку составителей обосновать их присутствие здесь, научной значимости в контексте исследований творчества Н.И. Кареева они не имеют. Вызывает вопросы с точки зрения полноты систематизации и отсутствия в разделе, посвященном историософии Н.И. Кареева, обзорной

статьи о теоретико-методологических связях истории и социологии в трудах ученого. Ближе всего к выполнению этой задачи приблизился в первой части своей статьи «Теория мирового и исторического процесса в трудах Н.И. Кареева» А.Н. Гребенкин. Вызывает сожаление отсутствие в числе авторов Е.А. Долговой, одного из ведущих «карееведов», хотя следует отметить ее присутствие в качестве рецензента сборника.

В заключение можно признать, что книга «Социология в трудах Н.И. Кареева» является удачной попыткой рассмотрения наследия Н.И. Кареева. Кроме ряда отмеченных выше формальных и содержательных достоинств данной работы, заметим и еще одну особенность издания. В его содержании видно, как на смену признанным классикам отечественной историко-социологической мысли (статья А.О. Бороноева, а также одна из последних публикаций ушедшего недавно от нас Д.З. Мутагирова и др.) приходят молодые ученые, сохраняющие и передающие в будущее классическое наследие отечественной социологии. Три, если не четыре, поколения социологов представлены на страницах этой книги. И это не может не воодушевлять.

Ю.В. РАХМАНОВА

РАХМАНОВА Юлия Викторовна, к. социол. н., доц., доц. кафедры социологии института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия (rakhmanova_julia@mail.ru).

SOCIOLOGY IN THE SCIENTIFIC WORKS OF N.I. KAREEV: Coll. of scient. papers for the 170th anniversary of N.I. Kareev. Based on mat. from the conf. of Herzen University / Exec. ed. A.V. Vorontzov: scientif. ed. S.N. Malyavin; ed. G.A. Ioffe. St. Petersburg: RGPU im. A.I. Gercena, 2022. 380 p. Reviewed by J.V. RAKHMANOVA.

DOI: 10.31857/S0132162524040173

Julia V. Rakhmanova, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia (rakhmanova_julia@mail.ru).

© 2024 г.

Веселов Ю.В., Чернов Г.И. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ. СПб.: Реноме, 2020. 264 с.

Междисциплинарное исследование по экономике питания и гастрономической культуре на примере Петербурга под общим руководством авторитетного ученого Ю.В. Веселова оригинально и уникально в своем роде. В рецензируемой монографии представлена содержательная, историко-панорамная тема социальных особенностей питания с учетом их социально-экономического значения. Авторами прослеживается неясная апология потребительского общества Санкт-Петербурга в форме позитивной дискриминации поведения отдельных социальных групп жителей на рынке питания в силу дифференциации их культурного и экономического капиталов. Книга базируется на значительном массиве научной отечественной и зарубежной литературы, данных статистики, качественных и количественных социологических исследований разных лет. Методологией

исследования выступает экономическая социология как сравнительный анализ взаимосвязи между экономическими порядками и социальными изменениями в контексте предмета исследования.

В монографии питание как социально-экономическая система включает в себя: производство продуктов питания (земледелие, скотоводство, промышленное аграрное производство), обмен (местные, городские рынки, внутренние и внешние, глобальные рынки с их гипермаркетами), распределение (системы транспортировки, хранения, перераспределения), собственно приготовление (домашнее и индустриальное массовое) и потребление (домашнее или общественное). При этом питание совмещает в себе материальную, социальную, культурную деятельность: создание продукта и удовлетворение потребности, воспроизводство социальных отношений и норм, соединение вкуса, стиля, эстетики и этики потребления, формирования идентичности человека и социальных групп посредством набора и практик питания.

Монография структурирована по четырем главам. В первой рассматривается понятийный аппарат предмета исследования, функции еды в жизни человека, группы, общества с позиции антропологии, философии, социологии, экономики. Сформулированы отечественные и зарубежные методологические подходы к анализу социологии и экономики питания. Во второй определены особенности существования и места Петербурга в социально-экономическом пространстве России, рассматриваются перспективы экономического развития Петербурга, место индустрии туризма и общественного питания в экономике города. В третьей главе анализируется комплекс воспроизводственных отношений экономики питания, рассмотрены особенности потребления продуктов питания в Петербурге, предпочтения его жителей, а также влияние питания на их здоровье и благополучие. В четвертой представлена история общественного питания в городе, современные тенденции в развитии кафе, столовых, ресторанов, других форм общественного питания, а также характерные черты «новой петербургской кухни». Рассмотрим подробнее основные выводы.

В книге проведен сравнительный анализ взаимосвязи культурного и экономического капиталов в дифференциации потребления питания различными социальными группами жителей Петербурга и зарубежных мегаполисов. Результаты авторского исследования показывают, что вкусы петербургского сообщества формируются на основе относительно невысокого экономического капитала (выбор недорогих продуктов) и относительно высокого культурного капитала (уклон на этническую кухню и продукты; на высокую кухню, но по относительно доступным ценам). Культурный капитал существенно влияет на практики питания петербуржцев, а экономический – не так сильно. В отличие от западных мегаполисов, Петербург несет в себе остатки социального равенства, заложенного в советское время. Поэтому нет четкого разделения на районы для богатых и бедных, как в городах Запада. Этим объясняется, что и гастрономическое пространство Петербурга является смешением классовых вкусовых предпочтений: богатые питаются не так уж лучше бедных, просто больше тратят на еду и рестораны. У нас богатые вполне могут закушивать и шавермой, не брезгают заведениями фастфуда. Однако в результате трансформации жизни и деятельности жителей Петербурга в сторону заданных рыночными условиями рамок потребительских предпочтений в постсоветский период на первое место в образе жизни выдвигаются не социальные качества человека (трудовая активность, цели жизни и т.д.), а сословные, имущественные (традиции, статус в социальной структуре, доход и т.п.). Поэтому одной из важных задач в области гастрономии авторы считают повышение общей культуры питания петербуржцев (с. 87).

Будущее России, при отказе от сырьевого пути развития, связано с приоритетом развития на основе производства товаров и услуг с добавленной культурной ценностью (с. 94). Экономическое будущее Петербурга, по утверждению авторов, не может быть ориентировано только на индустриальную систему, вектор движения города – в культурное, постиндустриальное пространство глобальной системы (с. 110). Вряд ли можно

согласиться с утверждением авторов о неизбежности глобализации как новой системы рациональности в обществе, с началом в 2022 г. специальной военной операции стало очевидным «закрытие» этого западного проекта.

Авторы, верно представляя роль и значение Петербурга как комплексного локального пространства России, делают спорный вывод о приоритетном развитии гастрономической культуры в качестве основы успешного будущего города. Русский человек по ментальности и делам – не односторонний человек-потребитель, а универсальный человек, создающий и универсальное пространство своего развития. Лучший пример – жизнь и дела петербургского «универсального» гения М.В. Ломоносова. Он видел цель хозяйственной деятельности не в увеличении богатства помещиков или промышленников, а в развитии локальной и общей экономики государства на основе единства науки и практики хозяйствования, материальной и духовной культуры, подъема народного духа, его творческого созидания для сохранения и умножения народа, что ведет к укреплению мощи государства¹. Известно, что локальные территории страны не могут развиваться лишь в рамках рыночных механизмов, не в состоянии самостоятельно эффективно решать общие проблемы развития общества. Только путем сбалансированной государственной политики в области народо-, здоровьесбережения и хозяйственной деятельности в пространстве Петербурга можно минимизировать издержки его комплексного развития и максимизировать связанные с ней преимущества, включая производство, переработку и хранение качественных продуктов питания. Следовательно, необходимо и дальше развивать промышленность и науку в Петербурге вместе с развитием его материальной и духовной культуры как единый народно-хозяйственный комплекс, широко в нем внедряя инновации на базе отечественных научно-исследовательских организаций². Лишь в такой модели будущего развития города есть достойное место развитой гастрономической культуры, за которую ратуют авторы книги.

Рассматривая разные кулинарные школы и кухни, авторы обращают внимание, как в нынешних условиях формируется новая петербургская кухня, в которой авторы монографии выделяют шесть характерных черт: 1) она предполагает кросс-культурные воздействия в виде авторской интерпретации азиатской кулинарной традиции (китайской, индийской, японской, других кулинарных школ) с позиции европейской кухни; 2) не боится экспериментировать – это авторская кухня, где много нестандартных блюд, которые больше нигде не встречаются; 3) опирается на местные продукты северной природы: рыбу и морепродукты, дичь, овощи, фрукты и ягоды. В подаче блюд преобладает сдержанность и северный минимализм. Идет возрождение использования и забытых русских продуктов: круп (полбы, зеленой гречи), овощей (репы, редьки), отдельное внимание хлебу и его разнообразию; 4) особый гастрономический дискурс: множество местных гастрономических сайтов с кулинарными критиками, блогерами и ресторанными звездами; 5) она создает новые гастрономические пространства; 6) новая городская кухня формирует работников развитой культуры: обслуживание, по мнению авторов, лучше, чем за границей. Возрождается культура доставки продуктов питания на дом, как в старом Петербурге (с. 135–137).

Авторы показывают, что структура питания петербуржцев отличается от рекомендованных норм Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). ВОЗ представляет правильной следующую пропорцию в процентах белков/жиров/углеводов в структуре питания: 18 /25 /57. В Петербурге, по данным авторов, в среднем получается 15,5/21,3/63, т.е. перекос в сторону углеводов (кондитерские изделия, шоколад, фрукты, овощи) при недостаточном количестве белков (мясо, орехи, бобовые) и полезных жиров (растительное

¹ Меньшикова В.И. Развитие экономики России и ее региональных комплексов в трудах М.В. Ломоносова // Вестник ТГУ. 2011. Вып. 12(104). С. 12–17.

² См. 88, Горин Е.А., Золотарев А.А., Кузнецов С.В. Влияние проблемных факторов на промышленность Санкт-Петербурга: итоги 2020 года // Экономическое возрождение России. 2021. № 3(69). С. 82–91. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-3-69-82-91.

масло, сыр) (с. 123). При этом в Петербурге доля мужчин с избыточным весом – 13,8%, женщин – 21,3%, заметно меньше, чем в Москве (20% и 30% соответственно). Причины избыточного веса разные: экономическая доступность дешевой и малополезной пищи, нерациональное отношение к питанию, отсутствие кулинарной культуры, низкая физическая активность, плохая экология, стрессы. Не способствует здоровью и потребление алкоголя: 76% жителей города хотя бы иногда употребляют алкогольные напитки. На первом месте по популярности вино (47%), где доля женщин больше доли мужчин, на втором – пиво (34%), на третьем – водка (24%). В то же время потребление хлеба, картофеля, мяса и рыбы в Петербурге ниже средних российских показателей (с. 122–125).

Каковы повседневные гастрономические предпочтения жителей города утром, в обед и вечером по результатам авторских социологических опросов? На завтрак жители предпочитают каши (50%), особенно гречневую, бутерброды (31%), колбасные изделия выбирают 12,5%. Обед для петербуржцев обязательно с горячей едой (93,5% жителей): супы (борщ, солянка, щи, грибной), мясо (свинина, говядина, птица) с различными гарнирами (картофель, крупы, макароны), салаты. На ужин в основном мясо, но увеличивается доля овощей и кисломолочных продуктов. Среди напитков более 2/3 жителей предпочитают кофе, чай и компот (с. 139–148).

Петербург не обеспечивает себя полностью своим производством пищевых продуктов: зерно, баранину, овощи, фрукты везут из других регионов России, импортируют из-за рубежа, в том числе – вина. Авторы отмечают, что современное производство продуктов питания и доведение их до потребителей возможно лишь на базе крупного капитала и большого оборота. Рыночная экономика как основа городского снабжения продовольствием теряет свои позиции перед современным капитализмом, который может позволить себе огромные вложения в новые предприятия, новые торговые помещения, в системы хранения и логистики, в транспорт, которые требуют четкого менеджмента и цифрового контроля. Поэтому пищевая промышленность Петербурга в свете отношений собственности выглядела на момент исследования так: государственная собственность – 1,2%, частная российская – 59,1%, иностранная – 35,5%, смешанная российская и иностранная – 4,2%. Подчеркивается, что с сетевыми гипермаркетами (75% розничного оборота торговли в городе) фермеры, мелкие хозяйства не могут работать и конкурировать (с. 165, 171). Справедливо указывается, что жители Петербурга в основном едят то, что им продают гипермаркеты, в которых выбор и разнообразие продуктов самые широкие, но их качество пока отстает от желаемого, что опосредованно влияет на здоровье горожан. Интегральный показатель здоровья – средняя продолжительность жизни в Петербурге – 74,4 года (с 2021-го по 2023-й год увеличилась до 75,5 лет), однако во многих странах мира она уже выше 80 лет. При этом порог продолжительности жизни (70 лет) Советская власть достигла к 1965 г., и это было намного выше средних мировых показателей. Ю. Веселов и Г. Чернов считают, что причина в неправильном, нездоровом питании: доля здравоохранения в обеспечении здоровья людей – не более 10%, а остальное – образ жизни, в том числе правильное и здоровое питание, требующее средств, времени, знаний и рационального отношения. Поэтому развитие кулинарии и повседневного искусства питания – не менее важная цель в стратегии развития Петербурга, чем экономический рост (с. 172–182).

Разделяя озабоченность авторов о здоровье и правильном питании жителей Петербурга, вряд ли можно согласиться с ними, что виноваты сами жители в пассивном внимании к своему питанию и здоровью (с. 181). То есть основную причину авторы видят в субъективном факторе, не в объективных социально-экономических условиях жизни. Поэтому паллиативные меры, предлагаемые авторами монографии, едва ли исправят сложившуюся ситуацию и существующие тренды. Одно дело, когда целью общества было «всё для блага человека», когда были обязательные государственные стандарты производства продуктов питания, профилактические государственные меры для здорового питания и образа жизни, была у всех работа по квалификации и способностям, что способствовало быстрому росту продолжительности жителей страны и Петербурга. Другое дело – развитие капитализма

в мегаполисах, больших региональных городах со значительной долей крупного иностранного капитала, для которого жители города лишь источники получения им выгоды и прибыли, и где работу труднее найти по специальности именно высококвалифицированному жителю (с. 104). Здоровье и структура питания жителей им интересны лишь с указанных позиций, а не как цель их деятельности. Поэтому необходимо развитие реальной социально ориентированной государственной политики, чтобы переломить «макдональдизацию» потребительского поведения части жителей города, проводимую в интересах западных корпораций – производителей и продавцов питания³.

Современный городской житель питается не только дома, но и в столовых на работе, в ресторанах, кафе, часто покупает уличную еду. Всё больше людей вместо столовых предпочитают питаться в ресторанах быстрого питания, которые заменяют рабочие столовые, отвечая запросам «тела» класса. Общественное питание попадает в сферу разделения труда, коммерциализации, рынка и становится «общественным делом», повышая эффективность его производства. Однако люди постепенно утрачивают повседневные навыки приготовления еды и кухня рассматривается как развлечение. Общепит при этом подчиняет и контролирует практики питания и вкуса: дома мы едим те продукты, что можем купить в супермаркете, а на работе – то, что предлагают нам столовые, кафе, рестораны быстрого питания. Люди теряют способность к самоидентификации в еде: едят то, что «положено» – такова экономическая логика массового производства пищи и социальной логика общественного потребления продуктов питания (с. 196–197).

В книге так же обстоятельно анализируется история формирования и дифференциации системы общественного питания в Петербурге, с учетом классового происхождения. Общепит старого Петербурга XVIII–XIX вв. для простого люда был представлен заведениями «обжорного ряда» Сенного рынка. Общепит для самозанятых и наемных работников (извозчики, сапожники, арендаторы спальных мест, трудовые мигранты из деревень и др.) – народные столовые, закусочные на окраинах Петербурга. Иной формат – «кухмистерские» столовые, трактиры и «кофейные дома» с этнической кухней (татарские, еврейские, греческие, английские), где не только питаются, но и общаются, читают газеты. В них столовались студенты, приказчики, портные, мелкие чиновники, педагоги, купцы. «Высшему свету» (крупные чиновники, люди искусства, свободных профессий, инженеры, профессора) Петербурга посещать трактиры и рестораны купеческого толка считалось моветоном. Для них популярными были французские рестораны на Невском проспекте и рядом, которые были центром ресторанной культуры (с. 202–208).

Авторы приводят статистику, что после революции, к 1920 г. в Петрограде насчитывалось 700 общественных столовых. Питание становилось делом социально-классовым, политическим. Опыт НЭПа привел к появлению в 1923 г. кооперативного товарищества «Народное питание», чтобы обеспечить в городе вкусное и здоровое питание для рабочего класса. Индустриализация питания развивалась посредством организации в Ленинграде фабрик-кухонь. Вкусным теперь называлось только питательное и полезное. Открываются рестораны, где собиралась советская элита (известные музыканты, писатели и др.). В 1930-е гг. массово открываются заведения-столовые общепита кухни народов СССР, бары, буфеты, кафе, ларьки, чебуречные, пельменные, чайные (общим числом 1571 к 1940 г.). После Великой Отечественной войны, отмены карточной системы, в городе начинает возрождаться экономика общепита (объем и разнообразие продуктов питания устанавливались планом), культура общепита через открытие старых и новых ресторанов, пирожковых, пышечных, кафе-мороженых (к началу 1960-х гг. их было всего 3305) (с. 212–221).

Заслуживает внимания авторский обзор материальных носителей гастрономической культуры города: в современном Петербурге около 5,5 тысяч заведений общепита: рестораны, кафе, кондитерские, пекарни, бары и др. Авторы выделяют три характерные черты современной ресторанной культуры Петербурга: продолжают традиции европейской

³ См.: Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. / Пер. с англ. А.В. Лазарева. М.: Практикс, 2011.

гастрономии имперского Петербурга, развитие этнического направления петербургской гастрономии, создание ресторанов новой петербургской высокой кухни по умеренным ценам. Согласно исследованию авторов книги, 40,6% жителей города вообще не посещают заведения общественного питания. Те же, что посещают, чаще ходят в кафе (29,7%), в ресторан (20,2%), в столовую (15,7%), в фастфуд (15,9%), стрит-фуд (4,6%). Периодичность их посещения: несколько раз в неделю кафе (33,8%), столовую (61%), ресторан (24%), фастфуд (34%). Среди наиболее значимых факторов при выборе ресторана – хорошая кухня и качество еды, приемлемые цены, приятная обстановка, интерьер, дизайн, доброжелательность персонала. На вопрос о сумме обычной траты в местах общественного питания, петербуржцы отвечают, что в ресторане обычно тратят 1–2 тыс. руб. на человека, 1 тыс. руб. в кафе, 300/500 руб. на фастфуд, 200/300 руб. в столовой и 200 руб. на стрит-фуд (шаверма, пицца и др.) (с. 231–233).

В исследовании авторов проявляется несогласованность промежуточных выводов отдельных глав с общим содержанием книги: факты глубоко и всесторонне показывают взаимообусловленность формирования и развития экономики питания Петербурга со всеми элементами общества (экономика, среда, социальные группы, культура, религия и др.). Однако авторы будущее развитие города связывают в этих выводах в основном с ростом потребительской культуры горожан, культуры питания и гастрономической культуры.

В исследовании прослеживается процесс культурологической эстетизации гастрономической культуры в современном Петербурге и прошлом Санкт-Петербурге, их преемственной связи, а этические социально значимые характеристики экономики питания жителей с классовых позиций отходят на второй план, хотя и представлены суждениями П. Сорокина о влиянии голода на поведение людей и социальную жизнь (с. 59–60, 209).

Подводя итоги исследования, авторы книги делают общий вывод, что гастрономический портрет Петербурга разнообразен, перспективен, многообещающ. Он требует к себе заинтересованного и взвешенного отношения, и в этом с авторами можно согласиться. Главы рецензируемой книги имеют разный уровень по глубине, содержательности материала, результатам исследования: наиболее информативны первая и третья главы. Встречаются досадные буквальные повторы текста, особенно в выводах по главам. Однако любой заинтересованный читатель (студент, преподаватель, исследователь в области социальных наук) найдет в рецензируемой монографии немало нового и уникального материала.

В.В. ВОРОНОВ

ВОРОНОВ Виктор Васильевич, д. социол. н., проф., гл. науч. сотр. Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (voronov@isras.ru).

Veselov Yu.V., Chernov G.I. ST. PETERSBURG: GASTRONOMIC PORTRAIT.

ST. PETERSBURG: "Renome", 2020. 264 p. Reviewed by V.V. VORONOV

DOI: 10.31857/S0132162524040185

Viktor V. VORONOV, Dr. Sci. (Econ. Soc.), Prof., Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (voronov@isras.ru).

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2024 No. 4

METHODOLOGY AND METHODS OF SOCIOLOGICAL STUDIES

- 3 JIN JUNKAI, VESELOV Y.V., SKVORTSOV N.G. Methodology of the Comparative Sociology of Trust (Case Study of Russia and China)
- 14 KUCHENKOVA A.V., TATAROVA G.G. Subjective Well-Being: the Problem of Analyzing Population Qualitative Heterogeneity (Part 1)
- 26 SHMERLINA I.A. *Sobornost* as a Non-Sociological Category

THEORY. METHODOLOGY

- 37 BRASLAVSKIY R.G. Civilizational Turn and Metatheoretical Reconfiguration in Contemporary Sociology

NEW IDEAS AND PHENOMENA IN SOCIOLOGY AND SOCIAL PRACTICE

- 49 GALINDABAEVA V.V., KARBAINOV N.I. «Economy of Adoption»: Street-Level Bureaucracy VS. Rural Community
- 60 RYAZANOVA S.V. Limits of Doctrinal Identification of a Religious Group – the Case of Two Religious Communities in the Kama Region

DEMOGRAPHY. MIGRATIONS

- 73 ANTONOV A.I., KARPOVA V.M. Variation of Reproductive Behavior Lines and Reproductive Cycle Types
- 88 SINELNIKOV A.B. The Relationship of Migration Behavior with Marital Status and the Number of Children in the Family
- 101 RYAZANTSEV S.V., KHRAMOVA M.N. Russian-Speaking Migration to Latin America: New Trends

POLITICAL SOCIOLOGY

- 113 LEVASHOV V.K. Citizens of Russia on Hybrid Socio-Political Reality in the Country

SPECIAL OPINION

- 128 MALINKIN A.N. Values: Can Science Study Them? On the History, Theory and Methodology of the Issue

FIRST STEPS

- 139 GRIGOREVA E.A. An Apology for Utopia: Come Back of Utopian Constructions to the Mainstream Sociological Theorizing

FACTS. COMMENTS. NOTES

- 148 ZHAMPETOVA A.O., ATAAY F., ALKAN S.Ya. Analysis on the Political Values and Preferences of the Student Youth in Kazakhstan
- 153 LUSHNIKOVA O.L. Employment in Personal Subsidiary Farm: Ethnic and Regional Features (the case of Khakassia)

ACADEMIC EVENTS

- 160 BELYAEVA L.A. Sociocultural Evolution of Russia and its Regions
- 164 OSIPOVA N.G., KANEVSKY P.S. Classic University Under Modern Challenges
- 167 **BOOK REVIEWS** (reviewed are books: Sociology in the Scientific Works of N.I. Kareev: Coll. of scien. papers for the 170th anniversary of N.I. Kareev. Based on mat. from the conf. of Herzen University / Exec. ed. A.V. Vorontzov: scientif. ed. S.N. Malyavin; ed. G.A.I offe. St. Petersburg: RGPU im. A.I. Gercena, 2022. **Reviewed by J.V. Rakhmanova**; Veselov Yu.V., Chernov G.I. St. Petersburg: Gastronomic Portrait. St. Petersburg: Renome, 2020. **Reviewed by V.V. Voronov**)
- 175 **CONTENTS**

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)